

Минлос Филипп Робертович

**Редупликация и парные слова
в восточнославянских языках**

специальность 10.02.03 - славянские языки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель: д.ф.н. А.Ф. Журавлев

Москва 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Предварительные замечания	3
1.1. Предмет исследования	3
1.2. Обоснование темы	4
1.3. Фонетические закономерности	6
1.4. Происхождение моделей и отдельных сочетаний	8
2. История вопроса	10
2.1. Парные и рифмованные сочетания	10
2.2. Продуктивная редупликация	11
3. Редупликация: основные и спорные случаи	12
3.1. Незначащая редупликация	13
3.2. Немотивированная редупликация	14
3.3. Морфонологическая регулярность	16
3.4. Короткие повторы	16
3.5. Надежность выделения редупликации	17
4. Парные сочетания однозначных слов	18
4.1. Семантические отношения	18
4.2. Синтаксическая слитность	21
4.3. Порядок элементов	25
Глава I. Редупликация	28
1. Общие вопросы строения редупликации	28
1.1. Семантика редупликации	28
1.2. Морфонологическая терминология	31
1.3. Формальные морфонологические модели	36
1.4. Редупликация и единицы разных языковых уровней	46
2. Значащая неточная редупликация в современном русском языке	57
2.1. Морфонологическое описание	58
2.2. Происхождение и употребление	60
2.3. Семантика	63
2.4. Лексикализация	69
2.5. Редупликация в диалогических контекстах	76
2.6. Социолингвистическая характеристика	78
3. Непродуктивная редупликация с недеривационной семантикой	79
3.1. Точная и неточная редупликация	81
3.2. Редупликация, обозначающая звуки	82
3.3. 'Болтовня, ерунда'	84
3.4. 'Тряпье, хлам'	86
3.5. 'Кое-как'	88
3.6. 'Беспорядок'	90
3.7. Прочие семантические группы	91
3.8. Эмоциональные междометия	95
3.9. Семантика и прагматика	97
3.10. Короткие повторы	100
4. Редупликация в фольклоре	102
4.1. Редупликация и повторы	102
4.2. Редупликация и сочетания	103
4.3. Правая редупликация	105
4.4. Левая редупликация	108

4.5. Немотивированная редупликация	110
4.6. Рифмованные сочетания в загадках	111
4.7. Рифмованные сочетания в скороговорках и в качестве эвфемизмов	113
4.8. Имена и названия	114
4.9. Немотивированная редупликация в различных жанрах	115
Глава II. Парные сочетания полнозначных слов	117
1. Общие вопросы строения парных сочетаний.....	117
1.1. Между редупликацией и сложением	117
1.4. Рифмованные парные сочетания.....	125
1.5. Морфосинтаксический локус	130
1.1. Модель “2+1” в фольклорных текстах.....	133
1.2. Особенности сочетаний двух имен собственных	134
2. Устойчивые сочетания глаголов в традиционном восточнославянском фольклоре.....	137
2.1. Тип ‘действие-уточнение’	138
2.2. Тип ‘действие-интерпретация’	143
2.3. Суммирующие сочетания	145
2.4. Отдельные замечания	149
2.5. Некоторые выводы	150
Глава III. Фонетические модели.....	152
1. Модели с чередованием согласных	152
2. Модели с чередованием гласных.....	157
Заключение.....	161
Приложение.....	163
Немотивированная редупликация в считалках	163
Библиография.....	170

Введение

1. Предварительные замечания

1.1. Предмет исследования

В данной работе на материале русского и других восточнославянских языков рассматриваются две большие группы явлений:

■ парные слова, т.е. слитные сочетания вроде *пить-есть*; парные слова рассматриваются в контексте других парных сочетаний, т.е. устойчивых сочетаний двух независимо существующих слов, вроде пары *пить* и *есть*. Изучается употребление таких пар в традиционном фольклоре, а также в современной идиоматике, литературной и диалектной. Следует сразу оговорить, что мы почти не рассматриваем парные слова в русском разговорном языке (типа *юбки-кофточки*, *барометры-термометры*, *закрепители-проявители* [Хроленко 1985: 121]), а также парные глаголы [Вайс 2000].

■ редупликация. Редупликация, в свою очередь, распадается на *мотивированную* и *немотивированную*:

- **мотивированная редупликация** повторяет существующий (“мотивирующий”) знак (если воспользоваться примером продуктивных разговорных образований, то *картошка-марттошка* образована от слова *картошка*, а *тортики-шмортики* от *тортики*);
- **немотивированная редупликация** не образована ни от какого знака и в общем случае вычленяется только как поверхностное явление (характерными примерами могут служить диалектные *толды-елды* ‘болтовня’, *шани-мани* ‘еле-еле’ или заумные сочетания *хабель-мабель*, *шаранды-баранды* в считалках).

Таким образом, с точки зрения деривационной членимости материал, который рассматривается в нашей работе, распадается на три основные группы по количеству мотивирующих основ: две (“сочетания”), одна (мотивированная редупликация), ни одной (немотивированная редупликация).

С точки зрения семантической и сферы бытования редупликацию можно разделить на *значащую* (продуктивные повторы вроде *картошка-марттошка*, которые

используются в разговорном языке для выражения определенной экспрессивной семантики) и *незначащую* (редупликация, представляющая собой фонетическую игру в семантически вырожденных текстах, например мотивированный повтор *сахар-махар* и немотивированный *шаранды-баранды* в считалках). Особо следует выделить экспрессивные лексикализованные повторы, чаще всего немотивированные (в разговорном языке, например *хухры-мухры*, и в диалектах, например *шани-мани* ‘еле-еле’).

При подготовки диссертации был полностью расписан ряд диалектных словарей: русские (Псковский областной словарь, 14 выпусков СРНГ и несколько отдельных источников), белорусские (Туровский словарь в 5 выпусках [Кривіцкі, Цыхун, Яшкін], а также [Шаталава 1975], [Бекіш 1960] и несколько других словарей) и в меньшем объеме украинские ([Буков]). Впрочем, при работе над парными словами значительно больше материала удалось найти в фольклорных текстах: сборнике Кирши Данилова, песнями Белозерского края, собранными братьями Б. и Ю. Соколовыми, песнях Якушкина [Киреевский] и в других собраниях, в частности [Исторические песни], [Шаповалова, Лаврентьева 1998], [Морозов и др. 1997], [Ананичева и др. 2001], [Болонев 1997], [Барташэвіч 1972], [Довженок 1986], [Чебанюк 1987], [Полес. заговоры] и др.

1.2. Обоснование темы

Совместное рассмотрение редупликации и парных слов вполне традиционно для конкретных описаний (в частности, в советском востоковедении); их сближение отражено и в общих названиях: “слова-повторы” (англ. *doublings*, в частности, в грамматике турецкого языка Льюиса [Lewis 1967]), “слова-близнецы” (в традиции описания венгерского языка) и некоторые другие. Примечательно и то, что в древнеиндийской классификации для обозначения сочинительных композитов использовалась редупликация - *dvandva*. Интуитивно осознаваемое сходство отчасти осмыслено и на теоретическом уровне. Во-первых, определяя редупликацию, исследователи нередко сопоставляют ее с семантическими повторами, в частности, с сочетаниями синонимов ([Burkhart 1985: 124], [Moravcsik 1978: 300]); во-вторых, сходством редупликации и сочетаний вдохновлены некоторые современные концепции редупликации (с одной стороны, идея М. Йип о редупликации как рифме, с другой стороны, Теория морфологического повтора, см. гл. I, 1.3).

Основные, лежащие на поверхности причины для совместного рассмотрения редупликации и парных слов таковы:

■ **Языковая дистрибуция.** Объединение указанных явлений становится возможным оттого, что они особенно сильно грамматикализованы в одних и тех же языках – например, в тюркских (напр, в узб.: редупликация *мева* ‘фрукт’ ~ *мева-чевэ* ‘разные фрукты’ и парное слово *урф-одат* букв. ‘обычай-привычка’ ‘совокупность обычаев’). Н.К. Дмитриев писал, что во всех языках, где встречаются парные сочетания, развита система повторений [Дмитриев 1962: 133]. Скорее всего, это связь может оказаться неверной на более серьезной типологической выборке, однако для Евразии данное наблюдение имеет определенную ценность. Любопытно, что эта закономерность верна не только для разных языков, но и для разных регистров языка и разных жанров: обычно (в частности, в нашем восточнославянском материале) как парные слова, так и неточная редупликация тяготеют не к нормативному языку, а к фольклору и разговорной речи. Таким образом, сам выбор темы диктует необходимость привлекать к рассмотрению маргинальный языковой материал (экспрессивные окказионализмы и примеры из фольклорных текстов).

■ **Общие фонетические модели.** Парные сочетания могут быть внешне похожи на редупликацию из-за того, что объединяют фонетически схожие элементы, в предельном случае удовлетворяющие тем же фонетическим моделям, что и редуплицированные формы в данном языке. В нашем случае это рифмованные пары, в которых второй элемент начинается с губного, чаще всего с [м], ср. рус. фольк. *целует-милует, калина-малина, кутить-мутить*. Проблема фонетических моделей подробно обсуждается в гл. III, но некоторые замечания кажется уместным сделать уже во Введении (см. ниже).

■ **Бытование в одних и тех же идиомах и фонетическое сходство** приводит к наличию промежуточных случаев, которые невозможно однозначно отнести ни к редупликации, ни к сочетаниям. Такие примеры будут рассмотрены в гл. II, 1.3.

Есть также несколько менее очевидных особенностей, которые объединяют парные слова с мотивированной значащей редупликацией:

■ Эти образования имеют промежуточный структурный статус между морфологией и синтаксисом. Ниже во Введении обсуждается, к какому языковому уровню следует отнести образование парных слов, а в гл. I, 1.4 - то же самое относительно редупликации.

■ Общность репрезентативной номинационной модели (обозначение множества через его типичного представителя), к которой можно свести как семантику продуктивной мотивированной редупликации в русском языке, так и основную модель парных слов. Подробнее это будет рассмотрено в гл. I, 2.3¹

■ Теоретическим новшеством нашей работы является структурное осмысление мотивированной редупликации как парного слова, где неточная копия выступает как отдельное слово со своей семантикой (например, *мартошка* ‘что-то вроде картошки’). Такая трактовка, обусловленная возможностью относительно независимого употребления неточной копии, заставляет выделить неточное копирование (т.е. создание *мартошка* из *картошка*) как отдельный процесс. Подробнее см. гл. I, 1.3.

1.3. Фонетические закономерности

Желательно, чтобы наличием фонетических закономерностей, общих для разных структурных типов, было дано теоретическое объяснение. Одно возможное направление для такого объяснения - это аналогия. Например, Роман Якобсон предложил считать, что немотивированная редупликация и сочетания вроде *целует-милует* возникают по аналогии с мотивированной редупликацией [Якобсон 1979]. Другая возможность, которая кажется нам более привлекательной - описывать строение этих сочетаний таким образом, чтобы именно в самом строении было обнаружено что-то общее.

В стандартном описании редупликации “копия” (например, *мартошка* в *картошка-мартошка*) порождается по определенным правилам из “основы” (в данном случае *картошка*). Такой формализм с некоторой натяжкой приложим к описанию немотивированной редупликации, но заведомо не описывает внешний вид парных сочетаний. Тогда то общее, что существует в редупликации и парных сочетаниях, может быть обнаружено лишь при некотором обобщении. В рамках теории оптимальности [Зубрицкая 2002: 200-203], благодаря ее ориентации не на деривацию, а

¹ Следует отметить, что в фольклорных текстах редупликация и парные слова несопоставимы с точки зрения семантики, так как семантика редупликации в этих текстах остается достаточно неясной, а структура парных слов в целом вполне поддается семантическому осмыслению.

на правила выбора оптимальной поверхностной структуры, общность редупликации и парных слов может быть выявлена более непосредственным образом.

Кажется вероятным, что единые фонетические принципы (в теории оптимальности – “принципы гармонии”) должны единообразно описывать не только разные лингвистические явления, но и закономерности, которые наблюдаются в поэтических текстах. В частности, одни и те же принципы фонетического повтора (аллитерация и рифма) используются в редупликации, устойчивых выражениях (например, чеш. *kluk jako buk* ‘крепыш’, букв. ‘парень что бук’, о роли рифмы в подобных текстах см. [Utešeny 1981]) и собственно в поэзии. Думается, что природа рифмы будет изучена лучше не в результате попыток ограничить это понятие осознанным художественным приемом (см. подробнее гл. I, 1.2), а в результате таких исследований, как сравнение некоторых особенностей рифмы в редупликации и поэзии [Ananian 2001].

Мойра Йип [Yip 1999] предложила считать редупликацию грамматикализацией рифмы, точнее, наиболее грамматикализированным концом следующей шкалы: песня, стихи < языковые игры < оноματοпоэтические образования < редупликация с иконическим значением < редупликация с неиконическим значением².

Для разных текстов фонетические закономерности существенны в разной степени. Для художественных текстов в целом внимание к форме, или “поэтическая функция языка” (Р.Якобсон), актуальнее, чем для языка обыденного. Особую важность поэтическая функция языка приобретает в десемантизированных текстах³. Поэтому разные формальные закономерности наиболее ясно проявляются в таких жанрах, как заговор, детская считалка, глоссолалия. Как известно, фольклорный текст в значительной мере состоит из фиксированных формульных выражений (именно наличие таких блоков позволяет запоминать и воспроизводить большие тексты). Такие

² “Грамматикализация” здесь используется лишь в смысле “принадлежность грамматике”, а не в том более специальном, терминологическом смысле, который приобрело слово грамматикализация в современной типологической литературе. Современное понятие “грамматикализация” описывает диахронический процесс возникновения грамматических конструкций из свободных сочетаний слов. Шкала грамматикализации в этом более специальном смысле имеет у редупликации сходный, но несколько иной вид.

³ Другая терминология у У. Вейнрейха, который называет десемантизированной фатическую и ритуальную речь, а тексты с гипертрофированной поэтической функцией языка считает гиперсемантизированными, т.к. там активно эксплуатируются зачаточные соотношения между значением и формой [Вейнрейх 1970: 169-170].

формулы в меньшей степени семантически, чем окружающий текст, и в большей степени фонетически “отточены”. Подобными микротекстами являются также устойчивые и идиоматизированные сочетания обыденного языка (например, *редко, но метко*).

В прозаическом тексте фонетические закономерности обычно проявляются достаточно фрагментарно. Основной вид устойчивых формул в прозе – это сочетания имен, особый микротекст, при создании которого такие факторы могут играть значительно большую роль, чем для окружения. Для наших целей принципиально деление сочетаний имен на внешне и внутренне обусловленные. Такие сочетания, как *Маркс и Энгельс*, полностью детерминированы внешними, историческими обстоятельствами. Сочетания имен вымышленных персонажей (например, *Чук и Гек*) полностью определяются художественным вымыслом. Конечно, существуют различные промежуточные случаи.

Можно обобщить, что чем менее семантически текст, тем более устойчива связь между двумя элементами, чем ближе они расположены, тем регулярнее проявляются на них фонетические закономерности.

1.4. Происхождение моделей и отдельных сочетаний

Так как в связи с исследуемым материалом нередко заходит речь о происхождении отдельных слов и моделей в целом, кажется существенным сразу высказать некоторые соображения на этот счет.

Известно, что две продуктивные модели правой неточной редупликации проникли в русский разговорный язык сравнительно недавно, в XX веке. Редупликация с фиксированной инициальной [ʃm] (*тортики-шмортики*) заимствована из идиш, а распространение м-редупликации (*картошка-мартошка*) в русском связано сразу с несколькими тюркскими и кавказскими языками. Незначащая фольклорная редупликация (вроде *сахар-махар*) не является вырожденной, десемантизированной формой разговорной редупликации. В частности, показательно, что при большом формальном разнообразии морфонологических моделей в считалках, модель *танцы-шманцы* (заведомо поздно заимствованная в разговорный язык из идиш) там полностью отсутствует. Фольклорная редупликация, наряду с различными фонетически сходными рифмованными парами (вроде *целовать-миловать, кутить-мутить*) появилась в восточнославянских языках раньше разговорной редупликации (о чем писал один из

первых ее исследователей, А. Крымский) и едва ли является заимствованием из восточных языков (вопреки мнению Н.Н. Дурново). Гипотеза о восточном происхождении данной модели не может объяснить ее широкого распространения по всей восточнославянской территории и, далее, в Европе. Нам известны примеры таких сочетаний из целого ряда европейских языков и/или фольклора на этих языках – германских (др.-исландский, немецкий, голландский, английский), романских (французский, португальский, румынский), а также из венгерского, албанского, новогреческого, латышского, бретонского. Что касается славянских языков, то, кроме примеров из восточнославянских языков, есть примеры из польского, чешского, сербохорватского, македонского, болгарского. Многие европейские языки, вероятно, отсутствуют в этом списке совершенно случайно. Распространение таких редуPLICATION на Балканах, а особенно их широкое распространение в болгарском, можно связать с турецким влиянием. Однако в целом распространение данной модели в Европе невозможно объяснить подобным образом.

В существующей литературе имеется, на наш взгляд, слишком сильный этимологический крен, т.е. попытка отыскать происхождение немотивированных рифмованных сочетаний, найти источник в диалектной или иноязычной лексике. Действительно, несколько рифмованных сочетаний такого рода в русском литературном языке заимствованы из польского и западноевропейских языков (*гоголь-моголь*, *фигли-мигли*, *шуры-муры*). Однако несколько этих городских слов теряются в общей массе подобных образований, которые обнаруживаются в языке и фольклоре по всей восточнославянской территории и для которых затруднительно найти иноязычные источники. С другой стороны, попытки этимологического осмысления таких слов на славянской почве тоже не выглядят впечатляюще. Например, в работе Ж.Ж. Варбот [Варбот 1986] предлагается считать, что *тары-бары* - это сложение, где выступает два корня со значением 'говорить'. Этимология не кажется нам вполне убедительной и могла бы рассматриваться только с важной оговоркой, которая отсутствует в обсуждаемой статье. А именно: этимологизация отдельных слов типа *тары-бары* или *шуни-муни* обладает довольно низкой объяснительной силой, т.к. их нужно рассматривать и объяснять прежде всего в контексте синхронно существующей относительно продуктивной модели.

Продуктивность данной модели нагляднее всего демонстрируется тем, что сочетания этого типа легко придумывают маленькие дети. В этой связи еще Р.О. Якобсон обратил внимание на записанный К. Чуковским текст двухлетней девочкой:

Кунда, мунда, карамунда, дунда, бунда, парамун (К.И. Чуковский, “От двух до пяти”). Думается, что таких текстов можно было бы собрать довольно много (в нашу задачу сбор этого материала не входил)⁴. Ясно, что такая продуктивность этих образований делает “этимологический” подход заведомо фрагментарным.

Радикальная альтернатива версиям о заимствованиях - предположение о том, что порождение подобных сочетаний входит во врожденные языковые навыки человека, ср. формулировку Вяч. Вс. Иванова: “столь широкое распространение таких сочетаний исключает один-единственный их источник (например, тюркский) и заставляет искать в них, как и в других, с ним сходных, проявления некоторых общечеловеческих языковых устремлений” [Иванов 2000: 333].

Обсуждение столь сильной гипотезы не входит в нашу компетенцию; наша основная цель - указать на внутренние, системные факторы, определяющие строение и функционирование таких сочетаний.

2. История вопроса

В данном разделе обзор истории вопроса дается только в самом общем виде; более подробно различные работы будут обсуждаться в последующих главах, в связи с затрагиваемыми в них проблемами.

2.1. Парные и рифмованные сочетания

Парные слова и другие парные сочетания в восточнославянских языках, будучи характерны в основном не для быденного языка, а для языка фольклора, сами по себе не привлекали к себе большого внимания. Вся известная нам литература ограничивается монографией О.Б. Ткаченко [Ткаченко 1979], некоторыми замечаниями и А.А. Потебни и работами [Евгеньева 1963], [Хроленко 1985].

Впрочем, на тему парных слов и сходных явлений не существует и обширной общелингвистической литературы, и потому совершенно неопределимое значение имеет недавно опубликованная работа Бернарда Вэлхли [Wälhli 2003], посвященная типологическому анализу парных слов.

⁴ Вот образцы детской речи, которые любезно сообщила нам О.А. Абраменко: 1. *жэ́ума млму́ма карамлму́ма, карамлму́ма марламумма*; 2. *ку́мка карабу́мка, // ну́мна, ру́мна*; 3. *туру́мпэ ну́мпэ, // тарáм, ну́ум, // ту́тэ барабу́мтэ, // туру́мтэ, ну́умтэ*.

XX век начался с публикации статьи Мирзы Джафара [Джафар 1900], посвященной восточнославянским рифмованным сочетаниям разной структуры (парным сочетаниям вроде *калина-малина*, редупликации вроде *шуря-буря*); А. Крымский позже опубликовал расширенный вариант этой статьи, обвинив Джафара в плагиате [Крымский 1928]. В начале века свою лепту в изучение рифмованных сочетаний внесли два великих слависта: Николай Дурново написал о них небольшую заметку [Дурново 1902], а Роман Якобсон посвятил им пространное примечание к своей статье про новейшую русскую поэзию, опубликованной в 1921 г. [Якобсон 1979]. Если Дурново и Якобсон рассматривали рифмованные сочетания как систему, то дальнейшие исследования были сосредоточены на этимологии отдельных примеров немотивированной редупликации. Вот основные результаты, полученные в этом направлении: ряд словарных статей в словаре Макса Фасмера, блестящая статья В.Э. Орла про *чирандо-выранто* в севернорусской загадке и про звукоподражание *пиф-паф* [Орел 1977], несколько словарных статей в этимологическом словаре сибирских диалектов А.Е. Аникина [Аникин 2000], этимология для *тары-бары*, предложенная Ж.Ж. Варбот [Варбот 1986], этимологии для заумных сочетаний в считалках [Виноградов 1999], [Топорков 1998], заметка в журнале “Русская речь” про этимологию слова *хухры-мухры* [Николаев 1985].

Существование фонетических и просодических закономерностей, актуальных для парных сочетаний и редупликаций, известно давно. Эти закономерности в общих чертах одинаковы для большого евразийского ареала. В тюркологии они были сформулированы еще в конце XIX в. Карлом Фойем [Дмитриев 1962: 134-135]. В германистике и индоевропеистике формулировка подобных закономерностей происходила более постепенно (см. обзор истории исследования европейских языков в [Bednarczuk 1971:37-40]).

2.2. Продуктивная редупликация

Разговорные продуктивные редупликации типа *картошка-мартошка*, которым было посвящено несколько слов еще в статьях Крымского и Якобсона [Крымский 1928], [Якобсон 1979], изучаются в работах [Янко-Триницкая 1968], [Plähn 1987], [Беликов 1990], [Земская и др. 1983].

В период с начала 70-х годов в западной лингвистике появилось неожиданно много работ, посвященных редупликации. Этот интерес связан прежде всего с тем, что

повторы являются довольно естественным объектом для типологического сравнения: это практически единственное морфологическое явление, представленное почти во всех языках и достаточно сходное как с формальной, материальной точки зрения (в отличие, скажем, от суффиксации), так и с семантической (семантика редупликации является в значительной степени иконической и универсальной). Кроме того, редупликация является довольно сложным объектом для “аддитивных” морфологических моделей (т.е. теорий, ориентированных на линейное морфемное членение). Именно эта теоретическая провокационность редупликации обусловила то, что основные усилия были направлены на разработку морфонологического формализма, пригодного для описания редупликации ([Wilbur 1973], [Marantz 1982], [Steriade 1988] и многочисленные работы, выполненные в рамках теории оптимальности).

В традиционной отечественной науке, напротив, редупликация не получила сколько-нибудь серьезного теоретического осмысления. Показательно, что в монографии В.Б. Касевича “Морфонология” [Касевич 1986] редупликация вообще не упоминается.

3. Редупликация: основные и спорные случаи

Существует ряд явлений, которые называются редупликацией и схожими терминами (повторами, ср. англ. reduplication, repetition, reiteration, gemination, нем. Doppelung и т.д.). Ниже мы уточним, какие именно явления мы называем редупликацией и какие случаи редупликации интересуют нас в этой работе. Прежде всего это те модели редупликации, которые в большей степени сходны с парными словами.

Редупликацией в настоящей работе называется морфонологическое явление, состоящее в структурно значимом повторе последовательностей фонем⁵. Эти цепочки фонем представляют единицы разных уровней: словоформы (рус. фольк. *шахнул*, *махнул*), морфемы (рус. *тик-так*) и субморфы (тоб. *шан’и-ман’и* ‘еле-еле’). Повтор

⁵ Структурно значимый повтор мы противопоставляем случайному, например, представленному в слове *разразиться*; случайный повтор часто устраняется гаплогией - *лермонтовед* < **лермонтов.о.вед*.

словоформ, с которым не связаны никакие морфонологические правила (*гори, гори ясно*), редупликацией не называется.

Теоретическое исследование редупликации обычно отталкивается от продуктивных процессов добавления к самостоятельно существующей основе ее копии, иногда неточной или неполной, при котором модифицируется значение исходной основы (например, рус. разг. *бумажки-шмажки* ‘разные бумажки и что-то подобное; говорящий относится к ним с презрением’ от *бумажки*). Этот случай определен в [Marantz 1982] как “двуплановое” (bimodal) явление: т.е. такое, в котором повтор на уровне формы коррелирует с модификацией значения - таким образом, редупликация отграничивается с одной стороны от синонимических сочетаний, где нет формального повтора, с другой стороны - от формального повтора, не имеющего соответствия в плане означаемого.

3.1. Незначащая редупликация

Одно отклонение от “двупланового повтора” - это *незначащая* (термин И.А. Мельчука) редупликация - т.е. такая, с которой не связано никакое значение. Мельчук предлагает (в “Курсе общей морфологии”) для введения незначащей редупликации следующие понятия: существует редупликация как формальная операция, это *редупликация1*, а соответствующий знак - *редупликация2*. Редупликация1 может быть *значащей* (т.е. являться означающим редупликации2) и незначащей, или *пустой* [Мельчук 1998: 60]. У Мельчука речь идет о незначащей редупликации как морфонологическом чередовании при присоединении суффикса (например, повтор в мексиканском языке тцельталь при присоединении квантифицирующего суффикса *tik*: *na* ‘дом’ ~ *na.na.tik* ‘много домов’, [Мельчук 2000: 60]⁶). Наш материал ставит и другую проблему: фольклорная редупликация часто появляется в текстах, в которых семантика отступает на второй план и слова свободно чередуются с заумью; неудивительно, что и значение редупликации в таких текстах вычленишь затруднительно (показательный пример - *шурин-мурин* в припеве троицкой хороводной песне из Приморского края: *Шурин-мурин верхотурин, Кранты-вьянты первеянты, Первеюшки-покмелюшки, Ой,*

⁶ Ясно, что определение такой редупликации как незначащей связано с характерным для Мельчука желанием связать значение с каким-то одним знаком; во многих случаях, вероятно, более естественным является описание, где значение передается и суффиксом, и чередованием - подобный пример разбирается в [Плунгян 2000: 69].

милая моя! [Болонев, Мельников 1981, №440]; детские считалки содержат особенно большое количество таких примеров).

3.2. Немотивированная редупликация

Другое отклонение от прототипической редупликации - случаи, включающие только сегментный повтор, и при этом не произведенные от какого-либо другого слова или морфемы (скажем, рус. разг. *тыры-пыры*). Естественно, анализировать такое в целом непродуктивное и нерегулярное явление сложнее, а для решения некоторых задач и совершенно излишне. Для описания данного противопоставления, т.е. отличия *бумажки-шмажки* от *тыры-пыры*, будем пользоваться терминами *мотивированная ~ немотивированная редупликация* [Рожанский 2000: 345-346].

Немотивированная редупликация обычно по разным причинам не рассматривается в теоретических работах. В некоторых случаях, например в общем обзоре редупликации, представленном у Е. Моравчик [Moravcsik 1978:300], довольно разумно ограничиться основными, несомненными случаями редупликации и отказаться от рассмотрения немотивированных повторов. Однако существует и теоретическая проблема: объектом немотивированной редупликации являются единицы, которые не входят в компетенцию морфологии в ее обычном понимании. Редупликативное слово, не имеющее мотивирующей основы, состоит из одной морфемы и поэтому с точки зрения морфологии является, строго говоря, неразложимой сущностью (если и разложима, то только на так называемые субморфы). Именно теоретическими причинами вызван вполне логичный отказ И.А. Мельчука от рассмотрения немотивированной редупликации - такие слова “с морфологической точки зрения интереса не представляют” [Мельчук 2000: 49], да и вообще их описанию не находится места ни на одном из уровней модели “Смысл-текст”.

Морфонологические модели продумывались почти исключительно для мотивированной редупликации и оказались принципиально неприменимы к немотивированной. Более мягко эта мысль сформулирована в статье [Golston & Thurgood 1999]: в ней говорится, что анализ, который выработан для мотивированной редупликации, нельзя *легко* (readily) применить к немотивированной (в указанной статье немотивированная редупликация называется “мономорфемной” в противоположность “полиморфемной”, polymorphemic and monomorphemic, [Golston & Thurgood 1999]). Дело в том, что основные морфонологические модели, описывающие

редупликацию, слишком сильно зависят от понятий *основа* (мотивирующая часть редупликации) и *копия*, или *редупликант* (сам повтор, иногда видоизмененный). Для немотивированной редупликации эти понятия не имеют никакого смысла.

В конкретных описаниях, по крайней мере в традиции советского востоковедения, немотивированный повтор всегда выделяли, называя повтором, состоящим из “асемантических” или “подражательных” элементов ([Чевкина 1964: 5], [Солнцев 1995: 207]), элементов, не имеющих отдельного лексического значения [Рубинчик 2001:161]; повтором, являющимся “единственной формой существования слова” ([Горгониев 1966: 72]). Вполне понятным является и желание отделить немотивированную редупликацию от основных случаев редупликации, назвав *квазиредупликацией* [Виноградов 2000: 7].

Немотивированную редупликацию также называют лексикализованной (*lexical*), а мотивированную – продуктивной (*productive*; см. примечания к [Golston & Thurgood 1999]); на самом деле, это несколько иная оппозиция: немотивированная редупликация всегда лексикализована только в обыденном языке (но не, скажем, в считалках), а мотивированная редупликация может быть как продуктивной, так и лексикализованной.

Необходимость выделения немотивированной редупликации объясняется в статье Ф.И. Рожанского [Рожанский 2000: 345-346] следующим образом: обычно лишь у части редуплицированных форм есть мотивация, и “если оказывается, что редуплицированные формы [с мотивацией и без мотивации – *Ф.М.*] образованы по схожим принципам, а их значения имеют общий компонент (например, мультипликативность), то становится очевидно, что мы имеем дело с одним и тем же явлением”. Таким образом, выделение немотивированной редупликации основывается на ее семантическом и формальном сходстве с мотивированной. Примером такой аналогии может служить полная редупликация с мультипликативным значением в африканском языке бамана (группа манде, официальный язык Мали): немотивированный повтор *sogoso* ‘болтать в воде (чтобы полоскать)’ формально и семантически сопоставим с мотивированным *kala.kala* ‘зашивать в нескольких местах’ (от *kala* ‘шить’) [Рожанский 2000: 367, 369].

Выделение немотивированной редупликации по аналогии с мотивированной напоминает хорошо известное в морфологии выделение суффиксов при связанных корнях: например, слово *буженина* (не имеющее мотивирующей основы) семантически отчасти сходно с такими словами, как *медвежатина*, *свинина* и т.п., на основании чего

в них выделяется один и тот же суффикс *-ин(а)*. Однако нам кажется, что в целом немотивированная редупликация должна выделяться на совсем иных основаниях. Сам материал Рожанского демонстрирует семантическую независимость немотивированной редупликации. Большинство семантических групп, которые автор выделяет среди непроемодных повторов (названия животных, растений, частей тела, болезней) не имеет никаких параллелей в мотивированной редупликации (подробней см. гл. I, 1.1). А короткие повторы (вроде рус. *папа, баба, няня, бабахнуть*) в известных нам языках и формально несходны с мотивированной редупликацией (т.к. они являются повторами отдельных слогов, вроде *па, ба*, которые непохожи на корни, а тем более на словоформы соответствующих языков).

По крайней мере для некоторых моделей редупликации (назовем их ономатопоэтическими) существенным является сам поверхностный повтор, а наличие мотивирующей, нередуплицированной формы - факт совершенно случайный. Некоторым подтверждением такой точки зрения являются эксперименты Г. Виссермана, в ходе которых он выяснял, какие слова будут использовать люди для обозначения различных звуков. Эти опыты вроде бы демонстрируют, что элементы звукоподражательных редупликаций (например, *pop-pop-pop, daldal*) не существуют изначально, до создания повтора [Thun 1963: 8-9]. В терминологии Виссермана, в звукоподражательных словах наличествует не удвоение (*Verdoppelung*), а повтор (*Wiederholung*).

3.3. Морфонологическая регулярность

Важным параметром для классификации (или, скорее, шкалой для оценки) редупликации является степень ее морфонологической регулярности. Продуктивная значащая редупликация в обыденном языке обычно имеет относительно регулярную морфонологию. Так, в русском языке значащая мотивированная неточная редупликация строится всего по трем формальным моделям (например, *танцы-шманцы, шашлык-машлык* и *автобус-хуёбус*), тогда как фольклорная редупликация довольно разнообразна (например, *сахар-махар, сахар-бахар, солома-волома, солома-полома, соломина-яломина, шыкинъ-выкинъ, чикинъ-выкинъ* в русских считалках).

3.4. Короткие повторы

Проблема “коротких” повторов обсуждалась у Нильса Тана: он использует параметр “абсолютная длина повторяемой единицы” [Thun 1963: 6]. С этой точки зрения *tata* – “короткий” повтор, а *jeminy-creminy* – “длинный”. “Длинные” повторы – более ясные и надежно выделяемые случаи повтора, чем короткие. Еще меньше оснований выделять короткий неточный повтор (*tala*), такие слова с огромной вероятностью возникают в языке совершенно случайно. Н. Тан предлагает для выделения слов, где повторяется одна-две фонемы (*bolo-words*), применять семантический критерий – т.е. рассматривать их как редупликацию, если они относятся к какому-либо семантическому типу, характерному для надежно выделенной редупликации [Thun 1963: 20-21].

Как уже сказано выше, мы считаем немотивированную редупликацию самостоятельным полноценным явлением, поэтому (в отличие от Тана и Рожанского) не предполагаем, что для коротких повторов следует требовать семантического сходства с “обычной” редупликацией. Такого сходства обычно нет у слоговых повторов, особенно характерных для детского языка (то, что по-немецки называют *Lallwörter*, т.е. “словами лепета”, или *Ammensprache*, т.е. “язык кормилиц” [Burkhardt 1985]). Обычно в таких повторах участвуют слоги простой структуры - *wawa*, *mimi*, *dijdi* и т.п. [Блумфилд 1968: 163]. Такие повторы мы признаем редупликацией, однако не ставим перед собой задачу их подробного анализа, т.к. они образуют достаточно независимую подсистему, мало соприкасающуюся с другими рассматриваемыми моделями (см. о них гл. I, 3.10).

3.5. Надежность выделения редупликации

Выше мы рассмотрели целый ряд отклонений от прототипической редупликации (назначащие, немотивированные, нерегулярные и короткие повторы). Чем больше степень отклонения от нормы, тем менее надежно выделяется в слове редупликация.

Немотивированная значащая редупликация, даже не сходная с мотивированной, достаточно прозрачно выделяется, если регулярно представлена в значительном количестве лексем, содержащих один и тот же семантический компонент. В случае незначащей немотивированной редупликации надежность выделения повтора уменьшается.

По целому ряду причин выделение фольклорной редупликации особенно проблематично. Эта проблематичность прямо пропорциональна семантической

непрозрачности текста: в таких текстах, как заумные считалки, редупликация всегда незначащая и особенно часто морфонологически нетривиальная и немотивированная. В семантически непрозрачном тексте граница между мотивированной и немотивированной редупликацией становится особенно зыбкой, т.к. с точки зрения функций в поэтической текстуре они очень близки. Когда сегмент достаточно короткий, совершенно невозможно решить, является ли он словоформой соответствующего языка или же только случайно с ней совпадает. Например, не ясно, как следует анализировать сочетания *ам дам* или *орба-торба* в считалках - как редуплицированные формы от *дам* и *торба* или просто как заумь, бессмысленные последовательности звуков.

4. Парные сочетания однозначных слов

4.1. Семантические отношения

Парными сочетаниями мы будем называть большой комплекс явлений, который можно приблизительно определить следующим образом: это сочетание двух однозначных слов, довольно тесно связанных друг с другом по смыслу, прежде всего отношениями “естественного сочинения”. Понятие “естественного сочинения” вводится в работе [Wälhli 2003]. “Естественное сочинение” (natural coordination) противопоставлено в этой работе с одной стороны “случайному сочинению” (accidental coordination), с другой стороны - другим, несочинительным отношениям.

В естественном сочинении, в отличие от случайного, сочетание слов является предсказуемым, ожидаемым, между двумя элементами существует тесная семантическая связь, два понятия образуют вместе концептуальное единство. Примерами “естественного сочинения” являются сочетания ‘отец и мать’, ‘муж и жена’, ‘есть и пить’, ‘читать и писать’; примерами случайного - ‘человек и змея’, ‘нож и молоток’, ‘есть и читать’ и ‘читать и плавать’ [Wälhli 2003: 4]. Неудивительно, что для естественного сочинения характерна устойчивость и нетривиальность выведения смысла целого из смысла отдельных частей, как в узбекском парном слове *қозон-товоқ* ‘посуда (разного рода)’, букв. ‘котел- глубокая глиняная чашка’.

Понятие тесной семантической связи двух слов мы понимаем как наличие у них нетривиальных общих семантических компонентов. Прежде всего следует выделить сочетания синонимов и квазисинонимов.

Сочетание квазисинонимов⁷ интерпретируется через обобщение, через более общее понятие (гипероним); такая модель называется “суммирующей”. Видимо, в качестве представителей некоторого класса объектов для обозначения всего класса выбирается пара самых ярких, прототипических. Примером такого способа номинации может служить приведенный выше узбекский *қозон-товоқ* ‘посуда (разного рода)’ или очень похожий пример из идиш *gopl-lefl* ‘столовые приборы’ (‘вилка-ложка’) [Вейнрейх 1970: 241]⁸. Особо следует выделить сочетания слов с *несовместимыми* значениями (термин из [Кобозева 2000]) - например, ‘отец-мать’, ‘муж-жена’. В старой лингвистической традиции отношения в таких парах называли антонимическими [Тенишев 1976: 116]; после уточнения понятия антонимии, предпринятого в “Лексической семантике” Ю.Д. Апресяна [Апресян 1974], от такой их атрибуции следует отказаться. Характерные примеры такой модели - рус. *руки-ноги* ‘конечности’, узб. *ота-она* “отец-мать” ‘родители’, *эр-хотин* “мужчина-женщина” ‘люди обоего пола, супруги’, *кеча-кундуз* “день-ночь” ‘сутки’.

Синонимы употребляются вместе для усиления смысла. Семантическая избыточность таких “тавтологических” сочетаний настораживает исследователей, кажется вторичной. Например, А.А. Потебня предположил и показал на нескольких примерах, что в “тождесловиях” на самом деле второе слово уточняет или уточняло исходно смысл первого (например, в сочетаниях *честь-хвала*, *честь-слава* второе слово указывает, о какой именно чести идет речь, так как *чтить* можно по-разному; в сочетании *род-племя* два элемента исходно означали два разных понятия – слово *род* относилось к ближайшей родне, а *племя* – к дальним родственникам). Н. Егорушкина [Егорушкина 2000] считает, что экспрессивные тавтологические сочетания вроде *сила-*

⁷ В Московской семантической школе принято выделять два основных случая квазисинонимии: включение значений (*болеть* ~ *саднить*, *добиваться* ~ *домогаться*, *нести* ~ *тащить*) и пересечение значений (*мыть* ~ *стирать*, *конвой* ~ *караул*, *арестовывать* ~ *задерживать*) [Мельчук 1974: 83], [Апресян, 1974: 235-239]. И.М. Кобозева в своем учебнике переформулирует “включение значений” как гипонимию (соответственно, включая в квазисинонимы такие классические примеры родо-видовых отношений, как *дуб* ~ *дерево*). Понятие пересечения значений Кобозева заменяет на понятие *несовместимости значений*, включая в него и такие пары, как *отец* ~ *мать*, включение которых в квазисинонимы несколько противоречит лингвистической интуиции [Кобозева 2000: 100-104], однако удобно для нашей классификации.

⁸ Ср. еще узб. *арпа-бугдой* “ячень-пшеница” ‘зерновой хлеб’, *курт-кумурска* “червяк-муравей” ‘насекомые’, *илон-чаён* “змея-скорпион” ‘пресмыкающиеся’, *дафтар-клям* “тетрадь-карандаш” ‘письменные принадлежности’.

мощь, грусть-тоска вторично возникли по аналогии с обобщающими сочетаниями. Можно предположить, что такое усиление используется для того, чтобы подчеркнуть понятия, особенно важные в данной (суб)культуре (вроде понятия *путь-дорога*); по крайней мере для поэтического языка такие сочетания необязательно считать вторичными и выводить из каких-то других типов. Характерные примеры синонимических сочетаний - рус. фольк. *пора-времячко, тоска-кручина, огонь-пламя, спать-почивать*, узб. *орзу-хавас* букв. 'желание-охота - 'сильное желание', *шак-шубха* букв. 'сомнение-подозрение' - 'сильное подозрение'.

Выделив несколько случаев явно естественного сочинения, хотелось бы указать и на другой конец шкалы, на универсально распространенную модель случайного сочинения с тривиальной семантической интерпретацией: это глагольное сочинение, в котором последовательность глаголов иконически отражает временную последовательность событий, как в таких фольклорных примерах: *ерлыки распечатывал и просматривал* [Кирша Данилов, №25, 214]; *умойся, утрися* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №95]. Такие сочетания мы, естественно, не рассматриваем.

Следует отметить, что в литературе парные сочетания довольно часто классифицируют не только на основании собственно семантических отношений компонентов, но и на основании социолингвистических характеристик одного из слов (диалектное, архаичное, заимствованное), на основании отнесенности слов к разным жанрам (ср., в частности, [Евгеньева 1963: 261-262]). В некоторых случаях, наверное, разное происхождение двух слов действительно имеет существенное значение: например, на острове Роти "диада" (см. ниже об этом понятии) часто состоит из двух синонимов из разных диалектов, что способствует взаимопониманию при использовании общего ритуального языка [Fox 1988]. Довольно часто в сочетаниях лишь одно слово (обычно первое) свободно выступает вне сочетания (такое наблюдение про *род-племя* в русском фольклоре высказано в [Евгеньева 1963: 268], про *ум-разум* в свадебных причитаниях в [Никитина 1999: 301]). Нередко одно из слов в парном слове не используется в данном языке и может быть этимологизировано лишь при сравнении с родственными языками. Рамстед приводит несколько примеров такого рода, в частности следующий: в монгольском и бурятском для понятия 'огонь' используется слово *gal*, но в поэтическом языке употребляется *gal xul*, второй компонент которого может быть проэтимологизирован лишь при сопоставлении с тюрк. *kul* 'пепел' [Рамстед 1957: 222] (некоторые сходные случаи обсуждаются в гл. II,

1). Необходимость в создании парного сочетания может быть связана с неоднозначностью одного из слов: в болгарском и сербохорватском языках прилагательное *зелен / zelen* как обозначение масти коня имеет (видимо, под влиянием турецкого языка) значение ‘светлый с темными пятнами’, для прояснения этого терминологического употребления, находящегося в явном противоречии с основным значением прилагательного (‘зеленый’), используется “тавтологическое” сочетание болг. диал. *сив-зелен (кон)*, с.-хорв. *siv zelen soko* [Рачева 2003: 91]. Вэлхли выделяет объяснительные композиты как особый вид синонимических композитов; приводимый им пример интересен тем, что в нем заимствованное слово используется для прояснения исконного, а не наоборот: в мордовском русское заимствование *kor'on* ‘корень’ является вполне однозначным, в отличие от исконного *undoks* ‘дупло’, ‘корень’; возникает парное слово *undoks.ost-kor'on.ost* ‘корень.их-корень.их’, которое регулярно используется в значении ‘корень’ / ‘корни’ в мордовском переводе Евангелия от Марка (текст, который Вэлхли использует как материал для статистического сравнения частоты использования парных слов в различных языках) [Wälhli 2003: 124].

Мы выделяем парные сочетания как связанные преимущественно сочинительными отношениями, понимая, что семантика сочинения очень неоднородна и не является надежным критерием. Сочинительные отношения выделяются прежде всего как противопоставленные подчинительным; в частности, сочинительные композиты противопоставлены подчинительным (*subordinate compounds, sub-compounds*, или *determinative compounds* [Wälhli 2003: 1-2]), более характерным для европейских языков. Естественно, тесная семантическая связь элементов, которую мы предполагаем у естественного сочинения, возможна и при подчинительных отношениях.

4.2. Синтаксическая слитность

Парные сочетания могут иметь совершенно разную синтаксическую и даже дискурсивную реализацию. Можно представить себе шкалу слитности, где на одном конце будут находиться парные слова (*весел-радошен* [Кирша Данилов, №23, 199], *ходила-гуляла* [Кирша Данилов, №6, 72, №36]), на другом - параллелизмы, характерные для фольклорных текстов (*что ходишь не весело, гуляешь не радостно?* [Киреевский,

№150]), а между ними - обычные сочинительные сочетания (*со весельем да со радостью*) [Соколовы, обряд., №170, 188, 198]).

Понятие *парные слова*, бытующее в русской лингвистической традиции, удобно своей неопределенностью: этот термин ничего не говорит о морфосинтаксическом статусе этих конструкций, т.е. о том, являются ли такие сочетания сложными словами или словосочетаниями (на эту тему не существует единого мнения). Парными словами называют синтаксически и семантически слитные сочетания вроде *поить-кормить*, *золото-серебро*, *сильный-могучий*, довольно характерные для восточнославянского фольклора. Иноязычные термины, которые описывают то же самое явление, более однозначны в отнесении этих сочетаний к словосложению: их называют, следуя древнеиндийской традиции, двандва-композиатами, сочинительными или копулятивными сложениями (нем. *Kopulativkomposita*); показательно, что в монографии [Wähli 2003], где эти слова называются *co-compounds* (сокращение от *coordinational compounds*), говорится о спорности их отнесения к словосложению. В советском востоковедении представлено два взгляда на парные слова - А.Н. Кононов и Н.А. Баскаков относили их к сложным словам с сочинительным типом [Кононов 1956: 124, Баскаков 1952], а Н.К. Дмитриев - к словосочетаниям [Дмитриев 1940, Дмитриев 1948, Дмитриев 1962]. Неопределенность существует и в русистике - парные слова относил к словосочетаниям А.А. Шахматов [Шахматов 1949: 457], но к композиатам - Н.М. Шанский и вслед за ним О.Б. Ткаченко [Шанский 1968: 271], [Ткаченко 1979:176].

К парным словам близки некоторые сочинительные конструкции. Примечательно, что одно и то же сочетание реализуется как в виде парного слова (например, *хитра-мудра*), так и в виде сочинения (*хитрый да мудрый*). Термин греческой риторики *гендиадис* (*hendiadyoin*, “один вместо двух”) обозначает квазисинонимические сочинительные конструкции, используемые для номинации единого понятия, вроде *милость и человеколюбие* [Лекомцева 1980]⁹. Понятие “бином” (*binomial*) в англо-американской лингвистике обозначает сочинительные сочетания существительных (впрочем, это слово давно добралось и до отечественной лингвистики, ср. [Вашунин 1976], [Хроленко 1985]). В разных работах выделяются разные формальные свойства таких сочетаний - фиксированная последовательность элементов (буквально “непереставимость”, *irreversible binomials* [Malkiel 1959]), отсутствие артиклей (*bare*

binomials [Lambrecht 1984]). Существенно, что такие конструкции часто бывают формульны, идиоматичны [Wälhli 2003: 9]. В германистике в конце XIX в. появилось понятие “слова-близнецы”, или, точнее, “близнечные формулы” (Zwillingsformeln), обозначающее сочинительные пары слов, близких по значению по звучанию [Thun 1963: 268-271].

Следующая степень синтаксической разорванности - поэтический параллелизм, [Wälhli 2003: 11, Fox 1988]. Если в работе [Wälhli 2003] параллелизм отделяется от сочинительных сочетаний, то в монографии [Евгеньева 1963] они рассматриваются вместе. Это вполне закономерно: если в типологической работе автор вынужден сужать объект исследования (в частности, из-за меньшей исследованности параллелизма в конкретных языках), то при изучении такого фольклора, как русский, разрывать эти два явления было бы совершенно искусственно. “Двухэлементные группы” или “диады” (dyadic sets, dyads) изучались, в частности, в ритуальных языках Западной Индонезии [Fox 1988]. Элементы таких диад часто являются синонимами или антонимами.

Например, сочетание *пированье & столованье* у Кирши Данилова используется как поэтический параллелизм (например, *Было пированье-почетной пир, было столованье-почетной пир* [Кирша Данилов, №17, 149 и др.]), а в печорских былинах выступает как обычное парное слово (*пированье-столованье* [Былины Печоры, №16:2, №17:4, №18:251, №19:1, №20:3,4], *пированье, столованье* [Былины Печоры, №21:3]). Что касается семантической структуры сочетания *пированье & столованье*, то ее можно сопоставить с парами вроде *пить & есть / поить & кормить*.

Работа с фольклорными текстами демонстрирует свободную вариативность в синтаксической реализации парных сочетаний - от парных слов до параллелизма:

Срядиться & сподобиться: *средилса-сподобилса* [Былины Печоры, №10:73]; *он ведь стал тут, Добрыня, снаряжатися, а-де он стал-то Добрыня сподоблятися* [Былины Печоры, №10:67]; *кабы скоро тут робята снарезаютца, кабы скоро они да сподобляютца* [Былины Печоры, №16:36-37]; *ты куды да сподобилси, ты куды да снарядилси* [Соколовы, похоронные причеты, №328]; *ты куда да сподобляешиши, ты куда да снаряжаешиши* [Соколовы, похоронные причеты, №329]; ср. еще сходное *снарядиться, приубраться* [Киреевский, №294].

⁹ Этот термин иногда используется также применительно к парным словам, см. [Рамстед 1957: 222], а иногда и совсем расширительно, применительно к разного рода повторам и парным сочетаниям, [Burkhart 1985], [Журавлев 1982: 85].

Спать & лежать: рус. *спишь-лежишь* [Кирша Данилов, №45, 283]; *спи да лёжи – государь денежки при́шлёт* [Соколовы, пословицы и поговорки, №8]; *полно нам спать, полно так лежать* [Сборник Василия Степанова, №6]; *не спишь, не лежишь* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №110]; *как вам спалось, да вам лежалось?* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №233]; белор. *чы ты спыш, чи так лыжы́ш?* (брест., [Полес. заговоры, №11]); *чы тэ спыш, рабэ́ня, чы тэ так лыжэ́ш?* (брест., [Полес. заговоры, №27]).

Интересный пример представляет собой диалектная пара *доб-здоров / доб и здоров*. При рассмотрении примеров с этим парным сочетанием, которые содержатся в Псковском областном словаре ([ПОС 9:91], картотека ПОС) обнаруживается дополнительное распределение сочинительных и слитных сочетаний по формам парадигмы. Сочинительная конструкция выступает в краткой форме единственного числа мужского рода: *дон и здаро́ф* (д. Матрюхи Тор. р-на), *доб и здаров* (В.-Л. р-н, зап. Копаневич), *дон и здаро́ф* (д. Лисицы Пушк. р-на); слитные сочетания выступают в других формах: *добры́-здоровы* (д. Алоль Пуст. р-на), *дабра́-здаро́ва* (Локн. р-н), *дабра́-здаро́вь* (д. Мозгирино Сер. р-на), *до́брыје здаро́выје* (д. Еромлово Пушк. р-на), обнаружено только одно исключение из этой закономерности: *добр здаро́ў* (д. Усошино Беж. р-на).

Судя по записям, полученным от информанток из д.д. Смёхново, Варваринка Холмского р-на Новгородской области, формульное выражение *dób-zdaróf* ‘здоров, благополучен’ является неизменяемым, не связанным с мужским родом. Та же форма *доб-здоров* фиксируется (как псковская) в [СРНГ 8:73]. Возведение *доб* в этом сочетании к праформе **dovъ* [ЭССЯ 5:47] не является обязательным, т.к. *доб-здоров* можно рассматривать и не как диалектный морфологический вариант, а как прямой фонетический рефлекс др.-русс. (и др.-новг.) формулы *добръ здоровъ* [Зализняк 1995: 418]; выпадение [р] в этом сочетании можно объяснить как фонетический процесс (хотя и влияние отдельной лексемы *доб* тоже, без сомнения, возможно). Можно реконструировать такую предысторию современных форм: в сочетании *добр-здоров* выпадает *р* и получается форма *доб-здоров*; после чего и в ней могут произойти изменения - а именно, кластер [бзд] может быть разбит союзом *и*. Таким образом, нежелательное сочетание [брзд] устраняется в два приема. Сочетание *доб-здоров*

сохраняется в изучаемом говоре потому, что функционирует не как пара однозначных прилагательных, а как единая формула¹⁰.

Таким образом, налицо континуум разной синтаксической и дискурсивной реализации парных сочетаний – хотя, конечно, те или иные сочетания или их группы могут тяготеть к разным точкам в этом континууме. Такие термины, как полуслитные образования [Шеянова 1996], устойчивые парные сочетания [Коляденков 1959], подчеркивают неопределенный синтаксический статус рассматриваемых пар.

В некоторых случаях одна и та же пара слов может выступать и в сочинительном парном сочетании, и в составе совсем иной структуры. Например, сочетание слов *кукиши* и *мякиши* представлены и в типичном рифмованном сочетании карель. *кúкиши-мя́киши* ‘кое-как, бестолково’ [Герд 3: 54], и в довольно нетривиальном *Выторгуешь у кукиша мякиши* [Даль, пословицы]. Сочетание корней **dobr-* и **sъdorv-* реализуется и как сочинительное (др.-рус. *добръ здоровъ*, диал. *добрý-здоровы*), и как подчинительное (*дóброго здоров’я* [Гринченко I: 398], серб. диал. (косов.-метох.) *у дóбро здравље!* [Елезовић 1: 140], совр. рус. *на доброе здоровье, в добром здравии*), укр. *віншуємо вас добрим здоров’ям* [Чебанюк 1987: 327]. Гипотетически можно присоединить к этому материалу устойчивое выражение укр. *добрим людям на здоров’я* [Чебанюк 1987: 271, 274, 290]. Таким образом, иногда в контексте собственно сочинительных парных сочетаний разумно рассматривать некоторые другие пары.

4.3. Порядок элементов

Э. Бенвенист в известной статье “Синтаксические основы именного сложения” высказывает суждение, что в двандва-композициях два элемента совершенно равноправны, и поэтому в этих конструкциях нет никакого “главенства одного из компонентов над другим, кроме отношения предшествования, закрепленного традицией, но, впрочем, обратимого” [Бенвенист 1974: 242]. Предположение о том, что порядок элементов в сочинительных композициях произволен и относительно устойчив лишь благодаря традиции, опровергается исследованиями. Краткий обзор закономерностей, обнаруженных в индоевропейских языках, есть в [Bednarczuk 1970: 41-42]: на первом месте стоит слово, относящееся к объекту или понятию более

¹⁰ Следует отметить, что *доб(р)* в современных говорах не имеет, насколько нам

важному, близкому или предшествующему во времени, существуют также формальные (фонетические и просодические) закономерности, которые обсуждаются в третьей главе нашей работы. Более того, идея синтаксической равноправности двух элементов тоже не вполне бесспорна, и в гл. II, 1 мы обсуждаем проблему выделения вершины в таких конструкциях.

известно, подходящих значений ('благополучен', 'здоров').

Глава I. Редупликация

1. Общие вопросы строения редупликации

1.1. Семантика редупликации

Разного рода повторы являются одним из наименее конвенциональных, т.е. наиболее иконических языковых средств. Они имеют тенденцию выражать некоторый круг значений в самых разных языках, игнорируя ареальные и тем более генетические границы (как говорится по-английски, *cross-linguistically*). Поэтому, рассматривая значения редупликации в восточнославянских языках, мы сразу же пытаемся найти семантические аналоги в других языках.

Согласно классификации основателя семиотики Ч. Пирса, иконическими называют такие знаки, у которых связь между означающим и означаемым является относительно прямой, не связанной с традицией (как у обычных, символьных знаков) или с ситуацией (как у индексных знаков). Применительно к иконической лексике обычно трудно сказать, что следует считать корнем и как устроено словообразование, ср. такие ряды, как англ. *flip* 'щелкать' ~ *flap* 'хлопать' ~ *flop* 'шлепать' [Блумфилд 1968:162]. Понятие (звуко)символизм обычно выступает в том же смысле, что и иконизм; звукоподражание - частный случай иконической лексики, слова, которые претендуют на непосредственное воспроизведение звука. Кроме того, есть еще и такие понятия, как ономатопоэтическая лексика, идеофоны, имитативы, которые употребляются чаще применительно к иконическим знакам вообще, чем собственно для звукоподражаний.

Самая известная работа, посвященная семантике редупликации с типологической точки зрения – [Moravcsik 1978]. Там рассматриваются в основном основные, грамматические значения редупликации, наиболее иконические и универсальные: множественность у существительных (часто дистрибутивная), множественность и интенсивность у предикатов (в частности, такие значения, как продолжительное действие, реципрок). В статье [Rieger 1998] рассматривается большее широкий спектр значений, выражаемой редупликацией и предпринимается попытка установить, почему редупликация выражает эти значения. Для основных значений (вроде множественности и интенсивности) достаточно сослаться на их иконичность. Но редупликация относительно устойчиво выражает и другие значения, не имеющие прямой иконической интерпретации, например презрение (англ. *claptrap* 'что-то,

расчитанное на дешевый эффект; ерунда, чепуха’, узб. *икир-чикир* ‘пустой, незначительный’, фарси *chart-o-part* ‘вздор’). В статье предлагается считать, что неиконические значения связаны по цепочке, ассоциативно с иконическими. Например, семантика пренебрежения часто мотивированна смыслом ‘маленький’ (в качестве доказательства автор приводит англ. *peanut* ‘арахис’ > ‘никчемный человек’).

Сделаем несколько замечаний относительно семантики коротких повторов. Их значение, вообще говоря, может быть самым разным – это продуктивное средство порождения слов, использование которого в первую очередь определяется коммуникативными нуждами ребенка. В отдельных случаях (например, *би-би* ‘автомобиль’) они имеют отчетливо звукоподражательное происхождение. Определенные слова детского языка закрепляются в языке и образуют целые подсистемы [Фергусон 1975], оставаясь при этом маркированно “детскими”, как слав. **kakati* или рус. *ни-ни*. Особенно характерны для “лепетных слов” основные для человеческой жизни понятия - термины ближнего родства (‘отец’, ‘мать’, ‘тётя’; вторичные значения – ‘мужчина’, ‘духовный отец, священник и т.п.’; ‘женщина, хозяйка’), ‘ребенок (слуга)’; ‘спать’, ‘кровать (колыбель)’, ‘щекотать’, ‘грудь, сосать, молоко’, ‘живот, плечо’, ‘рот, есть, пить, вода, хотеть пить’, ‘еда, испытывать голод’, ‘говорить, заикаться’, ‘да, нет’ и т.д. [Thun 1963: 298].

Семантика продуктивной мотивированной редупликации обычно формулируется как некоторая модификация смысла исходного слова - например, ‘очень X’. Семантика немотивированной редупликации может иметь такую же структуру, несмотря на невозможность выделить в ее деривационной структуре этот X. Именно на такие случаи ориентирован подход к немотивированной редупликации, представленный в [Рожанский 2000], где предлагается выделять модель немотивированной редупликации на основании семантического и формального совпадения с моделью мотивированной редупликации. Можно было бы говорить, что в мотивированной и немотивированной редупликации представлена одна и та же редупликативная морфема, но в случае немотивированной редупликации мы имеем дело со связанными основами; обычно такие случаи возникают в результате утраты мотивирующей основы (как в рус. *буженина*). Для экспрессивной лексики открыт и более причудливый исторический путь – возникновение продуктивных деривационных моделей, которые выражают вполне определенную семантику в сочетании с произвольными, незначащими “корными” - например, модель *на-[-]ся*, включающая не только *накиряться* или *назюзюкаться*, но и открытый список подобных образований (эта ситуация рассматривается в работе [Кронгауз 1998], где данные корни названы

словообразовательными “джокерами”). Однако такие модели по крайней мере исходно четко связаны с вполне обычными словами (в данном случае – *напиться*). Немотивированная редупликация в целом не может быть объяснена подобным образом. Во-первых, короткие повторы (вроде *тятя*), будучи несходны с мотивированной редупликацией, исторически точно не происходят из повтора морфем типа *тя-*. Во-вторых, как мы уже отмечали во Введении, материал Ф.И. Рожанского не подтверждает продуктивность выделения немотивированной редупликации по аналогии. Большинство семантических групп, которые автор обнаружил среди производных повторов (названия животных, растений, частей тела, болезней) не имеет никаких параллелей в мотивированной редупликации. Более того, отсутствие параллелей явно не является случайным фактом, потому что некоторые конкретные значения (например, ‘насекомые’) вообще не ориентированы на деривацию, на модификацию некоторого исходного смысла. Рассматривая значения, представленные у редупликации в разных языках, можно обнаружить, что некоторые из этих значений тяготеет к деривации, а некоторые – к немотивированным образованиям. Не так просто подобрать обозначения для терминологического противопоставления этих двух семантических типов редупликаций. Если один из них довольно естественно можно обозначить как *деривационный*, то другой проще всего обозначить отрицательной характеристикой, *недеривационный*. Какие есть положительные черты, которыми можно было бы обозначить этот второй, недеривационный тип? Эту семантику нельзя обозначить как экспрессивную, потому что и деривационная семантика может быть экспрессивной, или как производную, потому что в этом типе вполне может попадаться мотивированная редупликация. Например, значение ‘болтовня, ерунда’, которое часто выражается в русских диалектах немотивированной редупликацией (*тары-бары, принджи-брынджи, кундры-мундры*), может выражаться и явно мотивированной редупликацией (*шалтай-болтай*), и редупликацией, для которой лишь с степенью достоверности можно отыскать одну мотивирующую основу (*толды-елды, талалы-балалы*) или две (*тырли-мырли*).

Выделенное противопоставление деривационной и недеривационной семантики можно сопоставить с оппозицией семантических *предикатов (функторов)* и *аргументов* (в логическом представлении аргументы подчинены предикату). Действительно, типичные деривационные модели вроде ‘много X’, ‘часто X’ имеют предикатную семантику, однако недеривационная семантика тоже может быть предикатной (например, смысл ‘кое-как’, выделяемый в нашем восточнославянском материале).

1.2. Морфонологическая терминология

Хотя на самом деле редупликация является частным случаем итерации (а именно, единичной итерацией) и с теоретической точки зрения все определения должны были бы формулироваться на более абстрактном уровне, применительно к итерации вообще, ниже мы будем говорить почти исключительно о редупликации, т.к. для рассматриваемого славянского материала этого в основном достаточно. Примеры трипликации есть в фольклорных текстах, например в считалках: белорус. *эны, бэны, мэны* [Барташэвіч 1972, №864]; гомель. *фрэкс, пэкс, шмэкс, кара́ба, ма́раба, мура́ба, лэкс, трэкс, дрэкс, финтапа́, милтапа́, линтапа́* [Топорков 1998, 14], однако в первом приближении их можно рассматривать как комбинацию редупликаций. Именно такой путь выбран Н. Таном, который отмечает, что в рефренах точная и неточная редупликация нередко комбинируются, образуя трипликацию, ср. *tra-la-la, bur-dup-a-dup, wa-da-da*. [Thun 1963: 211].

В отечественной лингвистике не существует даже относительно общепризнанной терминологии для морфонологической классификации редупликации.

Единственная последовательная терминологическая система предложена в “Курсе общей морфологии” И.А. Мельчука [Мельчук 2000: 48-61]. Согласно Мельчуку, редупликации подвергается знак или группа знаков – это **область применения редупликации**. В ней можно выделить условный элемент (совпадающий с областью применения или меньший), **редупликанд**. Редупликанд повторяется, иногда с заменой некоторых фонем – его отображение называется **образом** или **копией**. Для нашего материала важны следующие характеристики редупликации: левая/правая (по расположению копии относительно редупликанда), точная/ неточная (точная – если копия совпадает с редупликандом), полная/ неполная (полная – если редупликанд совпадает с областью применения редупликации). Правую неточную редупликацию можно проиллюстрировать примерами из русского разговорного языка: полная *танцы-шманцы* и неполная *бумажки-шмажки*. Правая точная неполная редупликация часто встречается в песнях, ср. *Вологда-гда*. Левая редупликация представлена в считалках: полная неточная *шшел-вышел*, неполная точная - *зены мезены*, неполная неточная - *цынцы мизинцы*. Направление полной точной редупликации (например, рус. *синий-синий*, если этот случай называть редупликацией) можно установить только из системных соображений.

В советском востоковедении используется противопоставление *частичный* ~ *дивергентный повтор*. Видимо, эта оппозиция в целом соответствует той, для которой И.А. Мельчук ввел термины *неполная* ~ *неточная редупликация*. Однако т.к. термины *частичный* / *дивергентный* вводятся без четких определений, их употребление тоже довольно неясно: например, В.М. Солнцев определяет дивергентный повтор как такой, при котором “повторяемый... компонент повтора предстает в фонетически видоизмененном облике”, а неполный вообще не определяет. При этом вьет. *dəm dɛp* ‘довольно красивый’ (*dɛp* ‘красивый’) - пример дивергентной редупликации, а *bát ngát* ‘бескрайний’ - пример частичной [Солнцев 1995: 207]. Не совсем ясно, какое формальное определение может соответствовать такому делению. Во многих грамматиках восточных языков (урду – [Дымшиц 2001: 63-64], авадхи – [Липеровский 1997: 34], маратхи – [Катенина 1963: 37]), используется более простая оппозиция *полный* ~ *частичный* повтор: т.е. все повторы, в которых “один из компонентов самостоятельно не употребляется и представляет собой несколько видоизмененный другой” (З.М. Дымшиц), называются *частичными*; в учебнике А.А. Реформатского [Реформатский 1967: 288] полному повтору противопоставлен *неполный*). Кроме того, для обозначения копии в отечественном востоковедении используется термин *редупликатор*, определяемый как “воспроизводящая часть повтора” [Оглоблин 1996: 96].

В англоязычных работах в несколько большей степени сложилась терминологическая система. Там то, что подвергается копированию, называется **основой** (base, у Вилбур the original, Ro – [Wilbur 1973: 7]), а то, что к основе прибавляется – **редупликантом** (reduplicant, у Вилбур the copy, the copied part or Rr), при этом никакого аналога для мельчуковского *редупликанда* не используется (исключением является работа Д. Фрэмптона, где сходная сущность называется duplicant).

Достаточно много разных названий существует для тривиального случая редупликации – т.е. такого, который называется *полной точной редупликацией* в системе Мельчука. Такой случай называют **полной** (total, реже complete) редупликацией (=doubling, как например у Вилбур, = Copy Reduplication, [Minkova]), по-немецки reine Reduplication (с примером *tom-tom*, Ph. Aronstein, цитируется по [Thun 1963: 4]), totale/ identische Wiederholung/ Verdoppelung = Geminatio [Burkhart 1985: 124]. Иногда *полный точный повтор* противопоставляют редупликации, называя удвоением (англ. iteration, gemination, doubling, duplication, нем. Geminatio), причем редупликация

означает неполный повтор (см. обзор литературы в [Thun 1963: 7]). Это соответствует представлению о редупликации как о морфонологическом явлении (соответственно, морфонологически тривиальный повтор – не редупликация).

Отступления от этого идеала называются **частичной** (partial) и **неточной** (inexact) редупликацией. Для указания направления есть термины rightward ~ leftward reduplication, а также термины, сближающие редупликацию с аффиксацией: suffixing ~ prefixing (~ infixing = internal), например [Wilbur 1973: 8].

Таким образом, в традиционном отечественном востоковедении достаточно ясной полной системы не сформировалось, а предложенная И.А. Мельчуком система в двух пунктах, к сожалению, принципиально (а не в выборе терминов) идет вразрез с западной системой описания редупликации. Одно расхождение связано с оригинальным понятием “редупликанд” у Мельчука: неполная редупликация в его системе описывается как выбор редупликанда внутри основы, тогда как в западной лингвистике – как усечение копии. С нашей точки зрения, западный подход в большей степени отражает поверхностную природу этого явления: копия усекается для того, чтобы удовлетворять просодическим требованиям гармонии, которые было бы странно предъявлять к такому глубинному конструкту, как редупликанд. Другая важная особенность терминологии Мельчука – отсутствие однословного обозначения для полной точной редупликации, связана с логически последовательным разделением полноты и точности на два независимых признака. Кажется, что это отражает общую особенность построений этого автора (этих построения в некоторых случаях следуют скорей логике, чем языку).

В любом случае, следует стремиться к тому, чтобы привести терминологию к “общему знаменателю”. Учитывая как лингвистические, так и внелингвистические факторы, очевидно, что самый перспективный путь к унификации - это принятие, по крайней мере в основе, западного, англо-американского терминологического стандарта.

Видимо, самый яркий признак, отличающий “копию” от “основы” - модифицированность копии, ее отличие от производящей основы (когда таковая есть). Для различения копии и основы, т.е. выяснения направления редупликации, используется также другой, системный признак, основанный на том, что редупликация считается аффиксом (что подчеркивается тем, что ее называют “суффиксальной”, “префиксальной” или “инфиксальной”): желательно, чтобы позиция в словоформе совпадала с типичной для данного языка (или даже для сходных грамматических процессов) позицией аффиксов [Wilbur 1973: 11-12]. Скорей всего, этот структурный

критерий следует использовать лишь как побочный: сходство редупликации с другими типами аффиксации является только гипотезой.

Для некоторых целей оказывается удобно использовать термины, уравнивающие копию и основу. У Р.Б. Вилбур для этого используется понятие *mate* – “соотносительная” морфема (копия для основы и основа для копии) [Wilbur 1973:72]. У Н. Тана это понятие обозначается словом *member*, – “член” (“members is used of those elements of a reduplicative word which are involved in the reduplication. In *tick-a-tack* there are two members, *tick* and *tack*”). В теории морфологического повтора понятия “основа” и “редупликант” вообще не имеют никакого строгого смысла, основное название для элементов редупликативной конструкции – копии.

Построение неточной копии теоретически может включать самые разные замены фонем. В интересующем нас материале выделяются две основных разновидности: замена инициали (*шень-пень*) и замена ударной гласной (*пиф-паф*). Возможна и одновременная замена гласной и согласной, например *чичер-бачер* в русских считалках, однако пока мы предполагаем, что она не подчинена никаким специфическим закономерностям (т.е. ее можно рассматривать просто как сочетание двух замен). Для полноты картины нужно отметить, что в нашем материале маргинально представлена и редупликация с заменой финальных согласных, например в считалках: житом. *цук-цуп*, брест. *цук-цум* [Топорков 1998, 3б, 3к], подобная тюркской усилительной редупликации (казах. *яш* ‘молодой’ ~ *яп-яш* ‘совсем молодой’).

Нильс Тан в самом начале своей монографии [Thun 1963], посвященной редупликации в английском языке, отмечает следующую терминологическую проблему. Есть два принципиально разных способа характеризовать такие слова, как *helter-skelter* или *tick-tack*: при одном возможном подходе они рассматриваются как результат удвоения (*doubling*) простых единиц с изменением одной из фонем (или двух стоящих рядом фонем); при другом подходе подчеркиваются фонетические характеристики их соотношения: *helter-skelter* – это “рифмованное слово” (*rhyme word*), *tick-tack* – “аблаутное” (*ablaut word*).

С одной стороны, говоря о редупликации с заменой (чередованием) тех или иных сегментов (*Wortverdoppelung mit Vokalvariation*, [Biese 1939:148], *Reduplication mit veraändertem Vokal*, Ph. Aronstein, [Thun 1963: 4]), мы можем рассматривать обсуждаемые слова наряду с точными повторами (*tick-tick*) и технически точнее определять их форму. Ниже неточная редупликация, при которой в копии есть фиксированный элемент *x*, иногда будет называться *x*-редупликацией.

С другой стороны, “редупликативные” термины (редупликация, удвоение, повтор) недостаточно специфичны, не подчеркивают существенные особенности (dominant features) рассматриваемых слов. Такие термины, как Ablautkomposita [Biese 1939:148], позволяют одинаково называть структурно разные единицы, одинаково устроенные с фонетической точки зрения. Еще в большей степени это касается понятий “рифмованное сочетание”, “рифмовка” и им подобных.

Если англичане издавна обычно использовали понятие ‘редупликация’, см. напр. [Wheatly 1866], то понятия *reim/ ablaut* (с вариантом: аблаут называется *Stabreim*, т.е. аллитерация) укоренены прежде всего в немецкой традиции [Mueller 1909], [Marchand 1960: 345-55], [Eckhardt 1937: 38]. Существует также синтетические термины, объединяющие понятия редупликации и аблаута/ рифмы: *ablautende Reduplication (bibble-babble)*, *reimende Reduplication (hurly-burly)* - Ph. Aronstein [Thun 1963: 4].

Возможное возражение против термина “рифмованные слова” состоит в неприемлемости применения понятия “рифма”, термина поэтики, к словообразованию (об этом пишет в своей книге Е. Рабинович, а также некий Heinz Werner, которого цитирует Тан [Thun 1963: 4]). Эти возражения делают менее убедительной уверенность Тана, что понятия “рифма” и “аблаут” в целом лучше определены. Однако, как мы отмечали во введении, возражения против понятия “рифма” применительно к редупликации кажутся нам неоправданными.

Сочетания с чередованием гласных тоже можно рассматривать в контексте рифмованных сочетаний. В стиховедении рифма, построенная на контрасте ударных гласных, называется **диссонансной** (*сикось-накось*): частным случаем этого явления оказывается редупликация с чередованием гласных (*ниф-наф*).

Существуют и другие терминологические решения. Например, редупликация с чередованием гласных по не очень ясной причине называется “деформированными повторами” [Кайдаров 1958: 69]. В грамматике малайского языка [Hasan 1974] используется противопоставление *rhyming ~ chiming* (“рифмовки” ~ ? “гармонии”): рифмовкой называется такая неточная редупликация, при которой один слог идентичен, они бывают “конечные” (*ramah-tamah* ‘быть очень разговорчивым’) и “начальные” (*silu-silau* ‘быть очень застенчивым’); “гармонии” - это редупликация с чередованием (всех) гласных, напр. *bolak-balik* ‘быть совершенно неуверенным’ [Hasan 1974: 72-73].

В русских ономастических редупликациях есть ряд похожих случаев: *цан-царан*, *чик-чирик*, *трам-тарарам* (/там-тарарам), в моск. скороговорке *шах-шарах* [Ананичева и др. 2001, №156] (ср. несколько иные рус. разг. с *бухты-барахты*, гл. I,

3.5). Это правая редупликация (*царан, чирик, шарах* явно отождествляются с известными корнями) – неполная, и неполная довольно необычным образом (потому что звуковая последовательность выбрасывается из середины корня). Кроме того, она необычна тем, что для нее подходят лишь слоги очень специфического вида (а именно, содержащие последовательность гласный– [p] - гласный).

1.3. Формальные морфонологические модели

Существует две основных точки зрения на структуру редупликации – трансформационная (предполагается, что в редупликации морфологическим знаком является операция повтора) и аддитивная (морфологическим знаком, морфемой, является сама копия).

В рамках трансформационного подхода может возникнуть более общий вопрос, нужно ли операции отличать от морфем, деля все морфологические знаки на морфемы и операции (как сделано в “Курсе общей морфологии” у И.А. Мельчука; кроме редупликации, операциями называются чередования). Этот подход является следствием более консервативных аддитивных взглядов на морфологию; если не считать линейную выделяемость необходимой для морфем, операции можно от них и не отличать [Плунгян 2000: 69-70]. Большинство конкретных описаний (прежде всего, сделанных в рамках отечественного востоковедения), где говорится о том, что “прием повтора/ удвоения” является способом образования новых слов и выражения тех или иных значений, имплицитно исходит именно из этой трансформационной модели.

В западной лингвистике трансформационное описание представлено у Джона Фрэмптона [Frampton 2002]. Кажется, только у него есть аналог редупликанду Мельчука – дубликант (*duplicant*). Процесс редупликации (*duplication*) выглядит следующим образом: в основу вставляются морфемные стыки (*junctions*, изображаемые квадратными скобками, [] – выделенный отрезок и называется дубликантом), после чего происходит собственно фонологический процесс копирования. Еще одна модель редупликации, где операция разбита на несколько этапов ступенчатой деривации - это работа [Steriade 1988]. Процесс построения редуплицированной конструкции состоит из пяти этапов: 1) предварительный этап (*pre-reduplicative phonology*) – в частности, разбиение на слоги; 2) полное копирование (*full copying*); 3) сегментные замены в редупликанте (*post-copying phonology*); 4) подгонка под просодический шаблон (*template matching*) – удаление сегментов, изменение слоговой структуры, сокращение/

удлинение гласных; 5) действие обычных фонологических правил (post-reduplicative phonology).

Таким образом, в описаниях редупликации, использующих правила, неполнота и неточность возникают на разных этапах построения редупликанта. В системах Мельчука и Фрэмптона сначала в основе выбирается фрагмент, удовлетворяющий просодическим условиям (на этом этапе в копировании может возникнуть неполнота), после чего возможна сегментная замена (т.е. может возникнуть неточность). В работе [Steriade 1988] последовательность обратная.

В работе Эрика Райми [Raimy 2000] предлагается довольно неожиданная трансформационная техника описания редупликации. Райми справедливо отмечает, что в качестве означающих в естественных языках выступают не просто наборы фонем, а их упорядоченные цепочки, но заданная для этих цепочек линейная последовательность фонем никогда специально не формализуется в описании. Райми предлагает выделить отношения следования, которые связывают стоящие рядом фонемы. Отношения следования обозначаются стрелкой, соответственно, запись *рус. дом* выглядит как

ð -> o -> m

Редупликация описывается как результат действия специальных правил¹¹, которые вводят в фонемную цепочку дополнительные отношения следования. Рассмотрим мадурскую редупликацию, представленную в паре *agghuq* ‘будущее’ ~ *ghuq.agghuq* ‘в будущем’. Она может быть описана как введение, в дополнение к уже имеющимся, дополнительного отношения следования *q-> a*. Так как артикуляторная

¹¹ Понятие “правил исправления” (readjustment rules), которым пользуется Райми, было введено в классической работе [Chomsky, Halle 1968]. Во варианте генеративной грамматики, представленной в этой монографии, отсутствовал самостоятельный морфологический компонент; единственная морфологическая проблема, которая там обсуждалась – это алломорфия вроде образования прошедшего времени у неправильных глаголов в английском языке. Признак “прошедшее время” для большинства глаголов реализовывался добавлением суффикса *-[d]*, а для некоторых – действием указанных правил (приведившим, например, к замене [*sing*] на [*sang*]). Райми использует более поздние варианты генеративной грамматики, где такие правила не являются носителями смысла, а только дополняют нулевую суффиксацию.

система человека не позволяет одной фонеме быть произнесенной за двумя другими фонемами сразу, происходит перестройка, то есть собственно редупликация.

Аддитивные трактовки по разным причинам оказали большее влияние на исследование редупликации, чем трансформационный подход. Согласно некоторым описаниям, редупликативные морфемы, “повторы-отзвучия”, являются связанными уникальными морфемами, “повторяющими данное слово с изменением начального звука или группы начальных звуков” [Янко-Триницкая 2001: 470]. В таком описании, что довольно обычно для традиционных лингвистических работ, не проясняется, какой компонент грамматики заставляет эти уникальные морфемы повторять исходное слово. Получается, что связанных морфем в языке столько, сколько редуплицированных слов: такое описание приемлемо для относительно непродуктивной редупликации, но явно противоречит лингвистической интуиции в случае, если нужно будет постулировать сотни тысяч таких морфем.

Классический вариант аддитивной модели, пригодный для описания продуктивной редупликации, изложил Л. Блумфилд в книге “Язык” ([Блумфилд 1968: 325]), и именно она стала господствующей в американской лингвистике: редупликативная морфема, **редупликant**, является пустой “ячейкой”, не имеющей или почти не имеющей собственных сегментных характеристик, эта ячейка материально заполняется из **основы**. У Блумфилда такой взгляд на редупликацию был связан с тем, что в его варианте морфологии отсутствовало понятие операции, вообще с преимущественно синтагматической ориентацией его модели. Аддитивная схема воспроизводится и в учебнике по общему языкознанию Ю.С. Маслова, выпущенном в 1975 году, где редупликативная морфема называется “аффиксом-хамелеоном” [Маслов 1997: 143].

С восьмидесятых годов редупликацию много исследуют американские морфонологи. Возникновение пристального интереса к редупликации связано с существенными изменениями во всей американской формальной лингвистике: а именно, с переходом от теории правил к теории представлений. Стандартный вариант генеративной грамматики Н. Хомского оперировал прежде всего трансформационными правилами перехода от глубинной структуры к поверхностной; такие правило состояли из двух компонентов: структурное описание (structural description) и структурное изменение (structural change). Однако грамматика, построенная на правилах, не соответствовала принципиальным теоретическим положениям генеративной грамматики: а именно, содержала описательную, но не объяснительную адекватность. Оказалось, что невозможно построить типологию возможных правил, т.е. построить на

основании правил содержательный фрагмент Универсальной Грамматики. Значительно более содержательными оказываются ограничения на возможные результирующие структуры. Важнейшая проблема в рамках данных теорий – построить такой формализм, с помощью которого можно было бы исчислить все известные языковые явления, но который не порождает бы незасвидетельствованные явления; иными словами, встроить типологические обобщения в сам формализм, а не формулировать их отдельно на основании этого формализма. Главной проблемой поиска формализма для описания редупликации стало то, что трансформационные правила могут породить абсолютно любую редупликацию [Marantz 1982: 435].

Современное изучение морфонологии редупликации началось с работы Ронни Вилбур [Wilbur 1973]: именно она определила многие важные проблемы и именно с ней особенно серьезно полемизировали в дальнейшем. Главный тезис Вилбур – существование *требования идентичности* – особого морфонологического закона, который отличает редупликацию от других явлений. Последующие исследования редупликации шли по другому пути – исключить из описания формализма, связанные только с редупликацией.

Алек Марантц [Marantz 1982] применила к редупликации формализм автосегментной морфологии: редупликация является особым аффиксом (он называется RED), представляющим собой “скелет”, последовательность фонологических переменных (например, CCVC), который заполняется ближе всего расположенным и наиболее подходящими фонемами (*phonemic melodies*) из основы. Естественно, C-ячейки заполняются согласными, а V-ячейки – гласными фонемами. Ячейки могут быть связаны не только с признаком вокаличности, но и с другими различительными признаками (или с целыми фонемами).

Некоторые случаи, описанные в диссертации Вилбур с помощью “требования идентичности”, Марантц описывает, используя понятие *циклические правила* (правила, которые применяются только в контекстах, возникших в результате деривации) и *морфолексические правила* (морфонологические правила; немаркированные алломорфы называются корнями, *roots*, маркированные – основами, *stems*; аффиксы могут требовать маркированных алломорфов).

В статье [Davis 1988] концепция Марантц была использована для анализа некоторых особенно нетривиальных примеров, а именно “внутренней редупликации”.

Большинство современных работ по редупликации – американские исследования, написанные в рамках теории оптимальности. Это теория, в основном изложенная в работах 1993 г. (прежде всего – [Prince & Smolensky 1993]; единственное известное нам

изложение этой теории на русском языке – [Зубрицкая 2002: 200-203]). Идеологическая основа теории оптимальности - критика моделей, основанных на правилах порождения поверхностной структуры (в духе грамматики Н. Хомского). Утверждается, что обычно значительно естественнее можно исчислить существующие явления, чем правила, которые порождают эти и только эти явления.

Технически исчисление происходит с помощью системы ранжированных и неабсолютных ограничений (по-английски *ranked and violable constraints*), или принципов гармонии (*well-formedness conditions*). Важнейшее для современной лингвистики понятие ограничения (*constraint*) было сформулировано в 1967 Джоном Россом. Ниже мы используем как аналог английского слово “*constraint*” слово “*требование*”, т.к. в русском языке при слове *ограничение* трудно выразить валентность источника (например, словосочетание *ограничение точности* будет понято превратно – как будто точность является объектом, т.е. как будто ограничение уменьшает точность, а не требует ее). В теории оптимальности принципы гармонии так или иначе противоречат друг другу (иногда в некоторых, а иногда во всех контекстах), и решающим является их положение в иерархии. Сами принципы принадлежат Универсальной Грамматике, но по-разному ранжированы в разных языках – если в языке требование стоит совсем низко в иерархии, оно всегда может быть нарушено (существуют также метатребования: обобщения, касающиеся универсального ранжирования требований). Принципы теории оптимальности относятся к поверхностному представлению: порождающий компонент грамматики (он называется GEN) выдает множество вариантов, которые оцениваются в соответствии с иерархией принципов. Единственное, что связывает набор поверхностных вариантов с глубинной структурой – принцип точности (*faithfulness / mapping constraint*), способствующий сохранению максимального контраста между разными знаками. Его взаимодействие с принципами маркированности (которые препятствуют порождению сложных структур) и составляют грамматику.

Для работ по теории оптимальности, как и для генеративной лингвистики в целом, характерен универалистский идеализм, т.е. надежда вывести все конкретные явления (в частности, реализацию редупликанта) из достаточно общих и даже универсальных принципов. Однако даже такое явление, как редупликация, не может быть описана только как реализация морфонологических законов. В одном языке нередко существует несколько разных моделей редупликации – либо связанных с разными смыслами (эта ситуация обсуждается в [Golston & Thurgood 1999]), либо просто дополнительно распределенных по разным корням.

Большинство работ следует “базовой модели” (Basic Model) теории оптимальности, в которой предполагается, что с глубинным представлением соотносится только основа – а между редупликантом и глубинным представлением не существует прямого соотношения. Это решение следует из традиционного для американской лингвистики взгляда на структуру редупликации: редупликант является поверхностной реализацией аффикса RED, не имеющей или почти не имеющей собственного сегментного состава и получающего его из основы. Так как редупликант не связан с “глубинной структурой”, для него оказывается ослабленной необходимостью в точности воспроизвести фонологический облик морфем. Для редупликанта часто оказываются значительно более релевантными “принципы маркированности”, то есть предпочтение простых структур перед сложными (этот механизм называется “появлением немаркированной структуры” (The Emergence of The Unmarked). Появление более простой структуры в редупликанте можно проиллюстрировать образованием интенсива в древнеиндийском: *krand* ‘давить’ ~ редуплицированная форма *kan.i.krand*.

Именно за этот традиционный взгляд на редупликацию базовая модель и была подвергнута критике. К традиционной модели существуют следующие претензии:

- 1) в редупликации семантика выражается прежде всего формальной моделью, а наличие мотивирующей основы (одной или двух) является относительно случайным фактом [Minkova: 3], т.к. существуют параллели между мотивированной и немотивированной редупликацией [Golston & Thurgood 1999], а также между редупликацией и синонимическими композитами (теория морфологического повтора);
- 2) в некоторых случаях не существует естественного способа отличия редупликанта от основы, например в австралийском языке мангараи: *gabuji* > *gababuji* (где неясно, как членить редуплицированную форму: *g.ab.abuji* или *gab.ab.uji*) [Yip 1999]; также в тех случаях, где оба элемента модифицированы, каждый по-своему (например, в нигерийском языке тарок *to`k* > *tu`-tok*) [Inkelas, Zoll 2001];
- 3) “появление немаркированной структуры” не ограничено редупликантом, а является более общей особенностью редупликации [Minkova: 18]

Альтернативы базовой модели либо смещают акцент на поверхностные требования, которые обеспечивают внешний вид редупликативной конструкции, либо же, как в теории морфологического повтора, наоборот, подчеркивают независимость копии от основы.

Первый путь является достаточно естественным для теории оптимальности, которая возникла из перемещения акцента с деривации поверхностной структуры из глубинной на оценку поверхностной. В “прямой” теории оптимальности (direct OT) отвергнуто само понятие входной или глубинной структуры (input, underlying structure).

Во-первых, в некоторых работах предложено отказаться от понятий “основа” и “редупликант”. Другая, менее последовательная и теоретически ясна позиция состоит в том, чтобы употреблять понятия “основа” и “редупликант” как традиционные ярлыки, означающие лишь линейную позицию элемента (основа для первого и редупликант для второго) [Minkova].

В работе [Golston & Thurgood 1999] предлагается особая техника для описания редупликации: она описывается как нарушение ряда требований гармонии, в первую очередь требования, запрещающего повтор одинаковых морфем (краткое обозначение *ЕСНО, в результате его действия либо происходит гаплогогия, либо некоторые структуры вообще избегаются). Таким образом, означающее редупликации представлено как разрешение нарушить некоторый набор требований: это означающее может соответствовать определенному означаемому (в случае продуктивной морфологической модели) или же, в случае немотивированной редупликации, быть частью означающего, привязанного к некоторой корневой морфеме. В любом случае, в генеративных терминах, редупликация как модель является частью словаря, а не грамматики.

Близкие идеи высказаны в статье [Yip 1999]: рифма и аллитерация являются не побочным продуктом абстрактных фонологических законов, моделирующих поверхностную реализацию суффикса RED, а силой, создающей редупликацию. Эти принципы формулируются следующим образом:

Alliterate: выходная структура должна содержать по крайней мере одну пару смежных слогов с одинаковыми инициалами.

Rhyme: выходная структура должна содержать по крайней мере одну пару смежных слогов с одинаковыми рифмами.

Именно так объясняется известный факт, что префиксальный редупликант обычно копирует начало основы, а суффиксальный редупликант – конец. Йип предлагает отказаться от понятия “основа” и “редупликант”. Один сегмент входной структуры может иметь множественное соответствие в выходной (нарушение одного из требований точности, которое на техническом языке теории называется целостность, Integrity).

В статье [Smith 1998] описываются китайские тайные языки фаньце (*fanqie*); причем используется то же самое предположение – один входной сегмент имеет более одного выходного соответствия. Слова фаньце строятся из односложных слов китайского языка следующим образом: к инициали исходного слова прибавляют фиксированную финаль, а к исходной финали – фиксированную инициаль: *ma* ‘мать’ > *m-ay k-a*, *pen* ‘книга’ > *p-ay k-en*; глайд, стоящий между инициалью и финалью, повторяется (как если бы он принадлежал финали и инициали одновременно): *xwey* ‘возвращение’ > *xw-ay k-wey*.

Как уже сказано выше, другое направление, в котором переосмыслилась “базовая модель” - это признание той или иной степени независимости редупликанта от основы. Первый шаг в этом направлении – введение понятия соотношения между редупликантом и глубинным представлением (McCarthy & Prince 1995, section 5) в т.н. “расширенной модели”. Более радикальный шаг – сравнение редупликации с образованием композита (понятие *selfcompounding*, “сложение с собой” [McCarthy & Prince 1986], [Yip 2000]).

В 2000 г. две американские исследовательницы, Ш. Инкелас и Ш. Золл, выдвинули т.н. теорию морфологического повтора (*Theory of morphological doubling*), главным утверждением которой является то, что редупликант не произведен от основы. Редупликация это морфологическая конструкция, которая требует двух независимых “дочерних” вхождений, которые восходят к одной и той же глубинной “материнской” основе. Семантика дочерних элементов совпадает, требуется также некое “морфосинтаксическое” или “морфосемантическое” согласование между ними (т.е. два элемента представляют собой одну морфологическую основу с одним смыслом, с точки зрения синтаксической структуры входят в единую составляющую). Дочерние элементы могут подвергаться независимым фонологическим преобразованиям: правила “кофонологии” (*sophonology*) применяются к отдельным копиям (*Sophonology X*, *Sophonology Y*), а также к редупликативной конструкции в целом (*Sophonology Z*). Правила кофонологии – аналог понятия “соотношения” (“теорией соотношения”, *Correspondence Theory*, является главным объектом критики в рамках теории морфологического повтора). Утверждается, что не существует никакой принципиальной неравноправности двух элементов редупликативной конструкции.

Разные случаи редупликации имеют слишком разное строение, чтобы для всех них можно было предложить совершенно единообразную трактовку. В частности, авторам теории морфологического повтора удалось обосновать близость редупликации к синонимическим конструкциям, однако пришлось объявить некоторые случаи,

которые в рамках других подходов считались бы редупликацией, совсем другим явлением.

Достаточно серьезное изучение редупликации приводит к созданию некоторой типологии редупликативных конструкций, касающейся не только наблюдаемых фактов (направление редупликации, размер копии и под.), но и внутреннего устройства повтора.

Например, в работе Йип предполагается, что некоторые редупликативные конструкции можно объяснить как двойную реализацию входных сегментов для удовлетворения требований рифмы и аллитерации; другие конструкции, которые не могут быть так объяснены, вроде илокана (Филиппины) *pusa* ‘кошка’ > *puspusa* ‘кошки’ (редупликация *pupusa* лучше удовлетворяла бы указанным требованиям) – можно объяснить как сложение двух одинаковых корней (selfcompounding).

В статье [McCarthy & Prince, 1986] было предложено считать, что все случаи неточной и неполной редупликации можно разделить на два типа:

1) значение по умолчанию (Non-Copying with Default) – случаи, когда редупликант имеет более простую, “немаркированную” форму. В частности, в копии может появляться немаркированный сегмент, который никак не соотносится с сегментами основы (этот механизм может быть проиллюстрирован образованием отглагольных существительных в африканском языке йоруба, вроде *gbe* ‘взять’ ~ *gbi-gbe* ‘взятие’, *mi* ‘пить’ ~ *mi-mi* ‘питье’). Этот механизм сравнительно более сложный, только с его помощью, как утверждается в [Alderete et al. 1997], могут быть описаны неполная редупликация и случаи, когда “фиксированный” сегмент систематически варьируется в зависимости от фонологического контекста.

2) переписывание (Melodic Overwriting) – сначала строится точная копия, потом на нее накладываются фиксированные сегменты. В последнем случае эти сегменты – морфема, совершенно произвольная по своим фонологическим свойствам [Alderete et al. 1997], как например в агта (филиппинский язык): *wer* ‘бухта’ ~ *wala.wer* ‘маленькая бухта’, *mag.poray* ‘сердит’ ~ *mag.pola.poray* ‘немного сердит’ [Wilbur 1973: 9]. Такие случаи следует отличать от тех, где редупликация сопровождается стандартной аффиксацией. Только при переписывании возможна диссимиляция, т.к. она является характерным морфонологическим, а не фонологическим механизмом. Сильным доводом за сближение “слов-эхо” в языках Восточной Азии с префиксацией является то, что в качестве варианта переписывания существует настоящая префиксация: в хинди контекстно обусловленным вариантом переписывания вроде *ci:ni:* *wi:ni:* при

начальном кластере sCV- выступает редупликация с префиксацией: *stri: wistri*: [Alderete et al. 1997].

Мы предлагаем другое деление редупликативных конструкций на два типа (позволяющее отчасти примирить разные теоретические подходы к редупликации как описывающие разные типы редупликаций). Кажется вероятным, что для словоизменительных редупликаций (таких, как индоевропейское образование перфекта) логично считать, что редупликант появляется как копия основы только на поверхностном уровне (поверхностная реализация морфологического знака RED, понимается он как аффикс или как операция). Для описания его формы подходит концепт “проявления немаркированной структуры”; эти требования прежде всего связаны с просодической структурой. Однако в других случаях редупликативная конструкция очень похожа на сочетание двух основ (композит или “парное слово”). Кажется по крайней мере слишком смелыми утверждения, что образования вроде *зелень-мелень* уверенно воспринимаются носителями “как одно слово”, а связанные элементы (лексические “пустышки”) лишены собственного лексического значения [Plahn 1987:38]. Там, где редупликативная конструкция похожа на сложение двух основ, построение редупликанта можно представить как переписывание.

Рассмотрим подробнее редупликации тюркского типа (к которым относится и славянская). Распространенная формулировка для семантики такой неточной редупликации – ‘X и подобное’. С точки зрения семантики эта формулировка нуждается в уточнении, однако сейчас она нас интересует лишь в связи с морфологической структурой. Есть некоторые причины считать, что носителем семантики ‘объекты типа X’ является вообще не операция редупликации, а операция построения неточной копии (или морфема “переписывания”, *Melodic Overwriting*, добавленная к основе); редуплицированная форма при таком подходе является сочетанием исходного слова и его неточной копии.

Во-первых, именно этот подход позволяет поставить неточную редупликацию в один ряд с сочетаниями квазисинонимов, вроде *спать-почивать*. Во-вторых, такой подход более удовлетворительно описывает те случаи, когда исходное слово (основа) и его копия не стоят рядом.

Таким образом, наш взгляд на *m*-редупликацию отличается как от аддитивного, так и от трансформационного. Копия с [m] в начале - отдельная единица, однако она не элементарна, а состоит минимум из двух морфем - во-первых, исходной, во-вторых, наложенной на нее операции неточного копирования.

1.4. Редупликация и единицы разных языковых уровней

Вопрос о том, что подвергается повтору, в уровневой модели языка (от которой, возможен эксплицитный отказ, как в теории оптимальности) по определению коррелирует с вопросом о том, на каком уровне происходит операция: исходная и результирующая единицы должны принадлежать одному и тому же уровню. В таком случае, областью применения морфологической редупликации являются морфемы, синтаксической - словоформы, а немотивированная редупликация повторяет фонемные последовательности. Т.е. последовательное принятие уровневой модели обязывает считать, что неполная мотивированная редупликация всегда применяется к морфемам. Однако это не полностью исключает довольно естественное словоупотребление, согласно которому при неполной редупликации повторяются слоги или фонемы: оно возможно в рамках такого трансформационного описания редупликации, при котором операции предшествует определение копируемой части (у Е. Моравчик - релевантная последовательность (relevant string - "i.e. the portion of a stem to be copied by reduplication", [Moravcsik 1978: 307]). Не совсем ясны положения Ф.И. Рожанского, который выделяет слоговую и фонемную редупликацию, утверждая, что "явление редупликации не может быть описано на каком-либо одном языковом уровне" [Рожанский 2000: 346-347].

В теории морфологического повтора фонетические единицы не подвергаются редупликации, так как редупликация рассматривается не как морфонологический повтор, а как конструкция, которая требует двух вхождений одной и той же основы. Повтор "слишком коротких" последовательностей вообще исключается из редупликации.

В работах по просодической морфологии утверждалось, что редупликация оперирует не морфологическими, а просодическими единицами (фонетическими словами, слогами, морфемами). Независимо от того, в рамках какой модели делалось это обобщение, в работах Моравчик и Марантц была показана его уязвимость. В абсолютном большинстве случаев естественней описывать редупликант в терминах сегментной структуры, как последовательность CV, CVC и под. [Moravcsik 1978:311]. Действительно, редупликант может быть представлен в слоговой структуре, но при этом слоговая структуры основы в общем случае не сохраняется (то есть для того, чтобы объяснить редупликацию как копирование слогов, необходимо прибегнуть понятию ресиллабификации [Steriade 1988]). Единственный хорошо известный пример копирования слогов (т.е. слоговых последовательностей основы) - австралийский язык

йидин (поэтому в работе Марантц признается, что в данном случае аффикс RED представляет собой последовательность слогов). Впрочем, в [McCarthy & Prince] предложена другая интерпретация этого материала, в соответствии с которой копируется первая стопа (foot), см. также [Restle]). Кроме того, существуют случаи повтора согласной фонемы, которые являются морфонологическими или диалектными вариантами “полноценной” редупликации, вроде фула (Зап. Африка) *tor-* ‘просить’ ~ *torr-* ‘докучать’ [Рожанский 2000: 347-348], [Hendrix 1995:35], [Nierokuj 1997: 63]; они заведомо не могут быть проанализированы как копирование просодической единицы, т.е. просодическое описание редупликации охватывает заведомо не все случаи.

Синтаксическая редупликация тоже является довольно проблемным явлением. Выше мы уже говорили, что существует тенденция противопоставлять редупликацию и удвоение. Удвоение часто характеризуется не только морфонологической тривиальностью, но и рядом других особенностей. Прежде всего, полный повтор - самый общий, нейтральный, в наименьшей степени конкретно-языковой тип повтора. Моравчик сформулировала такую закономерность: если в языке существует продуктивная неточная редупликация, в нем существует и продуктивная точная; однако это обобщение, скорей всего, является тривиальным следствием того факта, что во всех естественных языках продуктивен точный повтор. Это делает точный повтор лингвистически менее интересным и приводит к тому, что он исключается из рассмотрения; Уитли обосновывает это тем, что точный повтор характерен прежде всего для “наименее культурных” языков, тогда как неточный – более интересное явление, которое встречается в “более цивилизованных” языках (цит. по [Thun 1963: 209-210]). Конечно, в достаточно широкой типологической перспективе выясняется, что “некультурные” языки дают значительно более нетривиальный материал по неточным и неполным повторам, однако отношение Уитли к полной редупликации как к чему-то менее интересному вполне естественно.

Еще одной возможной причиной игнорирования “удвоения”, особенно актуальной для нашей работы, является то, что оно никак не связано с немотивированной редупликацией и парными словами. Например, в начале статьи про бенгальские “парные конструкции” [Чевкина 1964] выделяется два типа явлений, только второй из которых рассматривается в статье: 1) полный повтор словоформ, передающий семантику длительности, усиления или (в более частных случаях) множественности и дистрибутивности; 2) разного рода парные слова, немотивированная редупликация и неточная мотивированная. Конструкции второго

рода не служит грамматическим целям, второй компонент чаще не является точным повтором первого, компоненты образуют более тесное целое [Чевкина 1964: 4].

Д. Гил в своем докладе на конференции, посвященной редупликации [Gil 2002], сформулировал следующие общие критерии, которые используются для разграничения редупликации и повтора (*repetition*), т.е. синтаксического явления: д

Критерий	Повтор	Редупликация
что подается на вход	<i>слово или большая единица</i>	<i>слово или меньшая единица</i>
что находится на выходе	<i>фраза или большая единица</i>	<i>фраза, слово или меньшая единица</i>
просодическая структура на выходе	<i>одна группа или больше</i>	<i>одна группа</i>
количество копий	<i>2 или больше</i>	<i>обычно 2</i>
особые фонологические процессы	<i>отсутствуют</i>	<i>наличествуют или отсутствуют</i>
интерпретация	<i>иконическая или вообще отсутствует</i>	<i>произвольная (arbitrary) или иконическая</i>
коммуникативное усиление	<i>наличествует или отсутствует</i>	<i>отсутствует</i>
ритмическая структура	<i>наличествует или отсутствует</i>	<i>отсутствует</i>

Полная точная редупликация ближе всего к синтаксическому повтору; напротив, случаи, где действуют морфонологические законы чаще не выходят за пределы морфологии.

Несомненно, редупликация – прежде всего морфологическое явление, прототипически тесно связанное с фонологией; синтаксический повтор – вырожденный случай редупликации. Характерно определение редупликации, которое дается В.А. Виноградовым в статье “Редупликация” (ЛЭС). Редупликация - это морфонологическая (по старой терминологии, фономорфологическая) операция, “пределным случаем” которой является **повтор**, или удвоение всего слова.

Как уже сказано выше, известнейшая американская работа, с которой началось современное морфонологическое изучение редупликации – диссертация Ронни Вилбур [Wilbur 1973]. В этой работе синтаксическая редупликация отделяется от морфологической на основании того, что она никак не изменяет применение регулярных фонологических правил, т.е. как будто бы применяется после них [Wilbur 1973:6]. Такой подход к проблеме связан с тематикой диссертации: она посвящена тем случаям, когда морфемы при редупликации не подчиняются обычным фонологическим правилам – там либо не действуют правила, которые должны действовать, либо действуют правила, морфонологический контекст для которых вроде бы отсутствует.

Граница между “повтором” и “синтаксической редупликации” намечена в работе А. Вежбицкой, посвященной редупликации в итальянском языке: если между двумя тождественными словоформами возможна пауза, это повтор, если паузы быть не может, это редупликация. Таким образом, повтор - прежде всего дискурсивное явление, объектом которого, видимо, может быть любая синтаксическая составляющая (словоформа, словосочетание: *Да, конечно, конечно*), тогда как синтаксическая редупликация оперирует только словами и дает только просодически неразложимые единицы вроде *большой-большой человек* (у Вежбицкой *big big man*, пример из английского, где такие повторы значительно продуктивней). Н. Тан выделяет в английском еще один тип повторов, аналог которому едва ли существует в русском языке: а именно, лексикализацию синтаксической редупликации, в результате которой получаются новые лексемы (с редукцией, общей флексией и семантикой, невыводимой из семантики одиночного слова: например *pretty* ‘милый’ ~ *pretty-pretty* ‘слащаво-красивый’) [Thun 1963: 25-26].

Использование синтаксического повтора вообще совершенно неограниченно при порождении текста. Есть фольклорные тексты, для которых повторы являются заметным структурным элементом – чаще всего, в таких текстах повторяется последнее слово каждой строки (*Как у тысяцкого борода, борода // У Григорья-то хорошая, хорошая ...* [Круглов 1989: 233]), реже удвоение стоит на начале строки, но это же слово является и последним в строке (*Подойду, подойду ко Царь-город подойду// Вышибу, вышибу, чоботом стену вышибу* [Круглов 1989: 272]); кроме того, могут повторяться целые строки (все или только четные). Есть также значительное количество текстов, где повтор есть только в первой строке: *Во лугах, во лугах // Во зеленых во лугах ...* [Круглов 1989: 236]; *Ай во боре, боре // Стояла там сосна* [Круглов 1989: 228]; *Вот дома, дома сам пан хозяин* [Круглов 1989: 223]; *откуда, откуда молодец?* [Круглов 1989: 260]; *под елию лен, лен* [Круглов 1989: 274].

Рассмотрим взаимодействие редупликации с морфологией. Редупликация реализует некоторый смысл; если морфонологические запреты препятствуют построению редуплицированной формы, этот смысл может быть выражен иначе. Например, в китайском языке дистрибутивная редупликация возможно только у односложных лексем, обозначающих единицы измерения, для многосложных используется лексическое выражение (*jialuen* ‘галлон’ ~ *meei-jialuen* ‘каждый галлон’). Аналогично в турецком языке для слов, которые начинаются с *m-*, у которых *m-* редупликация была бы неотличима от точного повтора, используется сочетание с *felan*. Поэтому не совсем верным является предположение Вилбур о том, что никакие

фонологические процессы не могут ни вызывать редупликацию, ни препятствовать ей. Это предположение связано с тем тезисом, что редупликация является морфологическим, более глубинным явлением, чем фонологические процессы [Wilbur 1973: 64]. На самом деле, т.к. существует некоторая вариативность в выборе средств для выражения определенного смысла, фонологический компонент может влиять на выбор морфосинтаксических форм. В случае с редупликацией это влияние чаще направлено в одну сторону – а именно, фонологические факторы препятствуют построению редуплицированных форм. Это обусловлено двумя причинами: во-первых, редупликация тесней, чем другие морфологические процессы, связана с фонологией; во-вторых, редупликация особенно часто является факультативным морфологическим средством для выражения значений, которые можно выразить также обычной аффиксацией. Наиболее адекватно описывает такие морфонологические проблемы теория оптимальности.

Редупликация может сопровождаться аффиксацией, прежде всего добавлением “соединительных морфем”: хинди *bha:g.am.bha:g* ‘беготня’, *bi:c.on.bi:c* ‘ровно посередине’ [Бархударов 1963: 39-43], фарси *chart-o-part* ‘вздор’. По крайней мере в некоторых случаях такой повтор является морфонологическим вариантом обычного - как, например, в бенгальском, где немотивированная редупликация вида *CVCa:-CVC* является редким вариантом повторов вида *CVC-CVC* (как указывал Р. Тагор, вариант со вставным гласным имеет особый семантический оттенок - значение небольшого перерыва, паузы в совершении действия [Чевкина 1964: 6]). “Соединительные слоги” (link syllable) или “соединительные морфемы” есть и в английских редупликативах, которые предложено называть асимметричными из-за неравного количества слогов в двух элементах. [Thun 1963: 204, 222-225]. Удивительность таких образований (которую пытается смягчить [Minkova: 25]) в том, что гласный присоединяется из-за особенность слога деления к первому элементу, создавая сразу две аномалии: первый элемент оказывается длиннее второго и перестает с ним рифмоваться (по крайней мере обычной рифмой).

От редупликации явно отличаются синтаксические конструкции, требующие двух вхождения одной лексемы, вроде русских *день за днем, белым-бело, мало-помалу* [Thun 1963:11] или более сложных оборотов, “фразеологических схем”, “фразеосхем” *всем молодцам молодец, мне теперь и чай не в чай. комары комарами, читать не читал* [Шведова 1960, Шмелев 2002], *тушат-тушат, не потушат* [Плунгян, Рахилина 1996]. Еще менее похожи на редупликацию стилистические фигуры с повтором одного корня (в частности, *figura etymologica, песни петь*, [Невская 1983], [Иванов 1969] и т.д.).

Совершенно маргинальна терминологическая система Буркхарта, который включает такие образования, как болг. *гол голеничук*, серб.-хорв. *гол голцат* в понятие *nicht-identische Reduplication* [Burkhardt 1985: 127]. Для статьи Буркхарта характерна поразительная нечувствительность к синтаксическим отношений: в основу его классификации повторов кладется признак, названный дистанцией (*im Kontakt ~ auf Distanz* [Burkhardt 1985: 124-125]). Речь идет не собственно о контактной ~ дистантной редупликации как морфонологическом свойстве (см. классификацию И.А. Мельчука), а о достаточно случайном свойстве: разделены ли два слова каким-нибудь другим (обычно частицей, союзом, предлогом). По этой классификации такие относительно близкие конструкции, как рус. *день за днем* и рус. диал. *дни-днями*, оказываются в разных типах.

Выше мы говорили, что неполные и неточные редупликации обычно происходят на морфологическом уровне. Из этого есть по крайней мере одно исключение, очень важное для нашей работы - образование “слов-эхо” (*echo reduplication*) в языках Евразии, которое подчас ведет себя как синтаксическое явление (в частности, синтаксической называет *m*-редупликацию в монгольском языке С.А. Крылов [Крылов 2002: 11]). Чаще всего повторяются не корни, а целые словоформы, т.е. результирующие формы не характеризуется “цельнооформленностью” (имеют не одну флексию, а две). Хотя цельнооформленность и не следует считать решающим критерием для определения словоформы [Плунгян 2000: 24-25], такое поведение редуплицированных форм явно подталкивает к тому, чтобы относить данную редупликацию к синтаксическому уровню.

В некоторых восточных языках при эхо-редупликации копироваться может или должна не вся словоформа, а только основа, без окончания: например, каннада (дравидийский язык; в близкородственном тамильском такое почти невозможно) *baagil-annu* ‘дверь-ACC’ ~ *baagil-giigil-annu* [Lidz 2000] бенгальский (новоиндийская группа) *bari-r* ‘дома’ ~ *bari-tari-r* ‘дома и т.п.’, такие же примеры есть и в тюркских языках. С одной стороны, эти примеры можно понимать как указывающие на синтаксический статус окончаний (т.е. их близость клитикам); в бенгальских парных конструкциях послелог тоже стоит только после второго элемента, даже если какой-то другой атрибут повторяется (*sa:t din sa:t ra:triteo* ‘после семи дней семи ночей’). С другой стороны, эти примеры свидетельствуют о морфологическом статусе редупликации. Обсуждая искусственный пример *pit-pit-pitting*, Тан [Thun 1963: 24] справедливо замечает, что такое образование никто не сочтет сочетанием трех слов,

тогда как *pit-pit-pit*, учитывая некоторую произвольность пунктуации, может быть синтаксическим повтором.

Русская редупликация устроена совсем иначе: окончания слишком тесно спаяны с основой, и формы вроде **торт.шморт.ики* выглядят совершенно невероятно. С другой стороны, типологически предсказуемо, что правая редупликация связана с правым, а не левым краем копируемого элемента, поэтому не ожидается и формы **тортики-шморт*. Русская редупликация копирует целые словоформы, включая окончания, и законная форма - *тортики-шмортики*.

В работе Марантц предполагается, что в случаях полной редупликации аффикс RED представляет собой морфему. Марантц ничего не говорит о случаях полной редупликации, когда копируется несколько морфем. Видимо, формализм может быть расширен такими морфологическими понятиями, как основа (для редупликации вроде бенгальской) и словоформа (для тамильской или русской эхо-редупликации). Однако повторяться могут и последовательности, большие чем слово, как в бенгалском примере *halka lal talka lal šari* (*halka lal* ‘светло- красное’, *šari* ‘сари’).

В духе идей просодической морфологии можно было бы предположить, что основой для русской редупликации является не словоформа, а фонетическое слово. Тогда мы ожидали бы, что в сочетании с предлогом модифицироваться будет предлог, а не словоформа, т.е. существовали бы формы вроде **под тортиком – шмод тортиком*. Однако на самом деле такие формы совершенно невозможны. Русская редупликация, нечувствительная к морфологическим границам между корнем, суффиксами и окончаниями, чувствительна к морфологической границе между основой и предлогом. Предлог не входит в основу, и вполне естественно звучит *под тортиком-шмортиком*.

Однако на самом деле ситуация сложнее, так как предлог, не модифицируясь, может повторяться: рус. разг. *Вы можете в Африку / в Шмафрику / куда хотите* // [Земская и др. 1983: 194]; фольк. *На кургане, на мургане стоит курица с серьгами* (мещов. калуж., загадка, [СРНГ 18:353]). Что касается фольклорного повтора предлога, то он аналогичен типичному для языка фольклора повтору предлогов внутри именной группы (*на плаху на липову, во уста в сахарные, к венчу да злачёному, во городе во Киве, у князя у Владимира, во новóй, да во горнице*). В частности, в русском фольклоре предлоги присоединяются к обоим частям синонимических сочетаний: *во путь, во дороженьку; при поле, при поляне*. Более того, парные слова не могут вести себя как композиты, т.е. присоединять только один предлог (**во путь-дороженьку*).

Однако разговорный пример так описать невозможно. Существуют примеры эхоредупликаций из разных языков, где редупликативная конструкция ведет себя как парное сочетание. Наиболее нейтральным кажется употребление исходного слова и неточной копии в составе сочинительной связи, прежде всего в контексте отрицания, напр. болг. разг. *Забравих пантофите. Няма пантофи, няма мантофи вече* [Младенов 1975: 386] ‘Я забыл тапочки. Больше нет тапочек, нет шмапочек’, тамиль. *ikhe kicciyum illai, kicciyum illai* ‘здесь нет ни щепочки, ни чего-то подобного’ ([Андронов 1965:96], другие примеры в [Андронов 1978:441]); а также в контексте уступительных предложений: болг. диал. *...ònsu зьмáйънийа Хит’л’ър’ ли й - Митл’ър’ ли й пүстичък дъ устàни!* ([Каравасилева 1968: 253]) ‘Тот растерянный (ошеломленный) Гитлер ли ее - Митлер ли ее – чтоб ему пусто было!’; рус. разг. *Путин ли, Шмутин ли; а Путин там Мутин не все ли равно* (из Интернета); с частицей *там*: *Клее там имее, Ван Гога там шмангога* (из рассказа В. Сорокина). Менее характерными примерами с обычным сочинением: *На столике у них маслице да фуяслице* (А. Солженицын, “Один день Ивана Денисовича”), *Сядет, говорит, за стол и рассказывает... Часа три битых говорит... И политика, и малитика, и история-кистория...* (эссе А. Бухова “Громоотвод”); *Пикники да микники!* (Тэффи, “Причины и следствия”); *всяку шушеру, всяку мушеру* (из волог. заговора на скот, [Адоньева 1993:146]). Ср. также румын. *Se mi-e tanda, se mi-e manda* [Graur 1963: 19].

Далее, возможно употребление копии в другой клаузе, в контексте явного противопоставления. Например, услышав о том, что Хэрольд Стассен уходит с поста государственного секретаря США по помощи иностранным государствам, премьер-министр Турции Мендерес сказал: *Stassen giderse, yerine Mtassen gelir* ‘Если Стассен уйдет, придет кто-то вроде Стассена’ ([Lewis 1967: 237]; рус. *После путина придет шмутин и еще несколько кукол евреев; Скинут Путина - придет Мутин, но делать ему надо будет именно то, на что претендует сейчас ВВП. Неизбежно* (из Интернета). На Востоке существуют анекдоты, связанные с противопоставлением слова и его эхо-копии, они рассказываются в статьях Н. Дмитриева, А. Крымского. Вот байка, приведенная у Кайдарова:

В народе, как о действительно факте, случившимся с великим казахским поэтом Абаем и его близким другом Кокбаем, рассказывают следующее. Однажды Кокбай спросил у Абая:

- Скажи, Абай, что значит казахское слово *kici-mici* [‘человек-меловек’]?

Абай шутливо ответил

- Разве ты не знаешь, что *kíci* - это я, а *míci* [т.е. 'человекоподобный'] - будешь ты [Кайдаров 1958: 95]¹²

Еще дальше от обычной редупликации стоят случаи совершенно независимого употребления копии, естественные для различных игровых контекстов. Например, в Интернете существует "персональный сайт" *Шмутина Вольдемара Вольдемаровича*, "президента-дублера Российской Федерации" (*shmutin.narod.ru*). Кроме того, в Интернете мы обнаружили немало случаев употребления неточной копии *Мутин* (конечно, ее популярность обусловлена тем, что у нее есть вторая мотивация - корень <мут->): *И не надо надеяться, что в один прекрасный день придет некий Иванов (не Игорь) на место Кириблата или Мутина и устроит нам национал-социализм (националистический сайт); Да, Мутин просто показал...; Если бы не остановка реакторов, Мутину еще долго бы пришлось уворачивать свою задницу от Запада (по поводу "Курска"); автором знаменитого хита "Ой, да замочим всех в сортире" премьер-министра Мутина (ноябрь 1999); нарушителей авторских прав надо сушить в сортире (или как там этот Мутин говорит?); частушка за подписью "Володя Мутин": Поменяю я местами // Всех своих министров // А кто против, - на татами // Разберемся быстро.*

Интересную аналогию содержит построение прозвищ в некоторых центральноевропейских традициях. В венгерском такие прозвища представляют собой неточные копии, которые строятся примерно так же, как неточные копии при редупликации (различие состоит в том, что в редупликации используется только , а в кличках также <p>): *Bandi* (к имени *Andi*), *Panna* (к *Anna*), *Pista* (к *Ista*), см. [Майтинская: 154]. С другой стороны, с помощью неточного копирования строятся слова разного рода тайных языков, в частности русского арго (*шалото* [Потапов 1927 //

¹² В эту коллекцию можно добавить анекдот, обнаруженный в Интернете:

Москва, начало девяностых, ресторан на окраине. В ту пору один мой приятель работал там официантом. Зашла к ним компания из троих "новых азербайджанцев" и, сопровождая слова царственными жестами, заказывают в обычной кавказской юморной манере: "Давай, дарагой, неси нам шашлык-машлык, зелень-мельень, колбасу-малбасу". Посидели. Сытые и довольные, приготовились расплачиваться. Принес он счет, в котором значилось буквально следующее: "Шашлык - 5 000, машлык - 5 000, зелень - 1 000, мелень - 1 000". Ну и с "колбасой-молбасой" то же самое. Естественно, карие глаза гостей столицы округляются от полного недоумения, чтобы не сказать хуже. Официант же невозмутимо: "Шашлык-машлык заказывали?" Деваться некуда, ведь так и заказывали... Спустя пару дней те же гости столицы зашли снова, настрого запретив убирать грязные тарелки и счет оплачивали, строго сверяясь с их количеством. И больше не выпендривались...

Козловский 2: 223], *шилото* [Виноградов 1927 // Козловский 3: 70] ‘долото’; *шумага* ‘бумага’, *ширман* ‘карман’ [Тонков 1930: 24, 28 // Козловский 3:174, 178]).

В книге [Венуа 1995] утверждалось, что построение гипокористических форм является примером соотношения выходных структур с появлением немаркированной структуры (нем. *Andreas* > *Andi*, *Ulrich* > *Ulli* и т.п.). Т.к. в данном случае одна форма несомненно происходит из другой, можно использовать понятия input-output для любого процесса модификации. В статье [Ito et al.] предлагается считать, что деривация, к примеру, арготической формы из нормативной (которая в свою очередь произведена из “лексической структуры”) – это синтез одной поверхностной структуры из другой, т.е. следует говорить о соотношении двух поверхностных структур (surface-surface correspondence, [Ito et al., 7]). Поверхностные формы основного языка строятся из входного лексикона (are derived from lexical input), формы арго основаны (are based) на нормативном языке.

Таким образом, формальная операция неточного копирования, обычно запрятанная в редупликацию, в некоторых маргинальных случаях доступна непосредственному наблюдению (а интерпретировать ее можно как в трансформационных терминах, так и в как в терминах заполнения матрицы, или “mapping onto the template” [McCarthy & Prince 1986]).

Искажение формы иконически отображает семантику искажения, порчи (например, идиш *pejsax* ‘еврейская Пасха’ ~ *kejsax* ‘христианская Пасха’, т.е. неправильная, ложная Пасха [Вейнрейх 1970: 240]). “Поскольку у говорящих существует, как мы уже отмечали, представление о строгой связи между формой и содержанием, постольку обыгрывание облика слова - присоединение к слову его искаженного двойника (в виде приложения или сочиненного члена), посягательство на форму, разрушение ее, воспринимается и как посягательство на соответствующее содержание” [Санников 2002: 168]. В свете нашего материала можно уточнить, что семантика искажения передается самим созданием искаженного двойника, т.е. присоединение к исходному слову достаточно по сути необязательно.

Издевательское искажение имен не обязано подчиняться регулярным закономерностям, а может выступать как прием порождения политической сатиры, как в таком тексте: *В Санкт-Пипербурге состоялась новая встреча президента россии г-на Мутина с канцлером Хермании г-ном Шротером* (и далее в том же духе).

Кроме формальных моделей неточного копирования, существует такой прием языковой игры, как скрещивание двух слов, двойная мотивация. В этом случае одна поверхностная структура отсылает к двум формам одновременно, что тоже обычно

создает эффект снижения. В чешском языке, в отличие от венгерского, для прозвищ используются реальные слова, а не формально построенные копии: *Dominik* > *Kominik*, *Viktor* > *Doktor*, *Vitka* > *Pitka*, *Jitule* > *Vrtule*, *Mikola* > *Pikola*, *Marketa* > *Raketa* (*Parketa*), *Klara* > *Kara* [Knappová 1999: 87]. Особо следует выделить *Hana* > *Panna* - ср. венг. *Anna* > *Panna*, рус. Анна-Панна. Далее, некоторой аналогией может служить английский rhyming slang, где субститутами табуированных слов являются рифмующиеся с ними слова или словосочетания: *Henry Melvill* ‘devil’, *bees (and honey)* ‘money’, *storm and strife*, *Dushess of Five* ‘wife’, *beef* ‘thief’, *oak* ‘cloak’, *Brahms and Liszt* ‘pissed’ (т.е. ‘drunk’), *thirsty-first of May* ‘gay’, *Jack the dandy* ‘brandy’ [Рабинович 2000: 79-80, 84]. В начале 2001 г. большую популярность в Рунете получил фельетон “Сибирский портной”, главными героями которого являются *Пихалков-младший* и молодой барин *Мутин*, получивший все полномочия от барина состарившегося.

Контаминация двух слов, впрочем, используется не только в маргинальных языковых играх, но регулярно влияет на историю лексики. Г. Гюнтер посвятил свою книгу [Guntert 1914] тем случаям, когда в индоевропейских языках или отдельных подгруппах существует два или более корней схожей семантики, несводимых друг к другу с точки зрения фонетических законов, но рифмующихся (как др.-и.-е. **sk'id/ *bhid* ‘расщеплять’, инд. *mandati/ nandati* ‘радоваться’). С нашей точки зрения, для индоевропейского в целом такие наблюдения оказываются не очень надежными (т.к. они накладываются на и без того довольно расплывчатые этимологии, характерные для индоевропеистики), однако применительно к отдельным языкам материал Гюнтера очень убедителен и существование аттракции со стороны рифмующихся (как и других фонетически схожих) слов должно, без сомнения, систематически учитываться в этимологии.

Тан называет контаминацию двух независимо употребляемых слов “смешением” (blending), в отличие от влияния одного слова на другое при их синтагматической близости (например, *chatter-water* > *chatter-watter* ‘слабый чай’), которое называется “переделкой”, remodelling [Thun 1963: 230-238]. При описании языков, для которых характерно большое количество рифмованных сочетаний, у исследователей иногда возникает желание объяснить смешение через переделку в сочетании. Так, советский семитолог Н.В. Юшманов в работе “Структура семитского корня” предложил синтагматическое, а не парадигматическое объяснение для возникновения синонимических рифмующихся слов: согласно его гипотезе, такие пары в арабском (напр., *kafana* = *dafana* ‘хоронил’) происходят из разного рода рифмованных оборотов

(таких как араб. *'ahla(n) wa sahra(n)* 'добро пожаловать!', *šadāra madāra* 'в разные стороны', др.-евр. *tohu wa bohu* 'хаос' [Юшманов 1998: 140]. Точно так же тюркологи объясняют вторичную форму тюрк. *salgym* 'мираж' влиянием первого члена парного слова: *ylgym salgym* > *ylgym salgym*. Об уподоблении слов в сочетаниях см. II, 1.2.3.

2. Значащая неточная редупликация в современном русском языке

В современном русском языке существует три модели мотивированной неточной редупликации, которые можно обозначить характерными примерами - *шашлык-машлык*, *танцы-шманцы* и *автобус-хуёбус*¹³. Всё это правая редупликация, чаще всего полная. Больше всего писали о первой модели, иногда упоминается вторая, третья модель описана только в работе [Беликов 1990]. Ниже мы будем специально рассматривать только первые две. Что известно об этих редупликациях? Во-первых, в основном они распространены в определенных этнолектах русского языка, а также употребляются в несколько сниженном, экспрессивном регистре разговорной речи. Под этнолектом мы понимаем разновидность языка, особенности которого обусловлены интерференцией с другим (часто основным) языком. Обычно этнолекты привязаны к определенному региону [Беликов, Крысин 2001: 24]. Для *шм*-редупликации таким этнолектом является язык людей, пользующихся разговорным идиш, для *м*-редупликации - речь жителей юго-восточных регионов СССР - Кавказ, Закавказье, Башкирия, Средняя Азия. Что касается синтактики этой модели, то известно, что в основном она употребляется с существительными, кроме того, сочетаемость с теми или иными словами определяется морфонологическими факторами (они мешают образованию редуплицированных форм от некоторых слов), несколько образований особенно устойчивы, лексикализованы. Про семантику установлено следующее: редупликация имеет два компонента значения – пропозициональное значение 'X и подобное' и оценочное – не очень серьезное или пренебрежительное отношение к X.

¹³ Впрочем, в разговорном языке могут встречаться и окказиональные, нерегулярные формы, например *история-кистория...* (эссе А. Бухова "Громоотвод").

Кроме того, выделяется диалогическое употребление редупликации с более сложным для формулировки значением.

2.1. Морфонологическое описание

В общем случае копия выступает с фиксированными инициалами *м-*, *шм-* независимо от того, начиналось ли исходное слово на одинарный согласный (*нитки-шмитки, логия-могия*), на кластер (*Штирлиц-Шмирлиц, штучки-мучки*) или на гласный (*осетрина-масетрина*).

Шм-редупликация чувствительна к просодической структуре слова. В речи одного персонажа у Д. Гранина в романе “Иду на грозу” встречается слово *бумажки-шмажки* (*Небось расчет она оформила. В наше время без отдела кадров не похитишь. Всякие бумажки-шмажки*): неполная редупликация (при полной было бы **бумажки-шмумажки*) обусловлена положением ударения – если в слове больше двух слогов, то слоги, предшествующие ударному, не сохраняются при такой редупликации. Другие русские примеры нам неизвестны (видимо, они всё-таки избегаются как морфонологически нетривиальные), но именно такое правило следует из польского и английского материала, который приводит В. Курашкевич: польск. *oddać-szmoddać* (ударение на первом слоге), но *odrabiać-szrabiać, rozmowa-szmowa*, амер. англ. *Oedipus-shmedipus*, ср. *confusion-shmoosian* [Kuraszkiewicz 1969: 23]. Точно такое же правило выбора редупликанда в зависимости от места ударения действует в русской редупликации, описанной В.И. Беликовым: *улица-хуюлица*, но *автобус-хуёбус* [Беликов 1990: 83].

Особенности *м*-редупликации прежде всего связаны с фонетическим обликом инициала (иногда действует описанное выше просодическое правило, ср. *посетители-мосетители*, но *Якобсон-мобсон*). Самая ясная закономерность состоит в том, что *м*-редупликации невозможна у слов, которые начинаются с [м], потому что такие формы выглядели бы как точная редупликация (ясно, что слов, начинающихся с [шм-], в русском языке пренебрежимо мало, поэтому подобное ограничение для *шм*-редупликации несущественно). Видимо, не редуплицируются также слова, которые начинаются с кластера с исходом на [м] (например, *тмин, хмель*). Р. Якобсон писал, что в русском языке *м*-редупликация вообще невозможна у слов на губной, кроме [ф] - т.е. не только [м], но и [п], [б], [в] [Якобсон 1979]. В целом это не совсем так для русского разговорного языка, однако для некоторых этнолектов известен более сложный закон диссимиляции. Как любезно сообщил нам Я.Г. Тестелец, на Северном Кавказе

образование редуцированных форм с [м] затруднено, если после гласной стоит губной согласный: ?*аварцы-маварцы*, но *даргинцы-маргинцы*, ?*Чубайс-Мубайс*, но *Гайдар-Майдар*. Однако [ф] почему-то не мешает редукации: говорят, например, *туфли-муфли*. Впрочем, эта закономерность, которую наблюдал Я.Г. Тестелец в северо-восточных районах Кавказа, явно нарушается в других кавказских регионах – см. кавказскую форму *сумки-мумки*, которую приводит Вяч. Вс. Иванов [Иванов 2000: 332], а также *лобиа-мобиа*, *суперфосфат-муперфосфат* у Ф. Искандера в “Созвездии козлотура” [Эйсман 1994: 166]. В русском языке избегается м-редупликация у слов, которые начинаются с сочетания мягкого согласного и заднерядной гласной (видимо, в копии не допускается сочетание [м'] с заднерядными гласными). Не являются редупликацией такие сочетания, как *няньки-маньки* (форма из сказки А.Н. Афанасьева, которая в целом ряде статей цитируется как редуцированная), *люди-муди* (присказка одного крупного лингвиста) или детское *тётя-мотя*. Впрочем, есть один пример подобной *шм*-редупликации – *пряники-шманики* [Земская и др. 1983: 193]. Еще одна особенность м-редупликации состоит в том, что у слов, которые начинаются с кластера взрывной + сонант, заменяться может не весь кластер, а только взрывной, например *плов-млов*, *план-млан* (ср. также немотивированную редупликацию в разг. *тундры-мрунды*, *трень-брень*, мотивированную незначащую в разг. *кролики-маролики*), диал. *птица-мница* (*Барсуки дыню ели, то зверю едят мелкую, птицу-мницу*, казаки-некрасовцы [СРНГ 33:101]). Впрочем, в основном редупликация у таких слов в русском языке просто избегается. Следует упомянуть также диал. новос. *шурá-мурá* ‘ненужные вещи, хлам’ [СРГНО: 600], где мы имеем дело с левой редупликацией (в целом более характерной для фольклорных примеров).

Для сравнения рассмотрим морфонологические закономерности образования м-редупликации в болгарском языке (описание болгарского материала см. в [Цонев: 336], [Эйсман 1994: 166], специально о морфонологии в работах [Младенов 1975] и [Grannes 1978]). Прежде всего, она невозможна у слов, инициаль которых содержит м: *кмет*, *хмель*, *сград* (в т.ч. у слов, начинающихся с м: *молив*, *мраз*), от слов с другими губными редупликация образуется, видимо, свободно, ср. *пестиль-местиль*. Слова с начальным [р-] иногда образуют копию с [мр-] (*риза* ‘рубашка’ - *риза-мриза* ‘рубашка и тому подобное’), а иногда по общему правилу с [м-] (*режис’ор* ‘режиссер’ - *режис’ори-межис’ори* ‘режиссеры и т.п.'). Слова с начальными кластерами, кончающимися на [р], [л], [н] обычно образуют копию, начинающуюся на [м] + сонант. Больше всего примеров на кластер с [р] (*врати-мрати*, *здраве-мраве*, *крак-мрак*, *криви-*

мриви, кремвириши-мремвириши, круши-мруши, спринцовки-мринцовки, страх-мрах, стрина-мрина, трани-мрани, тръне-мръне), меньше примеров с [л] (*влакове-млакове, глави-млави, плевор-млевор, сливи-мливи*) и один пример с [н] (*сняг-мняг*). По общему правилу образуется *грешки-мешки*. Сочетание *ст-* чередуются по общему правилу с *м-* (*Стефчов-Мефчов, столове-молове*), ср. турецкое *Stassen... Mtassen* с чередованием. Видимо, невозможна редупликация у слова *ствол*, т.к. *мвол* невозможно по законам фонотактики, а *ствол-мол* было бы “слабой” рифмой.

Часть продемонстрированных морфологических закономерностей может быть сведена к следующему принципу: в редупликативной копии должны достаточно ясно, заметно выступить и исходная основа (поэтому плоха редупликация вроде болг. **стол-мол*, рус. **треска-шма*), и операция неточного копирования (поэтому невозможна *м-* редупликация *морковь-морковь* и плоха редупликация, в которой слог с замененной инициальной оказывается безударным, например ?*бумажки-шмумажки*).

2.2. Происхождение и употребление

Как отмечено выше, *шм-* и *м-* редупликации - заимствования. Существовало мнение, будто морфология является языковым уровнем, непроницаемым для заимствований (А. Мейе, Э. Сэпир и др.). В такой резкой формулировке эта точка зрения не подтверждается фактами, однако не может быть сомнений в том, что служебные морфемы заимствуются хуже, чем полнозначные основы. Видимо, морфема может с большей или меньшей вероятностью заимствоваться на основании многих факторов. На одном конце шкалы “пригодности для заимствования” – “связанные” морфемы, имеющие только синтаксические функции (к примеру, показатели синтаксических падежей), они почти не переносятся в другой язык. На другом конце шкалы – полнозначная лексика, особенно существительные, связанные с культурными реалиями, а из служебных морфем – сравнительно более семантические, прежде всего именные аффиксы [Бурлак, Старостин 2001: 69]. Особенно хорошо заимствуются экспрессивные, оценочные аффиксы. Так, есть много примеров заимствования уменьшительно-ласкательных показателей [Вайнрайх 1979: 66]. Если основное, сигнификативное значение тюркской редупликации (‘разнообразные виды X и чего-то типа X’) лишь отчасти способствовало ее заимствованию, то экспрессивное, оценочное значение помещает данную словообразовательную модель в ту семантическую зону, в которой заимствования особенно вероятны.

Шм-редупликация заимствована из разговорного идиш (ср. *tojre-љtojre* ‘страх’, *libe-љmibe* ‘любовь’) в разговорные варианты русского, польского и американского английского. Происхождение этих форм иногда осознается носителями, например в тексте русского националиста *шмутин* обозначает именно ‘кто-то похожий на Путина, при этом еще и еврей’: *После путина придет шмутин и еще несколько кукол евреев, потом возможно будет гос. переворот, захват власти настоящими правыми* (из Интернета).

Затруднительно однозначно ответить на вопрос, откуда модель *деньги-меньги* заимствована в русский язык. В работах начала века (М. Джафара и Н. Дурново) говорилось о ее тюркском происхождении. Однако ситуация несколько сложнее. Русский язык всё время подвергается различным влияниям со стороны тюркских, кавказских, иранских и других восточных языков, в той или иной степени использующих эту редупликацию. Скорее всего, данная редупликация в основном проникла в русский язык “из тюркских языков через посредство кавказских народов” [Эйсман 1994: 166].

К сожалению, нет достоверных сведений, позволяющих судить о хронологии распространения *м*-редупликации в русском языке. А. Крымский приводит следующий факт: в 1856 г. А.Ф. Писемский во время своего путешествия по Волге записал в Астрахани шуточные стихи, которые бытуют среди тамошних русских. В них воспроизводится армянская речь с такими редуплицированными формами, как *варен-марен*, *канфет-манфет*, *калач-малач*, *кишмиш-мишмиш*. Издавая свои “Путевые очерки”, Писемский пояснял для российских читателей: “Варен-марен, канфет-манфет, калач-малач соответствуют нашему: варенье не варенье, конфеты не конфеты, калач не калач, т.е. всякие варенья, всякие конфеты”. Скорее всего, в то время в России такие формы еще не были распространены и могли быть непонятны. Видимо, *м*-редупликация в течение долгого периода была известна лишь маргинальным слоям российского общества, прежде всего на периферии. А. Крымский считает, что важнейшую роль в популяризации редуплицированных форм сыграли “армянские анекдоты”, ставшие популярными в обеих столицах в конце XIX в. [Крымский 1928: 147]. Вероятно, широкое распространение этой редупликации пришлось на двадцатые годы. Как известно, Октябрьская революция повысила социальную мобильность населения России. В результате этого языковые явления, характерные для отдельных групп (занимавших низкое положение в социальной иерархии), проникли в общенародный язык. Например, в 1932 г. некий рабочий Секалов (маловероятно, что

его язык является этнолектом) уже употребляет редупликацию *колхозы-малхозы* (из дневниковых записей К. Чуковского, [Чуковский 1991]).

Редуплицированные формы характерны прежде всего для этнолектов русского языка на юго-восточных окраинах советской империи (особенно Кавказ и Средняя Азия). Про Кавказ сообщает, в частности, Вяч. Вс. Иванов (с примерами *сумки-мумки, культур-мультир, деньги-меньги* [Иванов 2000: 332]); такие редуплицированные формы отмечаются у писателей, передающих особенности кавказской речи (у Ф. Искандера в “Созвездии козлотура”: *зелень-мелень, лобиа-мобиа, суперфосфат-муперфосфат*¹⁴); ср. также восточный колорит примера, в котором фигурируют *посетители-мосетители* в статье [Янко-Триницкая 1968]. Эти формы в целом совершенно отчетливо ассоциируются с указанными этнолектами. В следующем фрагменте создается карикатурное изображение речи узбека, с воспроизведением характерных фонетических и грамматических отклонений от литературной нормы и, конечно, с обилием редуплицированных форм: *Я пиретсидатель райпотребсоюз работал, потом тюрьма сидел, потом директор баня-маня работал, потом пирестройка прииол, дочь Фатима сафсем большой стал. Чтот грязь лицом не ударилса Москву поехал, фзятка-мзятка давал, дочь пилпак МГУ поступал. Потом в гости к Фатима поехал, она сафсем пилать стал: канфет-манфет не кушает, папиросы "Пирезидент" курит, пиво-миво пьёт, Интернет учствует* (из Интернета). Похоже устроено шуточное стихотворение, где восточный колорит создается, в частности, с помощью редуплицированных форм (выделены жирным шрифтом), а также рифмованных сочетаний и парных слов (подчеркнуты): *...Окиен, **пустин-мустин**, горни Бадахцен // Палька-малька, рук-нагам, Кара-Кадиль-джен // Джюнма-Люнма, Тобитстон, Сердний Азие; другой фрагмент: Джюнма-Люнма // свуй нагам-рукам пахади-ил // Мамацкя-папацкя нафсигда ухади-ил // Систренкя-брацицкя // **канфет-манфет** угасти-ил*. В других случаях текст в целом не призван изображать восточную речь, и “восточной” является только сама редуплицированная форма: *Чай – **липтон-миптон** – тоже, понятно, не из Индии, а из Армении...* (“Московский комсомолец”). Употребление этой формы указывает на то, что речь идет не совсем о чае “Lipton”, а о

¹⁴ (1) - *Хорошо,-- сказал я,-- быстренько перекусим, и я поеду.*

- *О чем говорить -- зелень-мелень, лобиа-мобиа.*

(2) ...- *Тонн сто суперфосфат-муперфосфат прошу, как родного брата, Андрей Шалвович.*

чем-то вроде него, и о чем-то не вполне качественном, кроме того, редупликация дополнительно указывается на регион, из которого происходит поддельный чай.

Для истории исследования рифмованных сочетаний большое значение имеет то, что писали о них Р. Якобсон и Вяч. Вс. Иванов в связи с Велимиром Хлебниковым [Якобсон 1979], [Иванов 2000]. При этом, как утверждает В.П. Григорьев, для текстов Хлебникова такие образования по большому счету нехарактерны; ср., правда, их нагнетение в монологе Разина: *К богу-могу эту куклу! Девы-мевы, руки-муки, Косы-мосы, очи-мочи!* (“Уструг Разина”) и замечание о них в письме 1913 г.: “*Лыки-мыки* это мусульманская мысль; у них есть *шурум-бурум* и *пиво-миво, шаро-вары*, т.е. внеумное украшение слова добавочным почти равным членом” [Григорьев 2000: 316-317].

Редуплицированные формы нередко встречаются в тексте целыми сериями – ср. приведенный выше пример из В. Хлебникова, или фрагмент рассказа В. Сорокина “Дорожное происшествие”: [...] *я и не говорю тебе там про Кандинского шмандинского или про Клее там шмее так что и ты гонишь мне опять про своих Пикассо шмикассо Утрилло шмутрилло, я и в гробу видел твоего Ван Гога там шмангога* [...]. Показательно, что в таких сериях совершенно естественно могут соседствовать две редупликации, *шм-* и *м-*: *Там шашлык-машлык, танцы-шманцы, причем все за их счет; дача, шашлык - машлык, танцы - шманцы и тд; ну там шашлык-машлык, танцы-шманцы и все такое; ну а дальше - как получится, салатки, водка, зелень-мелень, танцы-шманцы; Бренди-шменди пил, зелень-мелень, шашлык-машлык кушал?; Завтра грозятся прийти Елена и Маша. Буду готовиться: кофе-мофе, чай-шмай, канфет-манфет... Диктофон-шмиктофон...* (из Интернета). Как нам кажется, совместное употребление этих редупликаций дополнительно оправдывает закономерность их совместного анализа.

2.3. Семантика

Значение русских значащих редупликаций следует рассматривать в широком контексте значений, которые выражаются неточной мотивированной редупликацией (эхо-редупликацией) вроде малай. *lauq-pauq* ‘различные приправы’ (*lauq* ‘приправа’), маратхи *gurē-birē* ‘скот и прочая живность’.

Во многих восточных языках подобные значения выражаются правой редупликацией с *<t>* в начале копии, например казах. *жылкы* ‘лошадь’ ~ *жылкы-мылкы* ‘лошади и т.п.’. Прежде всего, это “западные” тюркские языки (кыпчакские,

карлукские и огузские) и языки, подвергшиеся прямому или опосредованному тюркскому влиянию, прежде всего в своей разговорной форме (русский, болгарский, румынский, персидский, монгольские, индонезийский и др.). Морфонологическими вариантами этой редупликации (по крайней мере отчасти связанными с фонетическим обликом редупликанда) в тюркских языках являются повторы с <р>, <č> и др. в начале копии. В новоиндийских языках может использоваться <м>, но чаще <ν> (хинди *pārā* ‘вода’ ~ *pārā-vārā* ‘вода и всякого рода напитки’), <б> (браджа *dādh* ‘молоко’ ~ *dādh-bādh* ‘молоко и тому подобное’) и <bi> (маратхи *gurē-birē* ‘скот и прочая живность’; существует достаточно подробный анализ материала маратхи, см. [Mahadeo 1968]). В якутском есть другая неточная редупликация с той же семантикой, при которой первый слог заменяется на *и-* и происходят чередования в основе: *уңуох-иңиэх* ‘кости и т.п.’, *холхуос-илкиэс* ‘колхоз и т.п.’. В дравидийских языках в начало копии вставляется фиксированный слог: в тамильском <ki> (например *paittiyam* ‘помешательство’ ~ *paittiyam kiyttiyam* ‘что-то вроде помешательства’), в каннада и колами <gi> (при таком соотношении для прадравидийского можно реконструировать *gi-). В дравидийских языках существует и несколько других моделей редупликации, в том числе *m*-редупликация по тюркской модели. В малайском языке, кроме более-менее обычных моделей, используется и более специфические, имеющие ту же семантику: *kilat* ‘молния’ ~ *kilat-kilau* ‘молнии и вспышки’, *gunung* ‘гора’ ~ *gunung-ganang* ‘горы и холмы’ [Hassan 1974: 72-73]. Из разговорного идиш так или иначе проникла в американский английский, а также русский и польский модель редупликации с <šm> в начале копии.

В отличие от славянских языков, во многих восточных языках, по крайней мере в тюркских, редуплицированные формы в основном довольно нейтральны стилистически - например, как сообщает Н.К. Дмитриев, в башкирском языке они могли встречаться на вывесках или в школьных учебниках.

В самых разных языках эхо-редупликация обычно применяется к существительным и в ее означаемом легко выделяется два компонента, один из которых удачнее всего выражается описательно, например ‘и что-то подобное’, а другой относится к выражению эмоциональной оценки.

Экспрессивно-эмоциональные компоненты значения всегда с трудом поддаются точной формулировке. Для этого компонента предлагались такие ярлыки, как “умаление, уничижение” (Ю. Плэн о русском языке), “пренебрежительность” (М.С. Андронов о дравидийских языках), “пренебрежительное отношение к предмету” (Д.К.

Дмитриев о башкирском), “насмешка, пренебрежение, ирония, фамильярность, осуждение, плохое качество и т.п.” (А.С. Бархударов о хинди), “пейоративность” (В.И. Беликов о русском, М. Младенов о болгарском).

С нашей точки зрения, собственно пейоративное значение (“Говорящий выражает свое плохое отношение к факту F или его участникам”, см. [Мельчук 1998: 196]) является для этой формы периферийным. Н.А. Янко-Триницкая справедливо ставит эту редупликацию (точнее, исследовательница говорит о значении второго компонента сочетания) в один ряд с “размерно-оценочными суффиксами, которые могут сообщать слову различные экспрессивные оттенки, например: *человечище, человек, работенка* и под.”. Неуловимое оценочное значение неточной редупликации уместно сравнить с оценочными значениями русского суффикса *-к-*. Например, для русского *-ка* у имен собственных, значение которого принято было описывать как пейоративное, А. Вежбицкая показала, что речь идет о чем-то вроде “анти-уважения” (см. [Вежбицкая 1996: 140]). Мы считаем, что основное оценочное значение обсуждаемой неточной редупликации - что-то вроде ‘Говорящий относится к X не очень серьезно’, а собственно пейоративное значение возникает лишь в определенных контекстах. Например, в таком контексте нет никакого пейоративного смысла: *Завтра грозятся прийти Елена и Маша. Буду готовиться: кофе-мофе, чай-шмай, конфет-манфет...* (из Интернета). Если несерьезное отношение к танцам (*танцы-шманцы*) или к кофе, чаю, конфетам нисколько не умаляет их ценности, то несерьезное отношение к известным людям создает именно пейоративный смысл: *Сахаров-Шмахаров, тоже мне великий авторитет в политике...; Примаков-шмудаков, Путин-шмутин, Гусинский-шмусинский. Что это значит в контексте нас?; Это ж твой любимый Путин-Шмутин* сказал; *А как придет Юлька [Ю.Тимошенко] к власти (не к ночи будь сказано), то решит переплюнуть путина-шмутина* (из Интернета). Вот еще некоторые характерные примеры таких употреблений (из работы [Янко-Триницкая 2001: 470]): *У них, у людей - космос-мосмос, фотосинтез-мотосинтез* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, “Сказка о тройке”); *Он увидел себя ее глазами: не такой уж молодой гражданин и все шебуришится: танцы, шманцы, а у самого брюки круглые и короткие и без складки* (В. Амлинский, “Возвращение брата”).

Другой компонент значения на первый взгляд довольно просто выразить описательно. Например, тур. *kitab-mitab* ‘das Buch und alles was drum und dran ist’ (L. Spitzer), ‘и тому подобное, ‘и еще что-то подобное’, ‘и всё остальное в том же роде’, и тому подобные многочисленные определения. Как отметил В.И. Беликов ([Беликов 1990]), в контексте *какой-нибудь X* (*Там холодно - надень какую-нибудь фуфайку-*

муфайку) это значение следует перифразировать не как ‘и еще что-то подобное’, а как ‘или еще что-то подобное’. Это указывает на то, что на первый взгляд убедительное перифрастическое толкование является неточным: оно хорошо передает довольно распространенную реализацию этого значения, но не само это значение.

Кажется, что этот смысл можно сформулировать через понятие члена множества, в которое *X* входит и для которого *X* является центральным. Это может быть либо родовое для *X* множество (ср. дефиниции, где используется гипероним, вроде ‘скот и прочая живность’, ‘вода и всякого рода напитки’), либо же множество объектов, связанных с функционированием *X* (ср. казах. *kitab-mitab* ‘книги (скорее плохие) и все предметы, связанные с чтением/написанием книг’, [Мельчук 2000: 57]). Тогда толкование редупликации может звучать как ‘представитель множества, связанного с *X*’ (границы такого множества обычно нестрогие); в контексте собирательных имен возникает значение ‘разные виды *X*’ (например, малай. *lauq-pauq* ‘различные приправы’ ~ *lauq* ‘приправа’).

Эта редупликация довольно часто выступает в контексте отрицания, например в турецком: *dergi mergi okumuyor* ‘он не читает журналов или чего-то подобного’; *bahs ede ağas mağas yok* ‘в саду нет ни деревьев, ни кустарников’ и др. [Lewis 1967: 237]; в речи стамбульских болгар: *захар махар не искам; песни месни не ми се слуша; шега мега не разбирам* [Grannes 1978: 41]; в урду: *deco bacce-wacce kukh nahīn pālūnga* ‘Послушай, я не буду воспитывать всяких там детей’, *darāsl bāt yah hai merā kōī cacā-wacā nahīn* ‘В действительности дело в том, что у меня нет никакого дядюшки’. Редулицированные формы часто употребляются с отрицанием во вьетнамском [Ситникова 1980: 251].

Какой термин можно использовать для описанного значения? В частности, фигурировали такие ярлыки, как “какая-то множественность”, “своеобразный pluralis” (Ю. Плэн), “неопределенность” (М.С. Андронов о дравидийских), “синтез и обобщение” (М. Младенов о болгарском), “собирательность”, “коллективность”, “неопределенная множественность” (А. Кайдаров об уйгурском), “коллективность и неопределенное множество” (Д.К. Дмитриев о башкирском), “множественность, совокупность, неопределенная общность” (А.С. Бархударов о хинди).

В диссертации М. Даниэля предложено использовать термин “репрезентативная множественность” для такой множественной референции, “когда при обозначении группы объектов эксплицитно называется лишь один из них”. Частным случаем “репрезентативной множественности” является “ассоциативная множественность” -

случай, когда “не называемые объекты составляют с названным объектом более или менее тесную замкнутую совокупность... (что и позволяет адресату исходя из названного объекта установить, кто или что не названо)”. Как уже отмечалось выше, обычно неточная редупликация указывает на открытое, неточно определенное множество, так что применительно к ней нельзя говорить об ассоциативной множественности, а только о репрезентативной (репрезентативную множественность, которая не является ассоциативной, можно назвать нечеткой репрезентативной).

В.И. Беликов утверждает, что обычно русская *м*-редупликация имеет не сочетание пейоративного и репрезентативного значения, а какое-то одно значение из этих двух. Например, в примере Ю. Плэна¹⁵, как утверждает Беликов, говорится об обычном множестве предметов, являющихся ‘фуфайками самого низкого качества’, т.е. есть лишь пейоративный элемент значения: *Есть здесь и “неважные фуфайки”, и “косопузы фуфайки”, и даже “фуфайки-муфайки”*. Значение ‘различные виды X’ иллюстрируется таким смоделированным примером: *В селю торговали всем сразу: и звездами, и селедкой и фуфайками-муфайками*. Как нам кажется, при таком взгляде опускается специфика значения *м*-редупликации: в ее значении сочетаются два семантических компонента, хотя в конкретном контексте один из этих компонентов может, действительно, отступить на второй план или даже уничтожаться.

Кроме того, есть еще одна семантическая особенность редупликации (едва ли ее можно назвать компонентом значения) - это то, что можно назвать усилением (З.М. Дымшиц о урду); эти формы “выражают подчеркивание, курсивируют названные явления, процессы или качества” (М. Младенов о болгарском).

Рассмотренную редупликацию можно сравнить с сочинительными сложениями вроде рус. *хлеб-соль* ‘угощение’, багвал. (дагестан.) *hat' raZ* ‘еда’ (букв. “мука-чеснок”), авадхи (новоинд.) *dāli-bhāt* ‘простая еда’ (букв. “горох-вареный рис”), узб. *идиш-оёқ* (букв. “сосуд-чаша”), *қозон-товоқ* (букв. “котел-глубокая глиняная чашка”) ‘посуда (разного рода)’. Однако такие лексикализованные сложения обычно указывают на целый класс объектов, относительно стабильный (т.е. скорее демонстрируют именно ассоциативную множественность). Ближе к редупликации находятся две

¹⁵ Плэн дает следующую ссылку - “Правда 1954, 10”; эта ссылка неточна фактически и некорректна с точки зрения истории изучения вопроса; в научный оборот этот пример он был введен в [Аганин 1959: 95-96], там же дается точная атрибуция текста - статья “Фуфайка-муфайка”, “Правда”, 10 января 1954 г.

грамматические модели, отмеченные в волжско-пермских языках: морд. *Ваня-т-мез-ть* ‘Ваня и другие с ним’ (Ваня-PL-что-PL), *капста-т-мез-ть* ‘капуста и другое’, удм. *ужаны-мараны* ‘работать и т.п. делать’ (-*мараны* изолированно не употребляется), см. [Егорушкина 2002]; кроме того, такие значения выражаются словосочетаниями вроде *и прочий помидор*, *и всяческий бамбук* (в русском языке они подчеркнута разговорны). Репрезентативная семантика (‘X и что-то похожее на X’) объективно близка симилятивной (‘что-то похожее на X’), которая есть, например, (в сочетании с компонентом и элемент ‘ненастоящий’) у архаичного славянского префикса *на-* (*пасынок*), рус. диал. *не-* (*неклен*).

Известно, что редупликация, будучи иконическим знаком, обнаруживает известное постоянство в выборе кодируемых смыслов. Какое место занимают рассмотренные выше значения на “семантической карте” разных значений редупликации? Во-первых, значение репрезентативной множественности передается именно неточной редупликацией, потому что неточная копия и изображает иконически объект “вроде X”. В целом можно считать значение репрезентативности первичным для данной редупликации, т.к. оценочное значение довольно естественно развивается из значения типа ‘всякий’, ‘разный’ (ср. рус. *всякие там*). Эта иерархия значений указывается многими авторами, например Д.К. Дмитриевым (“иногда это значение коллективности и неопределенного множества принимает особую эмоциональную окраску”), А.С. Бархударовым (“наряду с основным значением множественности, [...] он обычно выражает экспрессивно-эмоциональные оттенки”). С другой стороны, редуплицированные формы в самых разных языках обычно имеют экспрессивную окраску, в частности могут использоваться для выражения оценочных смыслов, никак не связанных со значением репрезентативности (пейоративность: догон *sóbo* ‘увеличиваться по прямой’ ~ *sobo-sabà* ‘длинный и некрасивый’, [Рожанский 2000: 385]). Анализ семантики неточного копирования, рассмотренного в разделе 4 первой главы, скорее подтверждает гипотезу о вторичности эмоционального компонента - можно считать, что базовое значение этой операции - ‘ненастоящий X’ (идиш *kejsax* ‘христианская Пасха’), а эмоциональное значение вторично и возникает при невозможности интерпретировать такую семантику применительно к имени собственному (рус. разг. *Шмутин*). Сочетание X-Y в большинстве случаев интерпретируется через объединение значений (*вешалки-плечики*, *помидор-момидор*), однако в особых контекстах может толковаться через дизъюнкцию (*два-три* ‘два или

три’, *какую-нибудь фуфайку-муфайку* ‘какую-нибудь фуфайку или что-то вроде фуфайки’).

Кроме того, репрезентативную множественность можно рассматривать как одну из разновидностей множественности (в частности, мультипликативной, дистрибутивной), которые кодируются редупликацией: квилеут (язык североамериканских индейцев, алгонкино-вакашская семья) *á?t'cit* ‘вождь’ ~ *á?á?t'cit* ‘различные вожди, находящиеся в разных местах’, венг. *el-men* ‘пойти [куда-то]’ ~ *el-el-men* ‘ходить [куда-то] время от времени’. Кстати, наречия, обозначающие частоту повторений ситуации, могут образовываться с помощью той же неточной редупликации, которая выражает репрезентативную множественность: тамиль. *ippō* ‘теперь’ ~ *ippō kippō* ‘то и дело’, маратхи *kadhī-badhī*, *kadhī-madhī* ‘время от времени, редко’.

2.4. Лексикализация

Под *лексикализацией* здесь мы понимаем закрепление в словаре некоторых дериватов, образованных по продуктивной модели (не предполагая, что при этом должна происходить какая-то семантическая идиоматизация). Такое употребление понятия лексикализация не входит, конечно, в число его основных употреблений, но и не противоречит им.

В.И. Беликов пишет, что сочетание *хуйня-муйня* в русском языке лексикализовано (является “фактом русского лексикона”), а остальные случаи *м*-редупликации - окказионализмы, хоть и понятные большинству носителей, “лишь у меньшинства составляющие активную модель” (Беликов 1990:82). Действительно, следует выделить ряд в той или иной мере устоявшихся, лексикализованных образований (все они являются существительными). С нашей точки зрения, это не только *хуйня-муйня* (давшая название статье Ю. Плэна, а после объявленная В.И. Беликовым единственной лексикализованной редупликацией), но и *культура-мультиура* (*культур-мультиур*), *шашлык-машлык*, *зелень-мелень*, *павлин-мавлин*.

Видимо, можно выделить ряд факторов, влияющих на лексикализацию. Например, редуплицированная форма *хуйня-муйня* закрепилась в языке потому, что уже в семантике производного слова есть пейоративность и указание на что-то неопределенное. В сочетании *штучки-мучки*, как и в исходном слове *штучки*, есть неопределенность и несерьезное отношение говорящего: *милиция за такие штучки-*

мучки по головке не гладит [Янко-Триницкая 1968: 49]; *Дело поставлено оскорбительно сухо. Никаких этих душевных штучек-мучек! К молодому отцу относятся с суровой безразличностью, словно он не муж* (И.Ильф, Е. Петров, фельетон “Безмятежная тумба”); *Ну что не выберу, все штучки-мучки, интересно как выглядит* (из чата); *Я все эти штучки-мучки компьютерные как азбуку знаю* (из повести); *Сейчас мы обрисуем прутиком твои штучки-мучки! Сейчас мы тебя выведем на чистую воду, бродяга, мы тебя вычислим...* (из фантастического детектива); так же употребляется и нерегулярно образованный, но более частотный вариант *штучки-дрючки*.

Несомненно, самой распространенной *им*-редупликацией является форма *танцы-шманцы*, иногда также *танцы-шманцы-обниманцы*, *-обжшманцы*, окказионально также *-зажшманцы*, *-обжшманцы*, *-выпиванцы*, ... и романсы (*Вот тогда-то и начнутся // Танцы, шманцы и романсы* - Мария Коновалова, Вера Гаврилко, “Профориентация”). Слово *танцы-шманцы* часто означает не танцы как таковые, а всё, связанное с танцами, указывает на ситуацию вечеринки, распития спиртных напитков, объятий и т.д., часто встречается в контексте типа *всякие, и проч., и т.п.* и в сочетании с “парными словами”. Ср. примеры, найденные в Интернете: *разновсяческих танцев-шманцев; обожаю всяческие танцы-шманцы и всякую музыку; люблю всякие диски, веселья, танцы-шманцы и все такое; с шутками-прибаутками, танцами-шманцами и проч.; танцы-шманцы, пиво-водка, инет и еще целая куча всякой рazzzной бодяги; вечеринка, танцы-шманцы, вино-водка, огурцы-селедка; а он за ней так ухлестывает - подарочки-цветочки, любовь-морковь, танцы-шманцы, целовашки-обнимашки*. Компонент ‘Говорящий относится несерьезно’ содержится также в словах *музыка, разная бодяга, любовь-морковь, целовашки-обнимашки*. Ср. Также “игровую” форму *культорно* (sic! опечатка вм. *культурно*?): *Танцы, шманцы, выпить-закусить и т.д. Культорно, в общем*. Собственно отрицательно оценки в самой форме *танцы-шманцы* нет, однако эта форма хорошо сочетается с контекстами, где такая оценка вырезана: *По ОРТ тоже не было ничего путного - танцы-шманцы, девочки-мальчики, ни голоса, ни повадки*. Пейоративный компонент значения более очевиден в таком контексте: *Вроде рэп – но к тусне децлов-шмецлов отношения не имеет* (из “Московского комсомольца”).

Неудивительно, что формы с *м*-редупликацией нередко так или иначе связаны с Востоком. В частности, первая собственная русская редуплицированная форма, известная нам из литературы - приводимая в статье [Джафар 1900] морфонологически нетривиальная редупликация *татарин-мамарин*.

У редуцированной формы *павлин-мавлин* в русском разговорном языке есть свой совершенно конкретный источник – мультфильм “Павлин” из серии “Приключения Мюнхаузена”. Там редупликация очень точно используется для придания речи джина восточного колорита: “Какой такой *павлин-мавлин*? Не видишь, мы кушаем?”. Можно уверенно сказать, что это цитата стала крылатым выражением, достойным небольшого исследования. В Интернете несложно встретить достаточно точное цитирование (Э-э-э, дорогой! Какой такой *павлин-мавлин*? Не видишь - мы кушаем...; Какой такой *павлин мавлин* ты что не видишь я кушаю; какой еще *павлин-мавлин* - не видишь, мы кушаем; Какой такой *павлин-мавлин*, не видишь - мы кушаем?), а также более сжатые намеки на этот текст (Какой *павлин-мавлин*?!; Подожди-подожди, какой-такой *павлин-мавлин*?). Ясно, что на самом деле человеку, который цитирует мультфильм, нужно выразить удивление не по поводу неуместного, по его мнению, вопроса про павлина, а по поводу неуместного вопроса про что-то совсем другое. Возможен регулярный способ присоединить к крылатой фразе необходимый смысл – с помощью уточнений (в смысле, т.е.): какой-такой *павлин-мавлин* ? (бэк офис в смысле); про какой такой *павлин-мавлин*, т.е., пardon, П/Я; Кааааааакой такой *павлин - мавлин*." т.е. какой такой отдел кадров - разогнали их давно, кто был тех уволили - сокращение штатов; с помощью дублирования вопросительной структуры: Какой такой *павлин-мавлин*, какие такие "информоны". Однако особенно любопытным является простая постановка требуемой по смыслу именной группы непосредственно после *павлин-мавлин*: Какой такой *павлин-мавлин* счет?; Какой-такой *павлин-мавлин* "вторая мессага"?; какой еще такой *павлин-мавлин-администрация*?; А если рассмотреть это с АК> точки зрения атеиста (какой-такой *павлин-мавлин*, душа всякая). Здесь *павлин-мавлин* воспринимается, пожалуй, как своего рода вводное слово, междометие.

Существенно отметить, что форма *павлин-мавлин* встречается не только в разнообразных цитатах и цитонах из указанного мультфильма. Приведем такие контексты: Опахала какие предпочитаете: *павлин-мавлин* или из лебяжьего пуха?; Вот *павлин-мавлин* хвостом трясет....; Я типа такой весь из себя особенный *Павлин-Мавлин*, и занимается, как Нарцисс, самолюбованием; Кончик носа прижат к губам, глазки маленькие, насмешливые, тужится, строит из себя *павлина-мавлина*, а выходит просто курица; Соболь обнюхал пустую миску, помахал хвостом, как *павлин - мавлин* перьями, и обратно полез; И чем черт не шутит - может, и там приживутся "*павлины-мавлины*" и другие экзотические животные?; А из-за жопы у нее павлин выглядывает. *Павлин-мавлин!*

Довольно вероятно, что закрепление формы *павлин-мавлин* произошло именно благодаря крылатой фразе из мультфильма, так же как популярность формы *культур-мультиур* во многом обязана соответствующему анекдоту, который мы приведем ниже (хотя в обоих случаях, особенно во втором, тексты не могли бы возникнуть, если бы русскоязычным массам такие формы были бы непонятны). В основных вариантах культового анекдота министру культуры некоей южной республики (в других вариантах - среднеазиатской, иногда речь идет о Азербайджане) задают вопрос (обычно русские журналисты): - Скажите, почему у вас так (странно) говорят (варианты: *рифмуют слова/ любят делать к словам добавления*) - *конфет-манфет, нефть-мефть, фрукты-мрукты?* Тот отвечает: - Культур-мультиур не хватает (Уровень культур-мультиур пока низкий). В некоторых вариантах этот вопрос задают просто “лицу кавказской национальности” или в радиопередаче про русский язык “доктору филологических наук, профессору Муллоканову”.

Тут важно отметить, что редупликация принадлежит к тем языковым явлениям, которые рефлексированы носителями, учитываются в т.н. “стихийной лингвистике”, *folk linguistics* (см. об этом понятии [Булыгина, Шмелев 2000]). Несомненно, это коррелирует с тем, что рассматриваемая редупликация является в некотором роде вторичным, игровым языковым средством, которое используется скорее для экспрессии, чем для номинации (закономерно его рассмотрение в книге, посвященной языковой игре - [Санников 2002]). Ср. также метаязыковой анекдот, где редупликации подвергается союз (что маловероятно в естественной ситуации): *На рынке: все кричат картошка, картошка, а один: -Картошка-мартюшка, картошка-мартюшка. У него спрашивают: - Почему у всех картошка, а у вас картошка-мартюшка? Тот отвечает: -ПОТОМУЧТО - МАМАМУЧТО!*

Формы *м*-редупликации, во-первых, ассоциируются с Востоком, во-вторых, комичны. Сочетание этих двух факторов обеспечивает устойчивое существование форм *м*-редупликации в анекдотах о грузинах (*Малчик, малчик, хочэш конфэт-манфет?*; *Ты лючий, дорогой еда, осетрин-масетрин заказал?*) и схожих юмористических жанрах, ср. шуточную “грузинскую басню” (*картошка-мартюшка сажал; наряду со шм-редупликацией Мурава-шмурава*). Для иллюстрации сниженного и игрового употребления *м*-редупликации в русском языке показателен такой пример: в Петербурге около Сенной пл. существовал кабаk, на рекламном щите которого было написано: *шашлык-машлык, зелень-мелень, коньяк-маньяк, судак - ...* Как уже отмечалось выше, одним из возможных источников редупликации в общенародном языке были в конце XIX в. “армянские анекдоты”.

Уже на приведенных выше примерах видна общая тенденция, отчетливо влияющая на лексикализацию *м*-редупликации в русском языке: это в основном названия разных (прежде всего восточных) продуктов и блюд. Ср. расхожие примеры: *хавчик-мавчик* [Елистратов 2000: 665-666], *колбаса-молбаса* ‘то да сё’ - с другим значением, но всё-таки от названия продукта (Елистратов), *харчи-марчи* [Аникин 2000: 613], *кишки-мишки* [Молошная 1975: 44], *шпроты-моты*, *фрукты-мукты*, *лосось-масось* [Земская и др. 1983: 193], диал. пск. *бурда́-мурда́* ‘о постном водянистом супе’ [ПОС 2:216], укр. *хви́ги-ми́ги* ‘всякая бакалея (не обязательно включающая фиги)’ [Джафар 1900]. Определенная тенденция к употреблению с названиями продуктов наблюдается и у *шм*-редупликации: *сахер-шмахер*, *тортики-шмортики* (*При такой жарке скиснут твои тортики-шмортики* - Д. Гранин, “Иду на грозу”), *перец-шмерец*, *пряники-шманики* [Земская и др. 1983: 193].

Можно предложить два разных объяснения для данной тенденции – структурное и социолингвистическое. Структурное объяснение состояло бы в том, что сама эта редупликация по своим внутренним семантическим свойствам особенно устойчиво сочетается с названиями продуктов. Просмотр примеров в грамматиках тех восточных языков, где использование этой редупликации очень продуктивно, вроде бы не подтверждает эту гипотезу. Впрочем, любопытно, что в малайском, где есть всего два примера эхо-редупликации, эти примеры - именно обозначения продуктов: *lauq-pauq* ‘различные приправы’ (*lauq* ‘приправа’), *sayur-mayur* ‘овощи’ (*sayur* ‘овощ’); о реальной уникальности этих двух примеров, приводимых в [Сирк 1980], [Оглоблин 1996], устно сообщил нам Д. Гил).

Социолингвистическое объяснение связано с происхождением *м*-редупликации. Дело в том, что с “южанами” связаны определенные социальные стереотипы, которые всегда были устойчивы (но в последнее время стали особенно агрессивны). В соответствии с этими стереотипами, человек с Востока может ассоциироваться с шашлыком, зеленью, коньяком, или же с картошкой - иными словами, или с рестораном, или с рынком: *хозяин торговал на рынке “шашлык-машлык”* (из Интернета); *зелень-мелень всем кушать хочется, да и шашлык-машлык тоже штука хорошая* (из “Московского комсомольца”, этой фразой журналист характеризует род занятий некоего армянина в Талдоме). Вот фрагмент скандальной националистической статьи в “Московском комсомольце”: *...Просто в последние годы их стало слишком много. Кажется, еще два-три года столь активного, тропического размножения - и они поглотят Москву полностью, окончательно установят здесь свои правила, и*

москвичи начнут курлыкать “по-ихнему”, ходить в “белый рубашка, белый брюки” и кушать “зелень-мелень”.

Именно применительно к разным блюдам употребляют данную редупликацию люди с Востока в художественных текстах. Например, Али-Овсад, герой повести Е. Войскунского и И. Лукодянова “Черный столб”, говорит: *Мы с Браммуляном в воскресенье будем джыз-быз делать. Мне повар обещал **кишки-мишки** от барана.* Вот фрагмент из повести Аркадия Арканова “Рукописи не возвращаются”: *Раисод Мургабович вынимает одну из паркеровских авторучек и склоняется над меню. — Нету, — вычеркивает он, — нету... нету... нету... Слушай, **колбаса-молбаса** зачем выписал?.. Отравить австралийца хочешь... Примеры из других текстов, найденных в Интернете: *Бозбаш или артала, чанах, хос-кябаб, хинкали, сыр гуда, **зелень-мелень и все остальное**, что полагается... - составлял меню Митуша; Игир-ака, давай рафтем на сватба... **Плов-млов, план-млан, денги-пенги**...* (тюркская *n*-редупликация)*

Редуплицированные формы могут быть употреблены не при любом указании на еду, а прежде всего при изображении вечеринки, гулянки: *Предлагаю как-нибудь встретится и организовать **шашлык-машлык, пиво-миво, тусон-мусон, гулянку-пьянку**, и если получится, **Читик митик**}}}} Шутка; Динамистки они, вот что. Приглашаешь ее в ресторан, все тебе есть, **шампанское-мампанское, музыка-хуюзыка**, сам понимаешь, а она мне говорит свое “спасибо” и динамит меня; *Всё было замечательно - чудно - и пирожное - мороженое, и **конфет - манфет. Культур - мультур - великая сила; Зелень-мелень, спирт “Рояль” разбавлен правильно./ Осы с мухами кружатся над столом./*** (Тимур Кибиров, “Парафразис”); реже – при изображении домашнего уюта: *Дык иди домой, там тепло, **кофе-мофе**, фильмы может интересные кажут :)))*.*

И прагматика, и семантика редуплицированных форм таковы, что через обозначение конкретных блюд и напитков метонимически обозначают целую ситуацию. Как уже отмечалось выше, в тексте нередко встречается несколько редуплицированных форм подряд (например: *Кто-то ведь должен там **салаты-малаты, шашлык-машлык** делать, пока мужики развлекаются!; **Шашлык-машлык, котлеты-матлеты**...; **Шашлык машлык из осетрин масетрин** заказал...).* Неудивительно, что нередко редупликация (одним из семантических компонентов которой, как известно, является указание на ‘тому подобное’) сочетается с лексическими средствами с той же семантикой: *шашлык/машлык, коньяк/маньяк и все такое прочее...; сгоняли за водярой, **шашлык-машлык и все такое**; А дальше - **шашлык-машлык и т.п.**; Я люблю **шашлык-машлык всякий**, картошка-мартошка,*

петрушка-редиска и прочих помидор; Пример первого - гамбургеры, пончики, *всякие колбасы-молбасы и прочие сосиски*; Потом началась унылая проза. Грядки какие-то, клубника, морковка, *картошка-мартошка*, *гадость*, одним словом; Так что Юнихорны в принципе скептически относятся ко *всяким павлинам-мавлинам, шашлыкам-машлыкам и шампанским-мампанским*; Желающих совершить сей подвиг вместе со мной прошу *шашлыка-машлыка и прочих вкусностей*; От аэропорта до центра Самарканда на такси меньше \$1, *шашлык - машлык и прочее* - на пару \$ не съешь - лопнешь.

Существует набор особенно частотных редуцированных форм, нередко они сочетаются друг с другом. Прежде всего это *шашлык-машлык*, *зелень-мелень*, *лобио-мобио*: - *Ай, дэвушка, пойдём ресторан кюшать - шашлык-машлык, лобио-мобио, зелень-мелень, а? Такой красивый - нэ должен бить с папа-мама!*; *Будешь кйуцать лобио-мобио, шашлык-машлык и зелень-мелень!*; официантка быстро принялась метать на стол лагман (очень острый и вкусный суп), *зелень-мелень, шашлык-машлык*, кучу всяких закусок и, *разумеется, водку ...*; Грибочки соленые, *лобио-мобио, шашлык-машлык*, водочка-понимаю-с, далее что там еще в меню, и все это желательно в каком-нибудь ЦДЛ (из Интернета); *Лобио-мобио и зелень-мелень*, само собой. (С. Гандлевский, “Трепанация черепа”).

Для редупликации *шашлык-машлык* характерна многозначность ‘блюдо или напиток’ (*Во скока завтричко шашлык-машлык кушать?*) ~ ‘мероприятие, связанное с ним’ (*как ты на шашлык-машлык собирался*). Такая многозначность относительно регулярна - ср. *приехать на блины, заглянуть на пироги, позвать на чай (на чашку чая)*; однако не любое блюдо или напиток может метонимически обозначать целую ситуацию: *?позвать на салат/ вино/ водку*. Таким образом, данную многозначность нельзя назвать регулярной (см. о понятии регулярной многозначности [Апресян 1974: 190-192]). Отметим, что “потребление” не вещественных объектов также участвует в этой модели: *Если у Вас будет возможность приехать в Москву на 14-ю симфонию, я буду ужасно этому рад* (Д. Шостакович, цитируется по [Золотова 1998: 194]).

Форма *шашлык-машлык* устойчиво ассоциируется с ситуацией “природа, загород, пикник, пленэр”: *Баня, шашлык-машлык, спиртное, природа на даче..; Шашлык, машлык или банкир и природа! Грят тепло будет Тогда можно на природу будет рвануть... шашлык-машлык; Можно и загород выехать. Кстати, московские хондоводы ездили на пикник не так давно — шашлык-машлык; вышли на пленэр с целью вкусить шашлыка машлыка*. Более того, *шашлык-машлык* часто встречается в перечислениях, которые заканчиваются чем-то вроде *и всё такое, и т.п., и так далее*:

поездки загород шашлык машлык и все такое; В лес ходим, шашлык, машлык, вино, кино, пиво и все такое; А еще ходить в лес на природу, шашлык машлык и все такое; Потом состоится высадка десанта в *secret location* на природу - шашлык-машлык, купанье, и все такое; Люблю отдых за городом (шашлык-машлык, купание в Подмосковных лужах и т.п.); и на дачу, шашлык-машлык, свежий воздух и так далее; а там Ленгоры лес шашлык машлык и прочие маленькие радости. Характерно также употребление в контексте таких парных слов, как купалка-рыбалка, грибы-ягоды: В субботу едем на пикник (шашлык-машлык, купалка-рыбалка, квн-"что, где, когда"); Там - купание с лошадьми, грибы-ягоды, шашлык-машлык, ночевка. Показательна редупликация самого слова *пикник*: *И всё-то у них дурь в голове! Пикники да микники! Нет, чтобы о старухином здоровье толком порасспросить* (Тэффи, юмористический рассказ “Причины и следствия”).

2.5. Редупликация в диалогических контекстах

Значение редупликации в диалогических контекстах отличается от обычного. Рассмотрим анекдот, который осенью 1999 г. обошел десятки сайтов: *Звонит Ельцин Селезнёву: - Геннадий Николаевич, я решил предложить кандидатуру Путина. - Да брось ты, Боря, вилять! Путин-Мутин! Предлагай сразу Дьяченко!* В данном случае для толкования ответной реплики существенно не только обычная для редупликации семантика “чего-то подобного” (“Путина предлагаешь, или еще кого-нибудь вроде Путина”), но и “передразнивание”. Повторяя фрагмент реплики собеседника, говорящий хочет подчеркнуть абсурдность этого фрагмента. Это довольно ясно проявляется в анекдоте, который рассказывается в пьесе Тома Стоппарда “Розенкранц и Гильденстерн мертвы” (действие второе):

Два ранних христианина случайно встретились на небесах. “Неужто я вижу Савла из Тарса? – воскликнул один. – Ты-то что тут делаешь?” – “Тарса-Шмарса, - буркнул другой. – Ты видишь уже Павла”.

Мы приводим русский перевод текста анекдота; английский оригинал показателен для американского употребления редупликации. В речи нью-йоркских евреев и в американском английском *schm*-редупликация существует лишь в синтаксически связанном контексте, а именно в восклицаниях типа идиш *libe-shmibe!* пренебр. ‘любовь – что за любовь?’, англ. *mink, shmink* ‘who cares about mink [норка] or any such expensive furs?’, в песне Тома Лерера “*Nazi-schmazi*” said Verner von Braun ([Kuraszkiewicz 1969], [Вайнрайх 1979: 66], [Lewis 1967: 237], [Рабинович 2000: 81]).

В русском языке в таких ответных репликах (и только в них) редуцироваться могут, видимо, словоформы любой части речи, в частности, глаголы. Такой пример содержится у братьев Стругацких (“Тройка на склоне”):

- У осьминога восемь ног, - мягко сказал Фарфуркис. - Он, собственно, осьминог, но "в" у него редуцировалось.

- Да бросьте вы, - сказал Хлебовводов. - Что ты, понимаешь, мне вкручиваете? Редуцировалось, медуцировалось... Не знаете - так и скажите!

Подобным образом употребляется и хуж-редупликация.

Владислав Курашкевич сообщает, что в маргинальных польских городских диалектах (например, в люблинском) обычно редуцируются имена, но могут и местоимения (*czy to czy szmo*), а в диалоге также и глаголы: (1) *Gdzie jedziesz? - W pole orać.* - *E, co tam orać-szmorac, trzeba przódy gnój rozrucić. Na oranie-szmoranie jeszcze czas.* (2) *Janek ciągle młóci.* - *Aha, młóci-szmuci, takie to młócenie-szmucenie, tylko śpi w stodole po całych dniach* [Kuraszkiewicz 1969: 22].

Отмечено подобное связанное употребление и у вьетнамской неточной редупликации: *Mày pha□i gọi tôi bằng cô.* - *Cô là* ‘Ты должен звать меня тетей. – Тоже мне тетя!’; *Tôi là cậu cu□a anh.* - *Cậu làu.* ‘- Я твой дядя. - Тоже мне дядя!’ [Глебова, Ситникова 1980: 69].

Еще в статье Е. Моравчик отмечалось, что редупликация в диалоге часто выражает сомнение или осуждение. Там приводился пример возможного венгерского диалога:

Holnap megcsinalom ‘Завтра я это сделаю’

Holnap, holnap... mindig azt modod! ‘Завтра, завтра – ты всегда так говоришь!’ [Moravczik 1978: 324]

Повтор сказанного собеседником не передает никакой новой информации, то есть с виду нарушает первый постулат общения Грайса [Грайс 1985], а именно, постулат информативности (“сообщай что-то новое”). Даже однократный повтор какого-то слова из реплики собеседника всегда имеет какое-то оценочное значение, в частности, часто выражает сомнение или недоумение; но двукратный повтор по каким-то причинам приспособлен именно для такой негативной оценки. Видимо, двойной диалогический повтор всегда интерпретируется как цитирование, т.е. отчуждение, неприятие сказанного (ср. ответы диалогические реплики вроде “ты так считаешь?” “ты думаешь, что”, которые в скрытой форме являются полемическими).

С другой стороны, диалогические повторы напоминают такую форму языковой игры, как издевательские ответы в рифму (в которых, как и в рифмованных прозвищах, рифмующиеся слова вызывающе бессмысленны): *В Караганде!* или *У тебя на бороде!* или *В пизде!* (в ответ на вопрос, содержащий *где?*), *Баранки гну!* (на вопрос *Ну?*), *Конь (хуй) в пальто!* (на вопрос, содержащий *кто?*) [Рабинович 2000: 81]. Как сообщает О. Есперсен, в датском и французском сленге существует прием, состоящий в прибавлении к предложению одного или нескольких бессмысленных слов в рифму (*Tu parles, Charles!*; *Comme de juste, Auguste!*) или бессмысленных ответов в рифму (- *Je n'en ai pas trouvé. - Poil au nez!* досл. 'Я там не нашел. - Шерсть на носу!'), [Jespersen 1946: 162-163], чешские примеры в [Utešeny 1981: 751].

2.6. Социолингвистическая характеристика

Напоследок нужно уточнить два вопроса. Во-первых, каким субкодам русского языка принадлежит описанная редупликация? Во-вторых, насколько необычной является описанная лексикализация морфологического средства?

Редупликация является частью некодифицированного разговорного варианта русского языка. Она активно используется в разговорной речи в непринужденной обстановке (в том числе и теми, кто составляет социальную базу стандартного языка – например, профессорами-литературоведами) а также в тех письменных текстах, которые отражают некодифицированную разговорную речь (газета “Московский комсомолец”, конференции и чаты в Интернете). Отдельные примеры такой редупликации попадаются в диалектных словарях: новос. *шурá-мурá* ‘ненужные вещи, хлам’ [СРГНО: 600], пск. *бурдá-мурдá* ‘о постном водянистом супе’ [ПОС 2:216], *гольшмоль* [ПОС 7:74], *птица-мница* (*Барсуки дыню ели, то зверю едят мелкую, птицу-мницу*, казаки-некрасовцы [СРНГ 33:101]).

Обычно говорится о двух “внешних” источниках, за счет которых развивается современный разговорный язык (сниженные варианты которого называют также интержаргоном, общим сленгом, просторечием-2): аргосл. преступного мира и английский язык. Как нам кажется, актуальность *m*-редупликации во многом поддерживается контактами с “восточными” этнолектами.

Известно, что в зависимости от темы и обстановки человек может сильно варьировать языковые коды. Например, он может использовать разные варианты окончаний; т.к. многие лексемы закреплены за определенными темами, получается, что

у разных лексем складывается разная парадигма. Ср. пример из речи детей штата Новая Англия: причастные суффиксы имеют вид [-ing] у “официальных” слов, которые они знают прежде всего из разговоров с родителями (*visiting, correcting, reading*) и [-in] у слов “неофициальных”, которые активно используются в общении сверстников (*swimin, chewin, hittin*) – см. [Эрвин-Трипп 1975: 348]. Другой интересный пример такого рода рассматривается в статье О.А. Абраменко: у “официальных” слов (таких, как *школа, война*) парадигма окончаний литературная, а у бытовых слов – своя, диалектная.

Более известны примеры другого рода – лексические заимствования из одного субкода в другой легко могут быть объяснены тем, что данная лексема ассоциируется с соответствующей темой (например, церковная лексика и другие профессионализмы в общенародном языке). Если наши наблюдения верны, мы имеем промежуточный пример лексикализации: морфологическое средство закрепляется за словами определенной тематической группы (блюда и напитки, которые ассоциируются с Востоком и/или с досугом); однако т.к. это средство словообразовательное, результат очень похож на лексическое заимствование.

По известной классификации У. Лабова, неточная редупликация в русском языке можно назвать маркером: *маркер* это языковой элемент, показывающий как стилистическую, так и социальную стратификацию. С другой стороны, социолингвистические характеристики неточной редупликации рефлексированы носителями русского языка (в частности в шутках, анекдотах), так что налицо черты, характерные для *стереотипа* [Лабов 1975: 167].

3. Непродуктивная редупликация с недеривационной семантикой

Понятие деривационной и недеривационной семантики вводится выше, в главе I, 1.1. Значение слов, построенных по модели с деривационной семантикой, можно разложить на сочетание семантического аргумента с семантическим предикатом, например, ‘быстро X’. Понятие недеривационной семантики можно определить только отрицательно - слова, построенные по такой модели, имеют общий семантический компонент, однако этот компонент не модифицирует смысл какой-то переменной, а находится в вершине толкования (например, слова могут иметь семантику ‘быстро’). Естественно, деривационная семантика более характерна для продуктивных моделей мотивированной редупликации, однако оппозиция деривационной ~ недеривационной семантики не соответствует в точности оппозиции мотивированной ~ немотивированной редупликации. Слова, принадлежащие недеривационной модели,

могут быть иметь мотивирующую основу, а также представлять собой сложения, т.е. иметь две мотивирующих основы. При этом мотивирующие основы либо вообще никак семантически не соотносятся с целым сочетанием, либо значат примерно то же самое, что и целое. Первый случай характерен для идиоматических сложений вроде *на ковыль-костыль* ‘кое-как’; второй случай можно проиллюстрировать такими примерами, как рус. диал. *толды-елды* ‘болтовня’ (семантика которого приблизительно совпадает с семантикой мотивирующего рус. диал. *талдóнить* ‘говорить бестолково, зря’) или рус. разг. *ты́рли-мы́рли* ‘ерунда, чушь, что-л. пустое, никчемное’ (которое по смыслу близко к словам, которые, возможно, являются мотивирующими для этого сочетания, а именно рус. диал. *мы́ркать* ‘молоть пустяки, нести вздор, нелепицу’ и *ты́рта* ‘пустобай’).

Определяющей в подборе материала в данной главе является семантика. Наличие у ряда явно редуцированных слов общей семантики позволяет включать в рассмотрение, при наличии той же семантики, сложения и слова, отнесение которых к редупликации сомнительно по формальным или этимологическим причинам. В работе [Thun 1963] в спорных с формальной точки зрения случаях тоже используется семантический критерий. В частности, Тан следующим образом проводит границу между “редупликативными сочетаниями” (которые он рассматривает) и другими сочинительными конструкциями, содержащими рифму или аллитерацию (которые он не рассматривает): сочетание рассматривается, если является вариантом редупликации (*hob-nob* ~ *hob and nob*, *chock-a-block* ~ *chock and block*) или очень похоже на такие слова либо по смыслу целого, либо по соотношению смыслов двух элементов [Thun 1963: 27].

В нашем материале спорные с формальной точки зрения случаи – это слова с одинарным ударением (*калы́балы* / *калыбалы́*, *шара́бара*, *тараба́ра*, *шала́бола*, *шурú* *бара*, *харабо́ры*, *калабалы́к*). Повтор ударения необходим для существования рифмы, конституирующей особенности целого класса рифмованных сочетаний, в который входит основная часть редупликации; таким образом, отсутствие просодического параллелизма – факт довольно ощутимый с формальной точки зрения. Впрочем, в некоторых случаях, таких как *принджи-брынджи* и *ку́ли-мули*, мы приводим слова с одинарным ударением, т.к. именно так они даны в источнике (СРНГ), однако есть все основания предполагать, что это особенность источника (где акцентуются только вокабулы), не отражающая языковую реальность. Фиксация одинарного ударения на

второй части рифмованного сочетания (*шурьмұры*) отражает тот факт, что главное ударение - второе (а первое - побочное).

Следует отметить, что все явно отклоняющиеся слова – существительные, а большинство регулярных – наречия или междометия. Разное поведение существительных и наречий известно и из исследований английской редупликации: подчас у одного и того же слова в субстантивной функции начальное ударение, а в наречной – двойное, например *tip-top, pamby-pamby* [Minkova: 6, Thun 1963: 206]. Вообще, согласно данным Тана, у более значимых частей речи чаще встречается одинарное ударение, у менее значимых (например, у междометий) - чаще двойное. Таким образом, одинарное ударение является системным явлением в редупликативных словах и наличие у слов одинарного ударения само по себе не является основанием для того, чтобы не рассматривать такие слова.

Кроме того, для двух слов из имеющих одинарное ударение (*харабóры* и *калабалы́к*) известна этимология, и она явно противоречит их трактовке как редупликации. Слово *калабалы́к* ‘беспорядок’ происходит от тюрк. *kalabalyk* ‘толпа, смятение’, деривата от *kalaba* ‘множество’ с суф. *-lyk* [Фасмер 2:163]. Рус. диал. *харабóры* / *харабóрья* ‘оборванные края одежды’ является испорченным словом *фалбалá* ‘оборка’ (ср. терск. *харбарá* ‘кружевная оборка’), [Фасмер 4: 183]. Тем не менее, на наш взгляд, эти слова вовлекаются в редупликативную модель, и их рассмотрение в этом контексте вполне законно.

Следует отметить, что ниже мы рассматриваем русский и даже восточнославянский диалектный материал почти как одну систему, хотя ясно осознаем, что в конкретных идиомах представлены не многочисленные редупликаты со сходной семантикой, а лишь небольшие фрагменты обнаруженной картины.

Короткие повторы, где повторяется слог (сочетание согласной и гласной) или только согласная фонема, образуют достаточно самостоятельную замкнутую группу, отчего мы их рассматриваем отдельно, в конце раздела.

3.1. Точная и неточная редупликация

Практически во всех семантических группах, которые мы рассматриваем ниже, обнаруживается только неточная редупликация. Единственная группа, тяготеющая к

точной редупликации - звукоподражания. В английском языке звукоподражания тоже обычно выражаются точной редупликацией, причем верное и обратное - среди слов с точной редупликацией особенно много звукоподражаний (например, *click-click, boom-boom, honk-honk, sing-sing, haw-haw*) [Thun 1963: 211]. Примером языка, который использует в качестве ономастических предикативов и точную, и неточную немотивированную редупликацию вида CVC-CVC (повторы с открытыми слогами - только точные), является бенгальский. Некоторые смыслы при этом выражаются точной редупликацией ('шептать', 'плакать', 'блестеть', 'стучать', 'мигать', 'трепетать', 'болеть (о голове)'), некоторые - неточной ('волноваться', 'биться (о сердце)', 'пристально глядеть', 'вспыхивать', 'клокотать'). В некоторых случаях наблюдается синонимия точной и неточной немотивированной редупликации (*jhak-mak = jhak-jhak* 'блеск', *jhik-mik = jhik-jhik* 'блеск', 'сверкание', *tal-mal = tal-tal* 'дрожание, колебание').

В русских диалектах можно найти много примеров точной редупликации в т.н. "глагольных междометиях", например *дёрк-дёрк, брык-брык, долбь-долбь, дрыг-дрыг, шах-шах, чик-чик*. В частности, существует форма *пык-пык* (смол. *Пык-пык и говорить ему нечего; Я спрашивать, а ен пык-пык и покраснел*), происходящая от глагола *пыкать*. Далее, в том же значении существует неточная редупликация:

Пик-мик зап.-брян. / **пык-мык** смол., брян. - *А ен на колхозном собрании пик-мик, да и сказать ему нечего*, [СРНГ 18: 157-158]; *А мы пык-мык, да и сказать ничего не умеем*, [СРНГ 33:189].

Можно предложить два объяснения этой формы: диссимиляция из точной редупликации и сложение двух глагольных междометий, ср. сочетание двух соответствующих глаголов: *Хватте табе пыкать да мыкать* (брян.).

Впрочем, в некоторых случаях неточность редупликации является, видимо, конституирующим, а не вторичным признаком для глагольного междометия. Рассмотрим белорусскую потешку: *Трах-бах-тарабах, едзе баба на валах. А волкі туну-туну, баба с воза цуну-луну* [Барташэвіч 1972, №411]. Здесь точная редупликация *цуну-цуну* или *луну-луну* невозможна, т.к. точная редупликация выражает длящееся и равномерное действие, а не быстрое и нерегулярное.

3.2. Редупликация, обозначающая звуки

Один из наиболее ясных примеров звукоподражания - подражания звукам животных, скажем подражание звуку, издаваемому свиньей: рус. *хрю-хрю* ~ хорв. *rok-rok* ~ поль. *chrum-chrum*. Известной особенностью таких звукоподражаний является условность (символизм в терминологии Пирса) в соотношении означающего и

означаемого: в разных языках предприняты разные попытки отобразить некоторое множество непохожих на человеческую речь звуков. Однако нас интересует другая особенность таких звукоподражаний - нейтральной формой является редулицированная, все оставленные (одиночное *хрю* для изображения одиночного звука, многократная итерация) возможны, но более маркированы.

Иначе обстоит дело со звуками, которые используются для подзывания животных. По крайней мере в русском языке их естественная форма – трипликация или пятикратная итерация (что-то вроде *кс-кс-кс* или *кс-кс-кс-кс-кс*). В диалектологических словарях и атласах, правда, часто используют редулицированную форму (например, *кис-кис*) – судя по примерам в тех же словарях, двойной повтор в данном случае является лишь условностью.

Звукоподражания чаще всего выражаются точной редупликацией. Вот несколько выборочных примеров: *ва-ва-ва* (про детский плач, [Кривіцкі, Цыхун, Яшкін 1:102]); *гы-гы* (подражание лягушкам, [ПОС 8:101]); *гыр-гыр* (подражание звукам, которые издают гуси, [ПОС 8: 101]); *дыр-дыр-дыр* (подражание резкому, быстрому, неприятному на слух разговору, [Расторгуев 1973:96]); *квык, квывк* (звуки пчелиной матки, [ПОС 2:181]); *тюр-тюр-тюр* (журавль, [Шаталава 1975: 164]). Примеры неточной редупликации среди звукоподражательных слов единичны:

Динь-дон – звукоподр., ср. *дзинь*; скорей всего, заимствование, ср. англ. *ding-dong*.

Курлы́-мурлы́ - ветл. костром. о мурлыканьи кошки; дразнилка [СРНГ 16:132]. Ср. также Доселева Курлинской-Мурлинской [видимо, имеется в виду журавль] *под Небесинском летал, а в нынешни годы оказался в городе Печинском, во селе Горшинском* [Афанасьев 1957, № 393].

Пиф-паф – подражание звуку выстрела (см. этимологию в [Орел 1977]).

Тик-так – подражание звуку часов, ср. *тикать*.

Трень-брень (звукоподражание звону двери: ... *дверь парадная, со стеклом и надписью, распаивается, сабель – трень-брень...*, [Иванов 1982: 240]).

Ту-тууу - звук поезда.

Хиханьки да хахоньки и под. – рус. разг., ср. *хихикать*.

Важно отметить украинский текст со звукоподражательными редупликациями:

-*Як гусяють, дочечко?*

- *Шиди-риди, мамочко.*

- *Як іграють, донечко?*

- *Гупа-цупа, мамочко* [Довженок 1986: 216]

В некоторых случаях редупликативные формы у слов, обозначающих речь или другие звуки, могут быть достаточно архаичными, см. о слав. **tortoriti*, **golgoliti* в [Иванов 1981: 44], ср. также **goNgnati*, **kolkolъ*, в других случаях это скорее инновации, как в **gaga*, **gogotati*, **kokotati*, **gugati*. Об удвоении писал А. Мейе в работе “Общеславянский язык”, что за исключением небольшого количества слов типа **polpolъ*, **golgolъ*, **kolkolъ*, “от удвоения в славянских именах имеются лишь изолированные и неясные следы” [Мейе 2000:300]. Полная редупликация **polpolъ* (чеш. *pla:pol* ‘движение сильного пламени’, ц.-слав. *плаполати* ‘пылать’) – интенсивный полный повтор того же корня, что и представленного в “перфектном” неполном повторе **popelъ*. Славянское название белки представляет собой редупликацию с вариацией гласной редупликанта (**vEverica* / *veverica* / *viverica*) и восходит к индоевропейскому названию белки, со старой редупликацией.

3.3. ‘Болтовня, ерунда’

Эта группа значений - самая характерная для оноματοпоэтической редупликации, что объясняется ее семантической близостью к иконическим, звукоподражательным повторам. Вот некоторые примеры из европейских языков: болг. *тинтири минтири* = *шикики микики* = *индири-миндири* ‘болтовня’ [Grannes 1978: 42], англ. *claptrap* ‘чепуха’, *fiddle-faddle* ‘болтовня’, швед. *sliddersladder* ‘бессмыслица’.

Восточнославянский материал:

Алени-балени/ аланцы-баланцы - ураль. ‘пустые разговоры’ (*И к чему эти аланцы-баланцы разводиться?; Ты, отец, с утра алени-балени разводилшь*, [СРНГ 33:291]).

Галы́-балы́ - укр. ‘болтать’, “междометие, употребляется и как существительное, и как глагол” (*Аби зійшлись, то як почнуть галу-балу, - кого вже тут не згадають! - Галы́-балы́, а свині в ріні*, [Гринченко I: 268]); полес. *галы́-балы́* (с регулярным диалектным развитием [u] > [y]) ‘болтовня’ (*Баба будзе галы-балы, а воны седзяць; Дзень галы-балы на прызбі, а работа не робіцца*, [Кривіцкі, Цыхун, Яшкін 1: 193]).

Калы́балы / калыбалы́ – влад., яросл. ‘вздор, сплетни, пустая болтовня’, [Даль 2:79], [СРНГ 13:5].

Кундры-мундры - ветл. костром. ‘несерьезные разговоры, пустяки’, [СРНГ 16:91].

Лясы-ба́сы - псков. 'болтовня' (*лясы-ба́сы разводитъ* 'много говорить', [Мокиенко, Никитина 2001: 51]. Ср. сложение *лясы-балясы*).

Принджи-брынджи - ураль. 'трень-брень' [такое толкование в СРНГ] (~, *а сама не подмазываю*, т.е. 'не угощаю', [СРНГ 31:311]).

Талалы́-балалы́ - рус. диал. 'разговоры' ([Фасмер 4:14]), ср. *талалы́* 'болтовня, пустословие', [Даль 4:398].

Та́ры-ба́ры (-раста́бары) – рус. разг. 'разговоры о том, о сём', *тарыба́ры* 'беседы, разговоры, рассказы' [Даль 4: 402], *тараба́ры* 'болтовня, беседа', волог. *тараба́рить* 'говорить, беседовать, болтать' [Даль 4: 400]. Попытка этимологизации сочетания *тары-бары* предпринимается, в частности, в [Варбот 1986: 37-38]. Ср. укр. *тару та балу* 'болтать', [Гринченко I: 25].

Толды-елды - дон. 'болтовня' (*Начала говорить впустую, развела толды-елды*, [СРНГ 33:292]), ср. курск. *талдо́нить* 'говорить бестолково, зря' [Даль 4: 399].

Тра́ли-ва́ли – 'что-л. длинное, затянутое' (чаще о разговоре: *Разводитъ трали-вали по телефону, Трали-вали часа на четыре*), [Елистратов 2000: 472].

Ты́рли-мы́рли – рус. разг. 'ерунда, чушь, что-л. пустое, никчемное', 'мол, дескать (при передаче чужой речи, при ссылке на чужую речь' ([Елистратов 2000: 480-481]); можно сопоставить с волог. *мы́ркать* 'молоть пустяки, нести вздор, нелепицу' [Даль 4: 372], рус. диал. *ты́рта*, вят. *тыры́куша* 'пустобай' [Даль 4: 459].

Шала́бола - 'бестолковщина, вздор' [Даль 4: 638].

Шалга́й-болга́й - оренб., сибир. 'пустая болтовня, чушь', [Даль 4: 639]; оренб. *шолты́-бо́лты́* 'вздор, пустяки, пустословие', [Даль 4: 639], [Фасмер 4:466]. Вторая часть, несомненно, из *болта́ть*; первая часть, возможно, связана с псков. *шалта́ть* 'болтать, лепетать (о детях)', [Даль 4: 638], см. [Фасмер 4:400]. Широко известно благодаря переводу старинной английской детской песенки про *Humpty-Dumpty*, выполненному С.Я. Маршаком.

Шарыба́ры - рус. диал. 'болтовня', [Даль 4: 642]. Несомненно, является вариантом более распространенного *тары-ба́ры*.

Ші́рли-мы́рли – разг. ‘ерунда, чушь’, ‘мол, дескать’ (как вводное слово) – [Елистратов 2000: 553]; название фильма В. Меньшова, 1995 г. Как и в случае с *ты́рли-мы́рли* (см. выше), напрашивается сопоставление с волог. *мы́ркать* ‘молоть пустяки, нести вздор, нелепицу’ [Даль 4: 372]; таким образом, исторически *ширли-мырли* может быть левой редупликацией.

Шуру́бара - рус. диал. ‘болтун’ [Фасмер 4: 489], укр. *шурабу́ра* ‘куралесник’ [Гринченко IV: 519].

Ту же семантику и схожую фонетическую структуру имеет одно сложение:

Лясы-балясы ‘болтовня, пустые разговоры’ [СРНГ 17: 284], яросл. *лясы-балясы* *точить* ‘болтать, шутить’ [Мельниченко 1961:107]; *лясы да балясы плести* ‘болтать пустяки’, [Герд 3: 182]. *Лясы* и *балясы* по отдельности имеют то же значение (прежде всего в качестве прямого объекта глагола *точить*). Ясно, что выражение *балясы точить* мотивировано словом *балясы* ‘точные столбики балюстрады, поддерживающие перила’. Следует также обратить внимание на сочетание *лясы-ба́сы*.

Следует обратить внимание на то, что многие из этих слов содержат во второй части последовательность [*бал/ бол*]: *алени-балени*, *галу́-балу́*, *калыбалы́*, *талалы́-балалы*, *шалáбола*, *лясы-балясы*. Это неудивительно, потому что корень *бал* в этом значении зафиксировано в укр. *ба́ли* ‘разговоры’ [Гринченко I: 24], рус. диал. *ба́лы* ‘то же’ [Даль 1: 44], кроме того, для этого корня зафиксирована точная редупликация укр. *балу́-балу́* (ср. укр. *галу́-балу*) [Гринченко I: 25]. Интересно, что в материале присутствует и другое, сходное сочетание [*бар*]: *тарыба́ры*, *шарыба́ры*, *шурубара*.

Кроме того, эту семантику приобретает старая редупликация: *колоколó* ‘болтун’ (Перм., Муллов. Калин., [СРНГ 14: 166]), *колоколóлить* ‘болтать, говорить’ [Герд 2: 402].

3.4. ‘Тряпье, хлам’

В русских диалектах, как и в других языках, обнаруживается довольно много редуплицированных слов этой семантикой, неожиданно много для семантики, для которой затруднительно найти иконическое объяснение. Вот иноязычные примеры: коми-зырянское *жуг-жаг* ‘остатки, отбросы, отходы’ (*жуг* ‘полова, мякина’ [Андуганов 1985: 48-49], ижорское *сыр-сор* ‘лохмотья, свисающие клочья’ (*сыр*

‘бахрома’), удмуртское *чыры-пыры* ‘маленькие предметы, мелочь’, коми-перм. *глот-мот* ‘рухлядь-мусор’, ижорское *хлум-хлам* ‘хлам, скарб, пожитки’ (*хлам* ‘хлам’), каракалп. *шара-бара* ‘старые вещи’, киргиз. *албыр-салбыр* ‘лохмотья’, перс. *xertopert* ‘хлам, барахло’, груз. *xaraxura* ‘тряпье’, нем. диал. (н.-нем.) *Schurrmurr* ‘хлам’, венг. *csecsebecse* ‘безделушки’, *limlom*, *cók-mók* ‘барахло’, *ringy-rongy* ‘лохмотья’ (< *rongy* ‘тряпка’), франц. *bric-à-brac* ‘старье, хлам’.

Материал русских диалектов:

Кúльки-мúльки - шадр. перм. ‘смесь, собрание мелких бытовых вещей, не представляющих ценности’ [СРНГ 16:74].

Кунды-мунды - новг., покр. влад., волог. *кúнды-мúнды* ‘тряпье, лохмотья; домашний хлам’ [СРНГ 16:91-92], [Мельниченко 1961:100], ‘вещи, пожитки; любые ненужные вещи’ [Герд 3: 58]; яросл. *кунды́-мунды́* ‘носильное имущество, белье’ [СРНГ 16:92], [Мельниченко 1961:100]; ветл. костром. *кúнды-мúнды* ‘тряпье, лохмотья’ [СРНГ 16:91].

Тараба́ра – забайк. ‘лохмотья’ [Варбот 1986: 37].

Трень-брень – рус. диал. ‘хлам’ [Фасмер 4:98].

Шу́ни-муни - яросл. ‘тряпье; рваное белье, одежда; обноски’ [Мельниченко 1961: 220].

Шара́бара - вятск., перм., оренб. ‘хлам, рухлядь’, тоболь. ‘поклажа’ [Даль 4: 640], [Фасмер 4:407].

Шура́-мура́ - диал. новос. ‘ненужные вещи, хлам’ [СРНГО: 600] (левая редупликация).

Хабúр-чибúр - донск. ‘скарб’, терск. *хабу́р-чабу́р* [Фасмер 4:215]; видимо, основано на русском диалектном тюркизме *шабу́р / чибúр* ‘домашний халат’, ‘тулуп’, ‘вид одежды’ (об этих словах см. [Аникин 2000: 682]).

Харабо́ры / харабо́рья – рус. диал. ‘оборванные края одежды’ [Даль 4:558], [Фасмер 4:223].

Хурды́-мурды́ - сиб. ‘домашний скарбишка, всячина, пожитки’, астр., оренб. ‘хлам’, терск. *хурда́-мурда́* ‘то же’ [Даль 4:569], [Фасмер 4:285] (*Под печку рогачи, а конурка – туда мы хурду-мурду кладем* (Дон. [СРНГ 14: 271]); тур., азерб. *xurda*

‘мелочь, вещь, не имеющая цены’, азерб. *xyrda* ‘мелочь, крошки, остатки’; тур. *xurt-myrt* ‘безделицы’, *xurty-purty* ‘старые платья, ветошь’ [Фасмер 4:285], [Аникин 2000:654-655]; ср. также *мурда́* ‘сор, мусор, прибываемый к берегу’ [Герд 3: 271].

Еще одно слово, *чабур-шабур*, несомненно принадлежало бы к этой группе, если действительно было бы единым словом (относительно чего есть некоторые сомнения):

Чабур-шабур/ шабур-чабур воров. ‘сбруя, упряжь’ [Попов 1912: 93, 94 // Козловский 2: 95, 96]; *чубур-шабур/ шабур-чабур* ‘id.’ [Потапов 1927 // Козловский 2: 222, 223]. Рус. диал. *шабур, чибур*, ‘вид одежды (тулуп/ армяк/ халат)’. Заимствование либо из тюркских языков (чувашского), либо из пермских (удмурстского) [Фасмер 4: 329], [Аникин 2000: 682]. Т.к. в в большинстве источников одинаково (через дефис) оформляются парные слова и варианты одного слова, остается некоторая неясность, что в данном случае записано: известные из русских диалектов колебания в произношении этого заимствования или парное слово. Скорей всего, это всё же парное слово, прежде всего потому, что ни в одном источнике по воровскому языку не обнаружена простая форма вроде *шабур* или *чабур*. Противоречат этому прежде всего второй словарь сотрудника Угрозыска С.М. Потапова, где эти слова приведены через запятую, а не дефис: *чабур, шабур; чубур, шабур; шабур, чабур* [Потапов 1927 // Козловский 3: 132, 133].

3.5. ‘Кое-как’

Как ни странно, нам не удалось обнаружить сколько-нибудь представительный корпус примеров редупликации из разных языков, имеющей семантику ‘кое-как’, разве что болг. *куцук-муцук* ‘кое-как’ [Grannes 1978: 44]. Однако в восточнославянских диалектах эта семантика хорошо представлена в недеривационной редупликации:

Галáй-балáй укр. *на галáй-балáй* ‘необдуманно, на авось, как попало’ [Гринченко I:267], укр. диал. *галáй на балáй* ‘кое-как’ [Буков 1971:80]; ср. *галай* ‘крикун’.

Колды́-балды́ - кolv. новосиб. ‘кое-как, еле-еле’ [СРНГ 14:118].

Ку́ли-мули - шадр. перм. ‘неразбериха; что-либо, плохо сделанное’ [СРНГ 16:68], ‘кое-как, как попало’ [СПГ 1:449], [СРГСУ-Д, 272]; *их жены попускали в печь хлебы так же, как лягушка, - у них и вышло кули-мули* [Афанасьев 1957, №267]. Возникает ощущение, что все приведенные выше толкования основываются на отрывке из сказки. Если это так, то толкования ‘неразбериха’ или ‘как попало’ не совсем уместны, а толкование ‘кое-как’ благодаря своей многозначности допустимо. В статье Плэна

предполагается, что это мотивированная (правая) редупликация с мотивирующей основы *кули́*, что кажется маловероятным по семантическим соображениям. Однако вторую часть этого образования можно сопоставить с *мулём* ‘как попало, в беспорядке’ [Герд 3: 269].

Шаля́й-валя́й - русск. разг., ‘кое-как’; ряз. ряз. *шали-вали* ‘кое-как’ (*Идет шали-вали, ногами путаешь* [СРНГ 21: 112], s.v. *неповоро́тный*).

Шани́-мани́ - тоб. ‘еле-еле’ [Фасмер 4:404], нижегор. *шаня́маня* ‘так-сяк, ни то ни се’ [Даль 4:640], в [Фасмер 4:404] приводится как *шаня́маня́*.

Шаро́х-варо́х - моск. разг. *там шаро́х-варо́х пойдет* ‘там будет и так и сяк, т.е. плохо разворошено’ [Дурново 1902].

Шыры-пыры - ураль. ‘небрежно, торопливо, кое-как’ (*А сам сейчас шыры-пыры, и бегут на базар* [СРНГ 33:198]).

Ср. также точную редупликацию в ураль. *коё-коё-как* ‘кое-как’ [СРНГ 14:48].

Примеры сложений:

(С) **бу́хты-барáхты** – ветл. костром., перм. ‘небрежно, кое-как’ [СРНГ 36:9]. Ср. рус. разг. с *бу́хты-барáхты* (диалектные варианты: *-барáхту, -барáхта, барáхт*) ‘не подумавши, вдруг’ [СРНГ 36:9].

(На) **ковыль-костыль** – рус. диал. ‘кое-как, как-нибудь, дурно’ (сделать что-либо) [Даль 2: 130], обоян. курск. ‘то же’ [СРНГ 14: 37], камышл. свердл. ‘неаккуратно, кое-как’ [СРНГ 16:82, s.v. *кумёлем*], *на ковыль-перевыль* ‘неправильно, навыворот’ [Даль 2: 130]. Ср. точные повторы составных частей этого образования, обозначающие передвижение больного или хромого человека: *ковы́ль-ковы́ль* [Герд 2: 383], [СРНГ 14: 37], *косты́ль-косты́ль* [СРНГ 14: 86].

(В) **ко́лья - (в) мя́лья** – лунин. пенз. ‘небрежно, кое-как (обращаться с чем-либо)’ (*Что ж это – я старалась, гладила платье-то, а ты его в колья – в мялья!* [СРНГ 14:109]).

Кидко́м броско́м – карель. ‘наскоро, кое-как, торопливо’ [Герд 2: 344]

Ко́мом-ломом - ряз. ряз. ‘кое-как, как попало’ (*Комом-ломом – не по порядку сделали, кое-как* [СРНГ 14:236]), ‘очень тяжело, с большими трудностями’ [Герд 2: 410].

Кўкиш-мя́киш – карель. ‘кое-как, бестолково’ [Герд 3: 54]; ср. также *Выторгуешь у кукиша мякиши* (Даль).

Кўльки-ва́льки - чердын. перм. в знач. сказ. ‘о халатном отношении к чему-либо’ (*А он кульки-вальки* [СРНГ 16: 74]).

Сбей-харавей - перм. ‘кое-как, как попало, наугад, бестолково’ (*Он сделал шкаф сбей-харавей*) [СРНГ 36:168], где *харавей* может быть связано с рус. диал. *хараві́на* (волог. ‘тощая скотина’, новг. ‘верхняя женская одежда’)

Тяп-ляп - рус. разг. ‘небрежно, плохо’; белор. **цапу́-лапу́** – белор. ‘быстро и кое-как, непродуманно’ [Яўневіч 1960: 56]. Сложение двух глагольных междометий; возможно, исходное значение этого сложение - ‘раз-два [и готово]’, ср. у Даля: *будто тяп да ляп, вот-те и корабль!* ‘не вдруг, не сразу его построишь, не как-ни-попало’ [Даль 4:467; предполагаемая рифма подсказывает, что в пословице должно на самом деле стоять *корабль*, а не *корабль*]. Глаголы имеют в диалектах довольно расплывчатую экспрессивную семантику: *ляпать* ‘пачкать’, ‘стучать’, ‘говорить пустяки’, *тяпать* ‘хватать’, ‘бить’, ‘красть’. В Каргополье зафиксировано сочетание этих глагольных корней с обобщенной семантикой ‘какое-либо действие’: *ни потяпать, ни поляпать* ‘ничего не уметь сделать’ (каргоп. арх. [СРНГ 30:330]), *ни тяп, ни ляп* ‘ничего не умеет, ни на что не способен’ (каргоп. [Герд 3: 178]).

Тяпки-ляпки - ‘игра в ладушки с детьми’ (лодейноп. ленингр., [СРНГ 17: 280])

(**Между**) **ча́хи и ля́хи** ‘кое-как; праздно, без дела; ни то ни сё’ [Даль 4: 602], где *ча́хи* < *че́хи* под влиянием второго слова, [Фасмер 4:319].

Ср. также наречные сложения с *криво*, все имеющие значение ‘кое-как’: ураль. *криво-косо* (косо-криво) [СРНГ 15: 244], перм. *криво-неправо* ‘кое-как’ (колым. также в значении ‘всеми правдами и неправдами’ [СРНГ 15: 244]), екатеринб. *криво-непрямо* [СРНГ 15: 244], котельн. вят. *криво-право* [СРНГ 15: 244], шенк. арх. *криво-прямо* [СРНГ 15: 244].

3.6. ‘Беспорядок’

В этой группе особенно мало восточнославянского материала, и мы ее выделяем отдельно в основном потому, что в ней особенно много иноязычных примеров: серб.-

хорв. *дармар* ‘беспорядок’, перс. *harjomarj* ‘беспорядок, анархия’, тур. *abur cubur, abuk sabuk* ‘беспорядок’, англ. *mishmash* ‘мешанина’, *higgledy-piggledy* ‘полный беспорядок’, *mingle-mangle* ‘мешанина; путаница’, нем. диал. (н.-нем.) *Schurrmurr* ‘кавардак’, дат. *misk-mask* ‘беспорядок’, фин. *riipi raapin* ‘беспорядок’, франц. *pêle-mêle* ‘как попало, вперемешку’.

Грѡхом-рѡхом – карель. ‘в беспорядке’ [Герд 1: 399].

Калабалык – ‘беспорядок’, [Даль 2:79].

Кўчки-вѡчки – карель. ‘в беспорядке’, [Герд 3: 80].

Шўром-бўром – белор. ‘вверх дном’, из пословиц Носовича [Дурново 1902], ‘неразбериха, путаница’ (Даль), ‘кверху дном, в величайшем беспорядке’, [Фасмер 4:490] со ссылкой на Добровольского; рус. разг. *шурўм-бурўм* ‘в беспорядке’.

Ср. рифмованное сложение с той же семантикой:

Кїдком-брѡском – карель. ‘в беспорядке’ (=брѡском [Герд 1: 120]).

Семантическая группа ‘беспорядок’ очень тесно связана с предыдущей (‘кое-как’), что проявляется, в частности, в соотношении *кїдкѡм брѡскѡм* ‘наскоро, кое-как, торопливо’ [Герд 2: 344] ~ *кїдком-брѡском* ‘в беспорядке’ (=брѡском, [Герд 1: 120]).

3.7. Прочие семантические группы

‘Ерунда’:

Стрень-брень - яросл. ‘кое-что, пустяки’, [Мельниченко 1961: 194].

Трѡли-вѡли – ‘ерунда, пустяки’ [Елистратов 2000: 472].

Фїгли-мїгли - рус. разг. ‘всякая ерунда’, не имеет в русском мотивирующего существительного. Исторически таким существительным было польское *figiel* ‘проделка’, в польском также есть и редуцированная форма *figle-migle*. Рус. разг. *фигли!* не связано с этими словами, т.к. является сочетанием корня *фиг* (ср. разг. *фигушки!*) и частицы *-ли* (ср. груб. *хрен ли!* и под.).

Хухры-мухры - рус. разг. *не хухры-мухры* ‘не какая-нибудь ерунда’, см. подробнее [Николаев 1985].

‘Ничего’ (не понимать):

Бил-бом – псков. *ни бил-бом не понимать* ‘ничего не понимать’ [Мокиенко, Никитина 2001: 17].

Митма́га – псков. *ни митмаги не понимать* ‘не понимать абсолютно ничего’ [Мокиенко, Никитина 2001:53].

Тинь-тили - иркут. *ни тинь-тили ли* ‘совсем ничего’ [СРНГ 21: 215].

Чох-мох - донск. *чих-мох не понимаешь* ‘ничего не понимаешь’ [Фасмер 4:373].

К этой же семантической группе относятся такие выражения с двойным союзом *ни... ни...:*

Ни зны́ку, ни поны́ку - дон. ‘ни слуху ни духу’ [СРНГ 29: 277].

Ни сана, ни мана – казан. ‘ничего’ (*В печке-то ни сана, ни мана*, т.е. не накалилось в печке [СРНГ 21: 214]).

Ни попу, ни наймиту - брян. ‘никому’ [СРНГ 29: 277].

Ни пику, ни гику – брян. ‘ничего’, ‘о невозможности вымолвить слово, что-либо сказать, закричать’ [СРНГ 21: 214].

Ни уты, ни буты – курган. ‘о неготовности к чему-либо’ [СРНГ 21: 215].

Ни чиху, ни пыху - новосиб. ‘о человеке, не подающем никаких вестей’, ‘ничего неизвестно о ком-либо’ [СРНГ 21: 215, 33:202].

Особо выделим с тем же значением всеобщности пск. *ни ко́ки ни мо́ки* ‘никого и ничего (не бояться)’ [Мокиенко, Никитина 2001: 45], потому что эта пара образована по классической модели рифмованных слов. Семантика ассоциативной множественности, характерная для *м*-редупликации, в случае асемантических слов дает кванторное значение ‘ничего’ (или ‘все’ в сходном примере: рус. разг. *хотеть и каку и маку* ‘хотеть всего сразу, слишком многого’ [Елистратов 2000: 182]).

‘Сброд’ (ср. англ. *riff-raff* ‘сброд’):

Шала́бола - ‘шелопай, повеса’ [Даль 4: 638].

Шурды-бурды - моск. разг. ‘всякий народ, всё больше малогодные люди’, [Дурново 1902].

Шу́шера-я́шера - олон. ‘голь, сброд’ [Фасмер 4: 493].

‘Неправильная речь’ (ср. др.-греч. *barbaros* ‘варвар – непонятно говорящий’):

Бэ-мэ; ни бэ, ни мэ; бэки-мэки - рус. разг. ‘недостатки речи, “слова-паразиты”, речевые помехи’ [Елистратов 2000: 53].

Каля́-маля́ - перм. ‘о неумении говорить по-русски’ [СРНГ 13: 12].

Пик-мик зап.-брян. / **пык-мык** смол., брян. - *А ен на колхозном собрании пик-мик, да и сказать ему нечего*, [СРНГ 18: 157-158]; *А мы пык-мык, да и сказать ничего не умеем*, [СРНГ 33:189]). Можно предложить два объяснения этой формы: диссимилиация из точной редупликации (смол. *пык-пык: Пык-пык и говорит ему нечего; Я спрашивать, а ен пык-пык и покраснел*) и сложение двух глагольных междометий, ср. сочетание двух соответствующих глаголов: *Хватае табе пыкать да мыкать* (брян.).

‘Туда-сюда’ (ср. чеш. *hrc, prc – Jen porad hrc, prc!* ‘он всё время туда-сюда’ [о непостоянном человеке] [Obrátíl 3:514]):

Тыры-пыры - рус. разг. ‘то да сё, туда-сюда’.

Ширь-пырь - донск. ‘туда-сюда’ [Фасмер 4:443].

В ряде слов из группы ‘кое-как’ есть значение ‘быстро’, которое также реализуется отдельно:

Кúшки-пáшки - ураль. ‘скоро, быстро собравшись’ [СРНГ 16: 196].

Лизь-мызь - смол., глаг. междометие, о быстрой еде (*лизь-мызь и сыта, плохо будешь работать* [СРНГ 17: 45]).

Чих-пых – рус. разг. ‘раз-раз, шлёп-шлёп и т.п. (в знач. быстро, тотчас)’ [Елистратов 2000: 539].

‘Тайные переговоры’ (ср. болг. *шушу-мушу* ‘шушуканье, сплетничанье’ [Grannes 1978: 43]):

Шурымúры - рус. диал. ‘тайные переговоры и замыслы’ [Даль 4: 669].

‘Мошенничество’ (ср. англ. *hanku-panku* ‘мошенничество, обман’):

Шáхер-мáхер - рус. разг. ‘недобросовестная, ловкая сделка или торговля’, ‘мелкий плутоватый делец’, из идиш, ср. нем. *schachern* ‘торговать, менять, барышничать’, *Machen* ‘делец’ [Виноградов 1998: 820-821].

Ср. также **фокус-покус** – это сочетание похоже на правую редупликацию редупликацию с заменой инициали на [p], однако исторически устроено как раз наоборот (*фокус* выделилось из заимствованного целиком *гокус-покус/ фокус-покус*).

Ряд непродуктивных редуplikаций приводится в “Пословицах русского народа В.И. Даля в разделе “Неправда-обман”: (1) *Шулды булды закоулды. Шушукуются да шумаркаются*; (2) *Это финти-фанты, немецкие куранты* (т.е. плутни) (ср. рус. диал. *финти-фанты* ‘лукавые увертки’ [Даль 4: 550]); ; (3) *Тор, да ёр, да третий – вор*; ср.

также парное сочетание *крутить-вертеть* в значении ‘обманывать’: *Крутя-вертя свет пройдешь, да назад не воротишься*.

‘Любовные отношения’:

Курцы-мурцы - волог. ‘любовные дела, похождения’ [СРНГ 16: 148].

Трали-ва́ли – рус. разг. ‘любовные отношения’ (*У них трали-вали, пора коляску покупать*) [Елистратов 2000: 472].

Шуры-муры - рус. разг. ‘любовные делишки, шашни’, из франц. *cher* ‘дорогая’, *amour* ‘любовь’; М. Фасмер считает возможным сопоставлять с тур. *şurtur* ‘смятение’, алб. *shiri-miri* ‘неразбериха’, нидерл. *schorremorrie* ‘сброд, шваль’, нем. диал. (н.-нем.) *schurrmurr* ‘неразбериха, набросанные в беспорядке вещи’, [Фасмер 4:490].

‘Деньги’ (арго):

Пэти-мэти, тити-мити – арго ‘деньги’ [Елистратов 2000: 328, 467].

Пех-них - арго ‘деньги’ [Балдаев, Белко, Исупов 1992:174].

‘Блюдо’ (ср. англ. *hotch-potch* ‘овощной суп или смесь, приготовленная на бараньем бульоне’; *rumble-tumble* ‘взбитые яйца’):

Гóголь-мóголь - рус. ‘средство против хрипоты из яиц и сахара’ (петерб. *гóгель-мóгель*) естественно сравнивать с польск. *kogel-mogel/ kogla-mogla* ‘тоголь-моголь’. Далее указывают на ряд европейских слов, сходство с которыми несомненно, но не обязывает видеть здесь заимствование как таковое: н.-нем., ср.-нем. *Kuddelmuddel* ‘хаос, беспорядок’ (~ *kuddeln* ‘беспорядочно работать; путать, создавать хаос’), англ. *hugger-mugger* ‘беспорядок, путаница’, [Фасмер 1:425].

Шуримури - рус. арестантское ‘тюремные щи’ [Потапов 1927 // Козловский 3:135].

Отдельные слова, не объединенные в группы:

Зигза́г, разг. *зигзуг* - общеевропейское слово.

Зикка-мекка - смол. (дет.) ‘грудь кормящей матери’, с чередованием и согласных, и гласных [СРНГ 11:271].

Ку́ка-ба́ка - вожегод. волог. ‘одуванчик’ [СРНГ 16: 31].

Ку́рчи-ма́рчи - карель. ‘кувырком’ [такое толкование в источнике], т.е. на самом деле ‘плохо’ (*Вот и жись пошла ку́рчи-ма́рчи, счастья никакого не было; от ку́рчи ‘кудри’* [Герд 3: 72, 285]).

Полторы́-тарары - соликам. перм. ‘очень мало’, *полторы́-тараты* илим. иркут. ‘очень мало’, курган. ‘половина чего-л.’ [СРНГ 29: 134].

Стуки-грюки - зап.-брян. *Только и слышна, што стуки-грюки* [Расторгуев 1973:254].

Тю́нтить-му́нтить - яросл. ‘слащавость, нытье, канитель’ [Мельниченко 1961: 203].

Фик-фок – рус. разг. *фик-фок на один бок* (шутл.) – ‘о чём-н. помещённом криво, сбившемся набок’. *Шляпа фик-фок на один бок* (словарь Ожегова). Словари разговорного языка дают такие толкования - разг. ‘одетая по последней моде’ [Флегон 1973: 356], ‘штучка, штуковина, броская вещица’ [Елистратов 2000: 500]. Примеры из литературы указывают на значение ‘не в своем уме’: *Может, он просто сумасшедший. Я слышал, и на воле-то он был тоже фик-фок!* (Домбровский Ю.О. Факультет ненужных вещей); - *Гм-м... Гм-м... Конец света, говорите? А может, он того, фик-фок, ваш Егоров?* (Олди, Армагеддон был вчера); *Говорят, они с Трищенко поссорились, а эта девица, извините, фик-фок, к тому же злая, как собака* (Олди, Кровь пьют руками).

Фи-фур - арг. ‘пожар’ [Балдаев, Белко, Исупов 1992: 261]; *фи-фу* ‘шайка поджигателей’ [Потапов 1927 // Козловский 3:129].

Чик-бляк - арг. (устар.) ‘босиком’ [Балдаев, Белко, Исупов 1992: 280].

Шаривари - устар. ‘кошачий концерт, резкие, нестройные звуки, крики, производимые с целью враждебной демонстрации’, из франц. *charivari*.

Ши́ры-ды́ры ‘широко и далеко’ (?) [Мокиенко, Никитина 2001: 39].

3.8. Эмоциональные междометия

Почти никакого значения не выражают разные эмоциональные восклицания, междометия, и всё же показательно, что в основном они связаны с отрицательными эмоциями:

Ёксель-моксель - эмоциональное междометие, ср. также схожие, но более сложно устроенные образования *ёк-макарёк, ёрики-маморики, ёжки-мошки*; а также *ёжики-пыжики* ‘то да сё’ [Елистратов 2000: 130-131].

Елѐха-воха – 1) выражение, употребляемое в виде порицания кому-либо: покр. влад. *Эх ты, елѐха-воха!*; кашин. твер. *Эх ты, елѐха-воха, только зря сбил с толку*

меня! (с примеч. “слова, не имеющие определенного значения, употребляются для выражения досады на кого-нибудь”); кадн. волог. *Эх ты, елѣха-воха, что наделал!*; 2) восклицание, выражающее изумление, сожаление, радость и т.п. спас. казан., покр. влад. *Эх, елѣха-воха! - Эх, черт возьми, эх, мать честная!*; ниже-волж. *Да неужто ты? У, елѣха-воха, а я в личность-то тебя сразу не признал!* [СРНГ 8: 340]; 3) “приговорка” *ерѣха-воха, ерѣха-маха* [ПОС 10:132].

Ёра-мара, ёры-мары - употр. как бранное выражение, эмоц. восклицание [ПОС 10:131).

Ёх-мах / ёх-не-мах – псков. ‘удивление, досада, неудовольствие [ПОС 10:140], ёк-королёк употр. как выражение досады [ПОС 10:121].

Кухта-мухта – белозер. новг., в сказке (*приходит [царь], садитсы за стол: - кухня-мухта, есть хочу!*, Соколовы, [СРНГ 16: 185]).

Мяча-куча – арх, в сказке (*когда-то они пришли во дворец и замечает Зоря Кручинин, что во дворе убранство, просторство-ах, мяча-куча!* [СРНГ 32: 250]).

Стрига-брига – “для насмешки”: *У, стрига-брига, овечья книга* [ПОС 2:169]. Видимо, связано с междометными выражениями, описывающими коз/ овец, вроде *а кізочка стрику-брику* [Гринченко I: 99], *чук-брик* - укр. междометие, выражающее лягание, толчок ногой, от *брика́ти(ся)* ‘лягаться’, [Гринченко I: 98].

Ту да лю смол. ‘о грубом или суровом приказании, укорё’ (*Хорошего слова николи от него не слыхала, а все ту да лю!*, [СРНГ 17: 233]).

Семантика ‘ОК, всё отлично’ более характерно для слов с чередованием гласных (ср. также мотивированную редупликацию *шик-мок* ‘отлично’):

Тики-так – рус. разг. ‘удачно, тихо, всё в порядке, хорошо’ [Елистратов 2000: 466].

Тип-топ – рус. разг. ‘удачно, тихо, всё в порядке, хорошо’ (заимствование из английского).

Чики-брики – рус. разг. ‘всё отлично’ [Елистратов 2000: 537].

Чики-пуки/ чики-пики – детск. *всё будет чики-пуки!* ‘всё будет отлично!’.

Мотивированная редупликация:

Супер-пупер – рус. разг. ‘отлично’.

Шик-мок - разг. рус. ‘отлично’, с одновременным чередованием согласных и гласных [Виноградов 1998:363].

3.9. Семантика и прагматика

Основанием для классификации редупликативных слов в данной статье была семантика, отчего одна и та же лексема, при наличии полисемии, может возникать в материале пару раз. Полисемия для данных слов является относительно регулярной. Отметим одну, довольно примечательную, группу случаев, с полисемией ‘хлам’ ~ ‘болтовня’:

кундры-мундры ‘тряпье, лохмотья’ ~ ‘несерьезные разговоры, пустяки’;

тарабáра ‘лохмотья’ ~ *тарабáры* ‘болтовня, беседа’;

трень-брень рус. диал. ‘хлам’ ~ рус. разг. *трень-брень* ‘болтовня’, а также подражание звуку струнного инструмента (с презрительной оценкой);

шóлтý-бóлтý ‘ни то ни сё’, ‘дрянь, негодные вещи’ ~ ‘вздор, пустяки, пустословие’;

кроме того, *балабóлы* ‘клочья, мохры у подола или подзора, у края’ ~ *балабóла* ‘болтун’ [Даль 1: 41], в данном случае промежуточным значением может быть *балабóлка* ‘что болтается, висюлька’ [Даль 1: 41];

Эта же полисемия прослеживается и на другом материале:

лабудá смол. ‘рваная, изношенная одежда, хлам, тряпье’ ~ иван, смол., ульян., пенз. ‘пустой разговор, чушь, чепуха’ [СРНГ 16: 217];

шóболы рус. диал. ‘ветошь’ ~ *шабайлá* ‘бестолковый пустомеля’, [Даль 4: 636].

Ср. также кирг. *ытып-тытыр* ‘хлам, рухлядь’, каракалп. *ыбыр-шубыр* ‘мелочи, то да сё’ ~ монг. *ивэр* ‘болтовня’, [Севортян 1974: 645]; англ. *rubbish* ‘мусор’ ~ ‘бессмыслица’ (*to talk rubbish*).

Данный класс случаев (на двух примерах) отмечен в [Варбот 1986: 38], причем предполагается, что значение ‘болтовня’ является результатом метафорического сдвига от первичного ‘негодная вещь, лохмотья’.

Кроме того, можно предположить, что для значения ‘болтовня’ особое значение имеет звукоподражательный иконизм, и эта группа значений тесно связана с обозначениями разных неоднородных неясных звуков, характерными для неточной редупликации или даже происходит из них (например, кирг. *кобур-собур* ‘бормотание’, узб. *ивир-чивир* ‘шёпот’, алт. *ынгыр-чынгыр* ‘скрип’, англ. *sing-song* ‘бубнить’).

С другой стороны, значение ‘хлам’ явно связано со значением ‘беспорядок’: *кúльки-мúльки* - шадр. перм. ‘смесь, собрание мелких бытовых вещей, не представляющих

ценности’, [СРНГ 16:74] ~ *ку́ли-мули* - шадр. перм. ‘неразбериха; что-либо, плохо сделанное’, [СРНГ 16:68], ‘кое-как, как попало’.. Ясней эта полисемия прослеживается на германских примерах: англ. *litter* ‘разбросанный мусор’ или просто ‘беспорядок’, нем. диал. (н.-нем.) *Schurrmurr* ‘кавардак’ ~ ‘хлам’ (*schurren* ‘скользить; шаркать’).

Значение ‘хлам’ и ‘сброд’, представленные у нас независимо и не пересекающиеся в нашем материале, на самом деле также тесно связаны, как можно видеть из такой многозначности:

ша́верень / ша́вань / ша́вель ‘шваль, сброд, сволочь’ ~ *ша́верень* иногда о вещах, ‘дрянь’ [Даль 4: 637]

шу́шера ‘шваль, сброд’ ~ ‘хлам, старье’ [Фасмер 4: 493]

Ср. также такие примеры, указывающие на некоторые другие связи в рассматриваемых значениях:

Рус. разг. *трали-вали* ‘ерунда, пустяки’, ‘любовные отношения’ (*У них трали-вали, пора коляску покупать*), ‘что-л. длинное, затянутое’ (чаще о разговоре: *Разводит трали-вали по телефону, Трали-вали часа на четыре*) [Елистратов 2000: 472].

Рус. диал. *шалáбола* - ‘бестолковщина, вздор’ [Даль 4: 638] ~ ‘шелопай, повеса’ [там же]

Чеш. разг. *hrc, prc* ‘туда-сюда’ ~ ‘бессмысленный шум’ (*Hrc, prc, na koni uzlik*, [Obrátíl 3:514]).

Кроме того, одна и та же редупликация используется не только в разных значениях, но и совсем в разных жанрах:

чики-брики субститут слова ‘овца’ в загадках; с семантикой ‘девушка’ в частушке: *Мне не надо чики-брики на высоких каблуках...* [Шляхова 1998]; рус. разг. ‘всё отлично’.

Однако нашей целью не является такое построение ассоциативных связей между разными значениями, которое полностью объяснило бы полисемию из некоторых исходных, иконических значений (в духе работы [Rieger 1998]). Строго семантический подход к экспрессивной лексике явно упускает суть дела. Для понимания семантики в данном случае следует обратиться к прагматике.

Рассматриваемая редупликация в восточнославянских диалектах – своего рода экспрессивная словообразовательная модель. В отличие от экспрессивных моделей, которые, используя несуществующие основы (словообразовательные “джокеры”), отталкиваются от существующих “нормальных” слов (например, по аналогии с *напиться* может быть построено множество экспрессивных слов с приставкой *на-* и той

же семантикой), редупликация создает новые лексемы без прямой поддержки аналогии. В этом экспрессивная редупликация напоминает образование глаголов с помощью форманта *-нд-* в русских диалектах (*пришкандыбать* терск., кубан. ‘приковылять куда-л.’, *провынджать* Р.Урал ‘пролететь со свистом’, ‘продуть (ветром)’, *провячандать* муром. влад. ‘проговорить’, *прихандобжить* опоч. пск. ‘приколотить, прибить’). В языке есть такие семантические группы лексики, которые пополняются за счет заимствований и за счет деривации существующих корней, другие семантические группы, назовем их экспрессивными, часто пополняются за счет построения новых корней по продуктивным моделям. Эти экспрессивные семантические группы не обязаны иметь что-то общее кроме своей нетерминологичности, нечеткости значения. Кроме того, семантика отдельных экспрессивных моделей может быть ограничена грамматически: например, редулицированные слова в русском языке ограничены несколькими частями речи (наречие/ предикатив или существительное).

Существует социолингвистическая универсалия, касающаяся повторов: они всегда тяготеют к разговорному, неформальному языку [Moravcsik 1978], [Burkhart 1985: 131-134]. Нам не хотелось бы вдаваться в обсуждение того, как коррелирует повтор со степенью “первобытности” языка; ясно, что употребительность повторов находится в обратной пропорции со степенью аналитизма. Рифмованные сочетания являются неотъемлемой частью **балагурства**, т.е. шутливого, несерьезного использования языка. Это отмечается для Древней Руси [Лихачев и др. 1984: 21], для современных рифмованных сочетаний (см., например, [Санников 2002]).

Заумные, в частности рифмованные сочетания так или иначе часто ассоциируются с иностранной речью. Например, в белорусских считалках они являются маркером начала “немецкой” речи: *Пад зямлёй драва рубілі, па-нямецку гаварілі: - Алды-балды, пшык, выйшаў маленькі мужык* (Барташэвіч 1972, №816), *На стале ляжала міна, па-нямецку гаваріла: - Энік, бэнік, шмык, выйдзі, маленькі мужык* (Барташэвіч 1972, №817), *Кацілася мандаліна, па-нямецку гаварыла: - Шэндэр, мэндэр, пшык, залатой мужык* (Барташэвіч 1972, №818).

Сочетание *хелмы да велми* можно с некоторой натяжкой отчасти рифмованным; оно обнаруживается в тексте, который воспроизводит речь иностранцев, используя отчасти заумь, отчасти настоящие иностранные слова (*Еще хелмы да велми куварзы визан!*, [Кирша Данилов, №61, 344])

Мы уже отмечали в 1.1, что восточное происхождение м-редупликации может осознаваться и существенно для употребления этой редупликации в разговорном языке.

В частности, она может использоваться для пейоративной номинации национальных меньшинств: *кырдым-бырдым* ‘о представителях одной из тюркских народностей, а также обобщенно о т.н. “лицах южной национальности”’ [Елистратов 2000: 222].

3.10. Короткие повторы

Коротких повторов больше всего среди лепетных, детских слов. Так называемые “детские” (по-английски *nursery*) слова, конечно, не создаются детьми, а возникают, видимо, двумя путями: с одной стороны, взрослые извлекают нечто похожее на слова из лепета ребенка, с другой стороны, они сами придумывают слова, которые были бы максимально просты и максимально удобны ребенку для понимания и воспроизведения [Thun 1963: 292]. Интересной особенностью является преобладание в этих детских словах губных (нечелюстных) согласных: ‘мама’ (араб. *māma*, англ. *mommy*, исп. *mama*, алб. *nene*), ‘папа’ (араб. *bāba*, маратхи, тур. *baba*, алб. *babe*), ‘младенец’ (араб. *bubbi*, англ. *ba-by*), ‘еда’ (араб. *ṭamṭ*, маратхи *təttət*, нивх. *tama*, исп. *papa*), ‘питье’ (араб. *mbū(wa)*, маратхи *papa*, команч. *pará*) [Фергюсон 1975], [Jakobson 1962], [Burkhart 1985: 122]; ср. также рус. детские *бо-бо*, *пи-пи*.

Детские слова часто обозначают имена родства: болг. *кака* ‘старшая сестра’ (серб., макед. *dađa*, алб. *dade*), *леля* ‘тетя по отцу’, *чичо* ‘дядя по отцу’; тур. *nene*, греч. *giagia* ‘дедушка’. В ЭССЯ есть материал по таким словам: **baba*, **dada*, **lel’a*, **lila*, **mata*, **nana* (ясно, что праславянская реконструкция для многих из них - не более чем условность). Для таких слов довольно характерна многозначность, например *нянька/ няня* ‘старшая сестра’, ‘двоюродная сестра’, ‘жена брата, невестка’ [Карель. 4: 60-61].

Есть группа детских бытовых слов, которые, в отличие от имен родства, почти не проникают в нормативный литературный язык (такие специфические детские слова в славянских языках, вроде **ziza*, **vava* ‘огонь’, **koka* ‘яйцо’, упоминаются в [Толстой 1999:201]). Они обычно идентифицируются в словарях как “детские” или как используемые “в разговоре с детьми” (впрочем, это в некоторой степени зависит от лексикографической традиции - в белорусских и украинских словарях “детская” атрибуция этих слов проводится регулярно, а в русских они чаще всего даются без всяких помет):

Біба укр. диал. ‘хлеб’ [Буков 1971:28];

Вава диал. белор. ‘ранка’ [Кривіцкі, Цыхун, Яшкін 1:102], ‘рана, нарыв’ [Расторгуев 1973:59];

Дзідзя диал. белор. ‘женск. грудь’ [Кривіцкі, Цыхун, Яшкін 2:18];

Дзю́дзя укр. диал. ‘свинья’ [Бекіш 1960:98]; правда, в примерах фигурирует не *дзюдзя*, а *дзютка*;

Жы́жа диал. белор. ‘огонь’ [Расторгуев 1973:101], [Кривіцкі, Цыхун, Яшкін 2:70];

Зю́зя диал. белор. ‘холод’ [Расторгуев 1973:129], [Кривіцкі, Цыхун, Яшкін 2:170];

Ко́ка ‘курица’, ‘картошка’ (Волог.), ‘новая детская рубашка’ (Белозер. Новг., Волог.), ‘фантастическое существо, которым пугают детей, бука’ (Уржум. Вят., Киров.) [СРНГ 14: 86], яросл. ‘яйцо’ [Мельниченко 89];

Ко́ко ‘крестная мать’ (Сургут. Перм., Смол., Яросл.) [СРНГ 14: 90];

Ко́ко / коко́ ‘орех’ (Тобол., Тюмен., Курган., Перм.) [СРНГ 14:90];

Лили кашин. тверск. ‘детские груди’ [СРНГ 17: 47];

Ля ля рус. диал. ‘крестная мать’; ‘маленький ребенок’; ‘игрушка, кукла’; ‘высокорослый, долговязый человек; растяпа, простофиля’ [СРНГ 17: 273-274], [Расторгуев 1973:153];

Ню́ня карель. ‘крестная мать’ [Герд 4: 58];

Ня́нька карель. ‘женская грудь’ [Герд 4: 60-61], видимо, “взрослое” слово *ня́нька/ ня́ня* ‘сосок коровьего вымени’ [Герд 4: 60-61];

Па́па ‘белый хлеб’ (яросл., твер.,) [Мельниченко 1961: 141], [Кириллова и др. 1972], [Герд 4: 391], ‘хлеб’ [Бекіш 1960: 103], [Шаталава 1975: 125], [Кривіцкі, Цыхун, Яшкін 4: 12, 13]; *па́почки* ‘ритуальный хлеб для коровы в Егорьев день’, *па́почник* ‘верхний слой слоеного пирога’, *папу́шка* ‘лепешка, оладья’ [Герд 4: 392];

Піпа ‘вода’ [Кривіцкі, Цыхун, Яшкін 4: 52].

Тетё́нькать ‘нянчить, забавлять ребенка’ [Кириллова и др. 1972:262], [Даль 4:403]; *тетёхатъ / тёхатъ* ‘нянчить, колыхать ребенка, посадив его на колени’ [Расторгуев 1973:261];

Ца́ца ‘детская игрушка’ [Даль]; [Расторгуев 1973:280];

Чичі́рка ‘penis pueri’ [Мельниченко 1961:215].

Ср. также другие, не номинативные детские слова с редупликацией: *Па-на́* ‘пока’ [Кривіцкі, Цыхун, Яшкін 4: 13], *на́-на́-на́* ‘спасибо’ [Кривіцкі, Цыхун, Яшкін 4: 13].

Современные исследования редупликации в детских словах показывают, что главная причина, по которой детям необходимы такие редулицированные формы, состоит в освоении просодической формы нормального слова (нежелательно, чтобы слово состояло из слога вроде *па*) с использованием самого простого средства из всех возможных – а именно, повтора одного слога [Niepokuj 1997: 70].

4. Редупликация в фольклоре

Ниже рассматривается материал традиционного восточнославянского фольклора. Редупликация и сходные рифмованные сочетания особенно часто встречаются в песнях и в некоторых жанрах детского фольклора, в частности в загадках (в качестве субститута загаданного слова) и считалках. Обычно эти редулицированные слова ничего не значат (впрочем, они выступают в текстах, которые и в целом семантически довольно непрозрачны или просто бессмысленны). Даже редулицированные формы в загадках, хотя мы и приводим их “значения” (например, *чирандо-выранто* сев.-рус. ‘ручей’), на самом деле скорей не означают загаданные понятия, а просто замещают соответствующие слова.

4.1. Редупликация и повторы

В восточнославянском фольклоре есть повторение целых словоформ вроде *шел, шел*, но оно явно относится к ведомству синтаксиса и никак не затрагивает морфологию или морфонологию, а редупликацией называют преимущественно морфологическое / морфонологическое явление (повтор словоформ можно называть синтаксическим повтором). Поэтому можно уверенно утверждать, что в русских фольклорных текстах представлена только неточная редупликация. Ее неточность является такой же конституирующей особенностью, как и рифмованность.

Тем не менее, по крайней мере в одном месте граница между редупликацией и синтаксическим повтором оказывается прозрачной: а именно, в зачинах аппелятивных фольклорных текстов, где неточная редупликация является вариантом точного повтора (удвоенного обращения).

В самом деле, в некоторых ритуальных фольклорных текстах обращения к адресату (например, к *коляде*) допускают не только обычный для зачина фольклорных аппелятивных текстов синтаксический повтор (вроде *Коляда, коляда!*), но и неточную редупликацию: *Калёда-малёда, // Дома ли хозяин?..* [Померанцева 1973 :123]; влад. *Коледа, маледа, // где была?* [Тихонравов 1858: 3]; моск. *Коляда, маляда, // Пришла коляда...* [Ананичева и др. 2001, №119]; *Киледа, миледа! Поддай конец тирога*, Горох. Влад. [СРНГ 13: 207]. Сходным образом, в белорусской детской потешке: *ласячка-басячка, дзе была?* [Барташэвіч 1972, №395] существует наряду с *ласачка, ласачка, дзе была?* [Барташэвіч 1972, №396]. В зачине святочной песни *усени* уже, возможно, не воспринимается как аппелятив, однако вариации те же: *Усени, ой усени...! Усени, усени...* [Ананичева и др. 2001, №112, 120] ~ *Усени-масени!* [Ананичева и др. 2001, №113] (ср. рефрен *Таусин, Маусин*, [Болонев и др. 1997, №83]. Что-то подобное обнаруживается и в русском разговорном языке, где наряду с шутливо-ироническим обращением *мусик* и его точным повтором *муси-муси* отмечены формы неточной редупликации *муси-пуси/ муси-люси / музи-зюзи* [Елистратов 2000: 259].

При объяснении этих случаев можно пойти по диахроническому пути и предположить, что формы с неточной редупликацией здесь прямо происходят из форм с точным синтаксическим повтором, т.е. имеет место диссимиляция *коляда, коляда > коляда, моляда*, причем благодаря действию такого морфонологического механизма происходит некоторое “спаивание” двух элементов в одно слово (универсальный процесс “морфологизации”, т.е. превращения отдельных слов в части слова, см. [Плунгян 2000: 34]). Мы бы, однако, не настаивали на диахронической реальности такого развития. В любом случае, механизм диссимиляции является ключевым не только для объяснения подобных примеров, но и для объяснения неточной редупликации в целом (см. главу 3).

4.2. Редупликация и сочетания

С другой стороны, неточные повторы, из-за своей неточности, напоминают сочетания двух разных слов. Например, в случае с колядой неточная копия *моляда* может переосмысляться, в результате чего получается словосочетание *коляда молода*: *коляда молода/ колида молода* [Болонев и др. 1997, №11, 16], *коляда молода* [Бессонов 1868:244]. А в заговорах обращение *чирей-чирей* варьируется с *чирей-вирей* [Адоньева 1993, №493, №494, №496], *чирей-пырей* [ЗиЗП 16]: эти сочетания очень похожи на редупликацию, однако в случае в *чирей-пырей* довольно вероятно сочетание со словом

пырёй, обозначающим разные виды травы (в случае сочетания *чирей-вирей*, зафиксированного в Архангельской области, было бы довольно рискованно видеть во втором элементе рефлекс южнорусского *вырей* ‘волшебный южный край, райское место’). Такие сочетания в качестве аппелятивов довольно характерны для заговора, например обращение *чирей-Василий* [Адоньева 1993, №490].

Примечательно, что в одном и том же тексте может быть представлено два варианта – вариант с неточной редупликацией *коляда-моляда* в начале и точный повтор *коляда, коляда* в середине: *Коляда-моляда, // Не хошь ли пирога? // Не ломай, не ломай, // Весь подавай! // Коляда, коляда, // Подай нам пирога!..* [Шаповалова, Лаврентьева 1985, №2]. Такое распределение можно интерпретировать двумя способами. С одной стороны, незначущая редупликация *коляда-моляда* может быть сближена с зауемью, с бессмысленными сочетаниями, которые тяготеют именно к абсолютному началу текста (что особенно хорошо видно по считалкам, отчасти по магическим текстам). С другой стороны, *коляда-моляда*, скорей всего, близко аппозитивным сочетаниям вроде *чирей-пырей, чирей-Василий*, зачинам считалок (где редупликация вроде *Федя-медя* употребляется наряду со сложениями вроде *Андрей-воробей*). Можно повернуть дело и таким образом: *коляда-моляда* является полной номинацией, а *коляда* – свернутой, именно поэтому именно в начале текста должна стоять *коляда-моляда*.

Такая дискурсивная особенность напоминает номинацию героя популярной исторической песни, который в большом количестве текстов при первом упоминании называется *Кострюк-Мастрюк*, а далее часто просто *Кострюк*. Кроме того, история возникновения рифмованного сочетания *Кострюк-Мастрюк* довольно поучительна с точки зрения соотношения синхронии и диахронии. Это сочетание произошло от имени кабардинца Мамстрюка, шурина Ивана Грозного по второму браку царя, имевшему место с 1561 по 1569 г. (хотя прототипом персонажа, возможно, стал его брат, Михаил). Мастрюком или Мамстрюком этот герой называется в абсолютном меньшинстве текстов (всего 4 текста из подборки, представленной в [Исторические песни], насчитывающей около 80 вариантов; *Мастрюк*, в частности, у Кирши Данилова). В имени *Кострюк-Мастрюк*, которым он называется в большем количестве текстов (14 из упомянутой подборки), первая часть, видимо, от диал. *кострюк* ‘осетр’. Правда, никакой семантической мотивации для именованья черкесского богатыря осетром в песне не обнаруживается, однако с точки зрения функционирования этого имени существенно другое – основное имя героя, без сомнения, *Кострюк* (причем оно является относительно “понятным”), а сочетание *Кострюк Мастрюк* уже может восприниматься как редуплицированная форма. Более того, можно предположить, что

само появление *Кострюка* в имени героя связано с попыткой осмыслить непонятное чужеземное имя как редупликативную копию, образованную по продуктивной модели. Следующий этап жизни этого имени в фольклорном языке – переосмысление, в духе народной этимологии, в *Кострюк-Быстряк*, *Кострюк-Вострюк* и др.

Некоторый аналог *Кострюку* *Мастрюку* можно найти в *турзах-мурзах*, былинных иноэтнических противниках, татарах (мы обнаружили только фиксации в печеских былинах): *турзов-мурзов удалых* [Былины Печоры, №21:6]. Более устойчивым является второй компонент рифмованного сочетания (*мурзы*), а первый может варьироваться: *курзы́-мурзы́* [Былины Печоры, №43:180], *юрзы-му́рзы* [Былины Печоры, №275:113], *косы́-мурзы* [Былины Печоры и Зимнего Берега, СРНГ 15: 92], хотя встречается и варьирование второго компонента: *турзы-урзы* [Былины Печоры, №41:83]. Видимо, источником этого наименования послужило тюркское слово *murza* ‘сын князя, дворянин’, которое достраивалось до рифмованного сочетания с помощью разных элементов – реже семантически прозрачных, как *косы*, а чаще вроде бы ничего не значащих, как *турзы*, *курзы*, *юрзы*. Возможно, так же построено и имя сказочного персонажа *Урза-Мурза* [Афанасьев 1957, №212]; впрочем, имя *Урза* имеет в русском фольклоре и независимую фиксацию: *молода Урзамовна, мурзы дочи турскова* [Кирша Данилов, №13, 120] – видимо, отца этой девицы следует называть *мурза Урза* (или *Урза-мурза*).

4.3. Правая редупликация

Правая редупликация, где копия стоит после основы (как в разговорных повторах вроде *зелень-мелень*), является более обычной для русского языка, чем левая. Обычно в правой редупликации первый согласный основы заменяется на губной согласный (чаще всего это [м]). Вот примеры:

Гусли-мусли - в песне; далее, в результате переосмысления, *гусли-мысли* [Соколовы, эпич., №61], [Дурново 1902].

Козёл-мазел - термин в детской игре: влад. *козел-мозёл* ‘ямка, на которой стоит играющий в клюшки’ [СРНГ 14:58], *козёл-мазёл* выражение, употребляемое в детской игре [Словарь Акад. 1927.] (с пометой “обл.”), [СРНГ 17:295]. Возможно, это название связано с вят. *козлы́* ‘игра в бабки’, влад. *козёл* ‘игральная кость при игре в бабки’ [СРНГ 14:58]; ср. также рифмованное сочетание в качестве названия другой детской игры: *Тяпки-ляпки* ‘игра в ладушки с детьми’ (лодейноп. ленингр., [СРНГ 17: 280].

Коклю́шка-маклю́шка – из шуточной песни: *Под коклюшкой-маклюшкой трава выросла, Под коклюшкой-маклюшкой клушка вывела детей*, Чернояр. Астрах., [СРНГ 14: 89]; *коклюшка* – разные палки, например в ткацком стане.

Кóршин-моршин - ‘коршун’ (дон., *прилетел ко мне* ~, [СРНГ 15: 33]).

Мульти-пульти - рус. разг. о мультфильмах.

Служеньки-маженьки - Орл. Вят, из сказки: *Вот она [Марья-царевна] вышла на крылечко... и зыкнула: - Служеньки-маженьки, как тятеньке и мамоньке служили, так и мне послужите* [СРНГ 17: 292]. Судя по всему, *службе ньки* < *служба ньки* (с совершенно регулярным для этого региона переходом [a] > [e] между мягкими согласными). Такая же замена безударного [y] на [a], что и в *усени-масени* (см. выше).

Цуцик муцик - укр. от *цуцик* ‘пес’: “... чому ти вчора до мні не приходила? Бо я ся цуцика-муцика бояла”. “А я цуцика-муцика прин’яв, єму хліба з маслом дав!” [Чебанюк 1987: 338].

Шендрики-мендрики - Чернояр. Астрах. *Васильева мати пошла шендровати; шендрики-мендрики - дайте нам вареники*, [СРНГ 18:108]. Надо так понимать, что *шендрики* - это те, кто *шендруют* (*щедровать* - ходить в канун Нового года ватагами по домам, то же, что в канун Рождества *колядовать*).

Шурин-мурин - в припеве троицкой хороводной песни из Приморского края: *шурин-мурин верхотурин, кранты-вьянты первеянты, первеюшки-покмелюшки, ой, милая моя!* [Мельников 1981, №440].

Ядзерка-пядзерка - белор. диал. ‘божья коровка’ [Шаталава 1975: 206], ср. *пальі н-пальі́н-ядзерка* ‘божья коровка’, [Шаталава 1975: 123].

На материале считалок, благодаря его многочисленности, можно наблюдать определенную иерархию использования фонем для замены инициали в редупликанте: чаще всего это [m], несколько реже другие губные ([b], реже [v] и в двух словах [p]), а также сонанты, прежде всего [j]. Самой продуктивной является, конечно, м-редупликация: *один модин, сахар-махар, тетерки-митерки, стульчик-мульчик, цыган-мыган, коля-моля, факел-макел, вера-мера* [Виноградов 1999], моск. *квашня-машня* [Дурново 1902], белозер. *соломина-моломина* [Морозов и др. 1997: 176], белорус. *сахар, махар* [Барташэвіч 1972, №874], укр. чернов. *сахар, махар* [Топорков 1998, 56]. Примеры с другими губными согласными: *зелень-белень, сахар-бахар* (ср. также белор. брест. *сахар-бахар* [Топорков 1998, 5в]), *злото-бото, радуга-бадуга, стульчик-бульчик, Серега-берега, ива бива, солома-волома, сеня, веня, сени-вени, ангель-вангель, павел-вавел, пузо-вузо, солома-полома, вера-пера* [Виноградов 1999]. Примеры j-

редупликации довольно редки - *стульчик-юльчик* [Виноградов 1999], *колобень-ялобень* [Якобсон 1979], ср. *На колобень, на елобень* в волог. считалке, [СРНГ 14: 143]. Самый распространенный пример *j*-редупликации - *соломина-яломина* [Дурново 1902], [Виноградов 1999], белорус. *саломіна, яломіна* (№902); этот пример замечателен также своими трансформациями - диссимиляцией сонантов ($l - l > l - r$) в *соломинка-яреминка* [Виноградов 1999], белор. *саломінка, яромінка* [Барташэвіч 1972, №796], и последующей вторичной ассимиляцией этих сонантов ($l - r > r - r$) в *соромина-еромина* [Виноградов 1999]. Аналогичный случай ассимиляции сонантов, которая следует за их диссимиляцией, обнаруживается в **корень-морень* > калуж. *корень-молень* (с диссимиляцией) [Дурново 1902] > моск. *колень, молень* (с ассимиляцией) [СРНГ 14: 125]. В считалках можно выделить и другие типы правой редупликации, которые мы не будем здесь подробно рассматривать из-за их крайней непродуктивности и нерегулярности¹⁶.

Те же закономерности образования правой редупликации обнаруживаются и в детских дразнилках. Продуктивных моделей всего две: 1) *m*-редупликация: казан., вят., карель., тул. *Федя-медя* (в детской считалке, дразнилке *Федя-медя съел медведя*, [СРНГ 18: 75]; [Виноградов 1998: 701, 703]), *Коля-моля* [Виноградов 1998: 699], *Шура-мура* [Виноградов 1998: 699], *хóхлы-мохлы* [Виноградов 1998: 704], *цыган-мыган* [Виноградов 1998: 701], 2) *b*-редупликация: *Анна-банна* [Виноградов 1998: 695, 697, 698], *Алеша-балеша* [Виноградов 1998: 698], *Шурка-бурка* [Виноградов 1998: 701], *Сергей-бергей* [Мартынова 1997: 291], *Вадя-Бадя* [Янко-Триницкая 1968]. Обнаруживается также *p*-редупликация: *Федя, редя* (Тотем. Волог., 1899, [СРНГ 35:25]). Аналогичные примеры есть в польских дразнилках: *Ewa mewa* [Simonides 1985: 182] (ср., впрочем, поль. *mewa* 'чайка'), *Ela, mela* [Simonides 1985: 181], *Ana-bana* [Simonides 1985: 174], *Franc banc* [Simonides 1985: 183], *Jurek, burek* [Simonides 1985: 193], *Karel, Karel, barel... Karla, barla...* [Simonides 1985: 193], *Ajtel, Fajtel* [Simonides 1985: 173].

¹⁶ [*p*]: *стульчик-рульчик* [Виноградов 1999], белозер. *по кúсту, по рúсту* [Морозов и др. 1997: 175] и два нерегулярных - с мягкостью *ступа-рюпа* и неполная редупликация *соломина-ромина*; с [*l*-] есть по сути только один пример, и тот может быть не редупликацией, а сложением: в считалке *Стёпан-лёпан* [Виноградов 1999], в дразнилке *Стена-лепа-требуха* [Виноградов 1998: 695]; кроме того, есть несколько примеров с кластерами вида *br-*, *bl-* (в одном случае – с вариантами): *солнце-блонце, солнце-бронце*, также *крынка брынка*. По одному примеру с шумными [*s*], [*t*], [*d*] - *торба сорба, лампа тампа, соломина-доломина*, белорус. *салома, талома* [Барташэвіч

4.4. Левая редупликация

Существуют и обратные случаи, называемые левой редупликацией, когда редупликант ставится перед основой, как в сибирской колядке *Шахнул, махнул правой рукой* [Болонев и др. 1997, №9]. Они достаточно немногочисленны в русской традиции, будучи более характерными для белорусского и украинского фольклора. Так, Н.Н. Дурново приводит примеры *шейна-война* и *шень-пень* из Белорусских пословиц Носовича, последний пример находим также в белорусской считалке: *Шэнь-пень, я - вергень* [Барташэвіч 1972, №882]. У Дурново также фигурирует пример *шуги-луги* из песни (*Ой зайду ж бо я в шуги-луги*), место бытования которой не указано, однако судя по частице *бо*, это малороссийский текст. Нет у Дурново никаких указаний на происхождение сочетания *шуря-буря* “из песни про комара”, однако можно предположить, что оно взято из украинской песни (ср. укр. *шуря-буря* ‘вихрь’, [Гринченко IV: 520]). Это же сочетание, с регулярным для белорусского языка отвердением [р], фигурирует также в белорусской детской песенке про комара: *Наляцела шура-бура, камарочка з ліста здула* [Барташэвіч 1972, №249]; *Скуль узяліся шуры-буры, узялі таго камарыка з дуба здулі* [Барташэвіч 1972, №436] и в белорусском заговоре *схватилосся шуро-буро, звалнавалось сине море* (гомель., [Полес. заговоры, №552]). Видимо, из этого сочетания происходит фамилия *Шурабура*. Судя по тведрому [р], из белорусского языка заимствовано сочетание *шуры да буры* в “волочечной” песне из Андреапольского района (*Как поднялися шуры да буры, Шуры да буры – мелкие дожди!* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №113]). Следует сопоставить рифмованное сочетание *шуря-буря*, которое кажется левой редупликацией, с глагольным сочетанием белор. *шуроваў, буроваў* (гомель., [Полес. заговоры, №136]); *шчароваў, буроваў* (гомел., [Полес. заговоры, №137]). Ср. также такой пример:

Шерть-верть - укр., = *круть-верть*, [Гринченко IV: 439], из считалки: *Шерть-верть, бери четверть - выйшло роковé*. Здесь *четверть* ‘четверть’, *роковé*, род. п. *рокового* ‘годовой сбор, собираемый с прихожан священником’.

Считалки содержат так много примеров редупликации, что оказываются единственным жанром русского фольклора, где достаточно регулярно представлена даже левая редупликация: прежде всего очень распространенное сочетание *ишел, вышел* (ср. также белорус. *шышал, вышал* [Барташэвіч 1972, №794]) и его вариант

1972, №795]; неполная редупликация *торба орба* (ср. также *тэус эус*, синхронно непроизводный, но исторически из греч. *theos*).

дышла, вышла [Виноградов 1999]; другие примеры из Г.С. Виноградова: *тыкинъ выкинъ* (с разнообразными вариантами, такими как *дикинъ выкинъ, дыкинъ выкинъ, чикинъ выкинъ, зикинъ выкинъ, зыкинъ выкинъ*), *тарин-барин, тончик-звончик, шерба верба, шарин барин, шальчик-мальчик, чуха муха, жилезь вылезь, кондарь-бондарь* (мы слегка унифицируем довольно разнообразную пунктуацию примеров, прежде всего исключая запятые)

Для *мезинцы/мезенцы* (ср. рус. диал. *мезенец* ‘мизинец’) отмечена неполная левая редупликация (и точная, и неточная): *зенцы мезенцы* (варианты: *синцы мизинцы, чинцы мизинцы* (2), *стринцы мизинцы, цынцы мизинцы*, ср. возникший отсюда непроизводный *синчик (зинчик)-минчик*) [Виноградов 1999].

Для таких удивительных сочетаний, как *мыкин выкинъ* и *мышел-вышел* [Виноградов 1999] можно дать следующее историческое объяснение: по каким-то причинам фонетическое объяснение левой редупликации типа *тыкинъ-выкинъ, шишел-вышел* затемняется; при этом направление редупликации по традиции сохраняется, но на нее генерализуется замена первого согласного на [м], которая становится формальным показателем редупликации, без всякой связи с фонетической моделью¹⁷. Нечто подобное демонстрируют и укр. *шишов, вийшов* в считалках (наряду с регулярной редупликацией *шийшов, вийшов*) - видимо, *шишов* перестает восприниматься как копия *вийшов*, и поэтому имеет “русифицированную” форму (впрочем, возможно, здесь упрощение формы в копии связано с универсально известной меньшей маркированностью редупликанта).

Легко заметить, что левая редупликация встречается только у слов, которые начинаются на губную согласную фонему. Правая редупликация, используя губные фонемы, в одних случаях вообще невозможна (*махнул-махнул* было бы просто неотличимо от точного повтора), а в других случаях не обеспечивает достаточного контраста (например, в *вышел-мышел*, хотя такой повтор и встречается иногда в считалках, или в **махнул-вахнул*). Это подтверждает высказанное выше наблюдение о

¹⁷ Другие примеры левой редупликации в меньшей степени надежны: *шорба-торба* (2), *пирка ирка, сугол угол*, белорус. *Колга, Волга* [Барташэвіч 1972, №866]; неполная неточная редупликация: *пошина, горошина*; неполная точная (редуликанд начинается на зубной или кластер с исходом на зубной): *ульчик-стульчик; ин клин; ик-миг, ончик клёнчик; ам дам; аю раю; орба-торба* (2), казач. *ин, клин* (8), гомель. *ин-блин* [Топорков 1998, 3г].

том, что для строения неточной редупликации очень существен механизм фонологической диссимилиации.

4.5. Немотивированная редупликация

Ясно, что фонетические закономерности строения рифмованных сочетаний свободнее всего проявляются в немотивированной редупликации. Она прежде всего характерна для таких текстов и фрагментов текстов, в которых фонетика играет более важную роль, чем семантика. В песне это прежде всего “заумный” зачин или рефрен:

Кушивáры, мушивары - смол. песня *Кушивары, мушивары, Извозчики, винералы, Ох и тые чернецы - московские подлецы*, [СРНГ 16:195].

Шалаги-малаги - Тихвин. Новг., припев: *Шалаги-малаги, ходила по мосту, белому погосту*, [СРНГ 17:317].

Цюлі, люлі – белор. рефрен в колыбельной (Барташэвіч 1972, №19); ср. схожие образования, которые затруднительно считать редупликацией - *цюці, люлі* (№281), *цаца-ляля* (№400).

Бессмысленные припевы в необрядовых лирических песнях исследуются в статье [Федорова 1981]. Заумные рефрены (в частности, рифмованные сочетания *шилды булды, шевалды балды, тифиль яфель, ширин да бирин, ширин да вирин*) характерны для песен эротического содержания. В.П. Федорова довольно убедительно объясняет эту особенность тем, что заумь “являлась заменой слов, которые каждый из слушателей мог подставлять по-своему” [Федорова 1981: 41], то есть своего рода эвфемизмом. Для исследования взаимосвязи жанров и использования рифмованных сочетаний в разных жанрах довольно существенно, что эти же сочетания отмечены в современных считалках (*шилды булды, Тифиль Яфель, ширин вырин*).

Особую прагматику имеет заумь в магических текстах: она сигнализирует о принадлежности текста к другому, магическому миру. Для этого достаточно пограничного сигнала, зачина. Много примеров заговорной зауми содержится в статье “Заумь” словаря славянских древностей [Левкиевская 1999], в частности довольно характерное рифмованное сочетание *сарандара, сарандара, марандара, марандара* из болгарского заговора от укуса змеи, *гок-гак* в белорусском заговоре [Левкиевская 1999:280]; в чешском народном театре черт говорит *гурды-бурды, герцум-перцум*. [Богатырев 1971: 144-146]. В записных книжках Е. Замятина 1919-20 г.г. фигурирует цыганский заговор, который начинается со слов *Харлан-барлан, Денис-Борис* [Замятин 2001: 39]. Что касается собственно русской традиции, можно отметить такой интересный жанр, как пародия на заговор в сказке. В одном из вариантов сказки

“Солдатская загадка” у Афанасьева солдат дает бабе зуб со следующей инструкцией: *станешь ши мешать, приговаривай “Шуні да буні, будьте ши солоні!” Муж придет, будут шлепанцы-хлопанцы.* Вернувшийся муж, в сердцах колотя ложкой по жене, приговаривает *шуні да буні, да солоно буди* (Ветл. Костром. [СРНГ 34:170]).

Наблюдается удивительно много примеров считалок с заумным зачином, часто содержащим характерные рифмованные сочетания, вроде *шуні-буні, чокон-бокон, аболь-фоболь*. Предполагается, что считалка генетически восходит к заговору и, соответственно, заумный зачин считалки имеет то же магическое происхождение. Естественно, к заговору/ считалке близки и такие микротексты, как “присказка в игре при угадывании количества часов до вечера”: яросл. *Чéчелю, помéчелю, долго ли до вечера* [Мельниченко 1961:215].

4.6. Рифмованные сочетания в загадках

В считалках бессмысленные сочетания, вроде *эники-беники*, подчас осмысляются как имена. Точно так же в пограничном состоянии между бессмыслицей и номинацией находятся заумные слова, которые используются как субститут загаданного слова в загадке, например *пришла кувахта, просит мутавта* ‘баба и цеп’ (без указ. места, [СРНГ 15: 389]), *пошел я на тухтухту, взял с собой тавтавту* ‘охота, собака’ [Мартынова 1997, №1752]. В русской загадке *Пришел шуру-муру, унес чики-брики* [Мартынова 1997, №1751] речь идет о волке и овце (в украинском варианте овца обозначается как *штрики-брики*, в польском как *skiki-bryki*). Кроме того, волк обозначается как *жалта-балта* [Гура 1997: 35]. Те же функции может выполнять немотивированная редупликация и, к примеру, в болгарских загадках, где *гънда-мънда* обозначает овцу [Георгиева-Стойкова 1961: 36-37]. Другие примеры редуплицированных форм в загадках:

Далда-балда - укр. в загадке ‘свинья’ [Гринченко I: 356]; от *балда́* ‘большой топор’, ‘неуклюжая, неповоротливая женщина’ [Гринченко I: 24].

Коктырек, моктырек - в загадке про телегу: *четыре стукоты, четыре брякоты, два коктырька, два моктырька, да еще коктырек, да еще мокрытек* (Ялутор. Тобол., [СРНГ 14: 103]).

Кохты́рь-нохты́рь - Чебокс. Казан., из скупой атрибуции “в загадке” нельзя понять, что замещается этим сочетанием [СРНГ 15: 121].

Курган мурган - видимо, в загадке про овес: *На кургане, на мургане стоит курица с серьгами* (Мешов. Калуж., [СРНГ 18:353]). Этот повтор предлогов - типичный для языка фольклора повтор предлогов внутри именной группы, вроде *во уста в сахарные, во городе во Киеве*. Однако это означает, что *курган-мурган* является скорее не словоформой, а словосочетанием. Другие варианты этой загадки: *На кургане-вергане стоит курочка с серьгами* (овес, [Морохин 1986: 308]), *На кургане-варгане стоит курочка с серьгами* (овес, [Морохин 1986]),

Мотовило котовило - новг. 'вихрь' [СРНГ 15: 109]; *мотовило, косовило* том. 'гром' [СРНГ 15: 62]. Оба этих названия являются яркими исключениями из законов строения рифмованных сочетаний (т.к. губная фонема здесь стоит в начале первого, а не второго слова).

Сусяно, мусяно - 'радуга': *Сусяно, мусяно, до небу протянуто* [СРНГ 18:365]. Видимо, мотивировано словом *сусло*.

Тюрь-юрь - *Вышел тюрь-юрь на Егорьев день, вынул тюрь-юрь две головы, двенадцать ног, оловянный нос, копопляный хвост* (загадка о пахаре; как предполагается в [Иванов, Топоров 1975: 71], *тюрь-юрь* является трансформацией имени *Юрий*).

Чирандо-выранто - сев.-рус. 'ручей'. Заумным это сочетание стало только в русской языковой среде, т.к. этимологически оно представляет собой сочетание квазисинонимичных карельских корней *cirize, verand* 'трещать, звучать', т.е., возможно, парный глагол [Орел 1977: 321].

Шитавила-битавила - моск. 'сорока', далее могилев. *шылдавила-былдавила* [Дурново 1902]; так же, *шитовило-битовило* или *шитовило-мотовило*, называлась в восточнославянских загадках ласточка [Гура 1997: 630], [Мартынова 1997, №1771]. В [Левкиевская 1999] было высказано предположение, что название ласточки *шитовило-мотовило* мотивировано ее быстрыми движениями (она, видимо, *мотается*); к сожалению, это предположение не удастся экстраполировать на всю группу сходных номинаций - *мотовило, мотовило котовило/ косовило* (см. выше), *шило-мотовило*. Самое непосредственное сходство с *шитовило мотовило* имеет, конечно, сочетание *шило мотовило*; можно предположить, что *шило мотовило*, чтобы подстроиться под стандартную редупликативную модель, преобразовалось в *шитовило мотовило*. Все загадки с мотовилом имеют очевидное текстуальное сходство¹⁸: *Шитовило, битовило,*

¹⁸ Ср. отклоняющиеся от общей модели тексты: *Шило-мотрошило без углов избу сомшило* (ласточка гнездо свила) [Мартынова, Митрофанова 1986, №595]; *Шило-мотовило, под землей ходило, перед солнцем стало и шляпу сняло* (гриб) Ишим. Тоболь. [СРНГ 18: 299].

по-немецки говорило; спереди - шильце, сзади - вильце [...] (ласточка, краснояр., [Морохин 1986: 349]), *Шило мотовило под небеса подходило, по ниточке говорило* (змея), *Шило мотовило, по-немецки говорило, в небеса уходило* (журавль, с примечанием к интересующему нас сочетанию - “клюв, шея”), *Кумово мотовило под небеса уходило* (дым) [Даль 2: 358], *Кривое мотовило под небеса уходило, по-немецки говорило, по-татарски говорило* (журавль) [Мартынова 1997, №1779]; *Мотовило котовило под небеса полетело, по-немецки говорило* (вихрь) [СРНГ 15: 109], *Мотовило, косовило по поднебесью ходило, всех устрашило* (гром) [СРНГ 15: 109]. В одном тексте мы встречаем точный повтор на месте ожидаемой редупликации: *Мотовило, мотовило, под небеса уходило; шло да шло и домой пришло* (очеп у колодца, волог., [Морохин 1986: 342]). Можно обобщить приведенные тексты следующим образом: *мотовило* передвигается *под небеса* и говорит на иностранном языке. Видимо, для правильной интерпретации этих текстов нужно обратиться к значению самого слова *мотовило*. Это слово в славянских языках прежде всего обозначает снаряд для сматывания пряжи с веретен, самый простой тип этого устройства - палка с перекладиной на одном конце и развилкой на другом, основное переносное значение - ‘неловкий или непостоянный человек’, связанное прежде всего с *мотаться*; однако зафиксирован и несколько иной путь переосмысления мотовила - рус. диал. арханг. и карель. ‘высокий тонкий человек’ [СРНГ 18: 299]. Разные загадки, несмотря на текстуальную близость, несколько по-разному используют метафору мотовила: резко расщепленный хвост ласточки напоминает развилку мотовила, а длинная шея журавля напоминает мотовило просто как длинную палку; для большинства загадок, как для диалектного значения ‘высокий тонкий человек’, существенно то, что мотовило - длинная тонкая палка (и этим она напоминает змея, дым, очеп).

Шурки-юрки - моск., ‘брусок’ [Дурново 1902].

4.7. Рифмованные сочетания в скороговорках и в качестве эвфемизмов

Можно предполагать, что рифмованные сочетания были характерны для речевых жанров вроде скороговорок, произносимых шулером на рынке. Нам известно два таких примера из записей Е. Иванова (начало XX в.):

Ходите, гуляйте дальше, звезды считайте, воробьев не пропускайте, а ворону увидите – за курицу не примите! Ха-ха-ха! Курица да ворона – сродственные меж собой, пернатое царство. Шурьга-мурьга, хлеба коврига, а я... (пропуск в записи ввиду быстроты произносимых слов). [Иванов 1982: 161] (видимо, редупликация от

муры́га ‘непутный человек, негодяй, ёра, мошенник’ [Даль 4: 669]; впрочем, возможно, это сложение со словом *мурыга* ‘хмурый, надутый человек’ [СРНГ 18: 361]).

Шла барыня с кавалером, сделала шик-мык, никому не говори, старик, что обманываю – на водку дам [Иванов 1982: 159].

Не беремся здесь строить предположения относительно того, что именно сделала указанная барыня, однако такое употребление кажется возможным охарактеризовать как эвфемистическое. Эвфемизм подобен субституту в загадке, т.к. не отсылает к значению непосредственно, а заставляет его восстанавливать; бессмысленные слова, в частности немотивированная редупликация, довольно естественны в этой функции.

Эвфемизм *килди-милди* ‘причинное место’ известен из текста Кирши Данилова: *Пустился недуг с сердцу – а пониже ее пупечка да повыше коленечка, между ног килди-милди* [Кирша Данилов, №2, 50, 51]; тюркская этимология изложена в [Аникин 2000: 288]. Рифмованное сочетание *толды-вселды* также употреблено у Кирши Данилова в эротическом контексте: переодетая жена боярина Ставра Годиновича так объясняет мужу, который ее не узнает: *А доселева мы с тобой свайку игрывали: у тебя-де была свайка серебрянная, а у меня кольцо позолоченное, - и ты меня поигрывал, а я тебя – толды-вселды!* [Кирша Данилов, №15, 139]. Как пример редупликации в качестве эвфемизма в современном разговорном языке можно привести устойчивое выражение *в рот меня чих-ных* ≈ ‘черт меня подери’; ср. *чих-ных* ‘раз-раз, шлёп-шлёп и т.п. (в знач. быстро, тотчас)’ [Елистратов 2000: 539]. Семантика быстроты как торопливости, небрежности есть в рассмотренных выше (1.3) наречиях – ураль. *шыры-пыры*, белор. *цапу-лапу*.

4.8. Имена и названия

Еще одним микротекстом, где позволительно не выражать никаких смыслов, являются придуманные имена и названия. Это имена парных персанажей: имена русских клоунов *Бим* и *Бом*, имена у В. Хлебникова в “Царапине” *Ри* и *Ро* [Григорьев 2000: 421], имена героев Л. Кэррола в переводе Демидовой *Труляля* и *Траляля*; двухчастные имена и названия: *Карабас-Барабас* (герой сказки про Буратино, А.Н. Толстой), *Чунга-Чанга* (остров в мультфильме), *Шао-Бао* (украинская поп-группа), в частности торговые марки, вроде *Хубба-Бубба* (российская жевательная резинка).

Можно привести несколько фолькорных рифмованных имен:

Турлы́-мурлы́ - *Турлы́-мурлы́ железный нос*, сказочное чудовище, которым пугают детей [Фасмер 4:124].

Ку́шка-машка – значение неясно (*Кушку-машку сотворили и всю ночь прогарцевали*, сказка, [СРНГ 16: 196]). Что такое *кушка-машка* и является ли это редупликацией, из контекста неясно.

Шаха-Ваха - белор. *под кустом жмея Шаха-Ваха* (гомель., [Полес. заговоры, №679])

Редупликация часто используется в качестве обращения к детям; этот класс случаев особенно продуктивен, однако и особенно эфемерный – такие окказиональные или индивидуальные формы записываются разве что случайно. Особенно широко распространено обращение *ути-пути*, вот еще несколько немотивированных форм: *ку́тя-му́тя, кы́ры-мы́ры, тру́нды-мру́нды*.

коршенёк-моршенёк ‘ласковое название кого-либо’ (кирил. новг, СРНГ 15: 33)

Обращение *ку́ся-пу́ся* (в разговоре мамы с ребенком) является, видимо, мотивированной, левой редупликацией, то же можно сказать и о следующей форме:

Сюсик-пусик – название мороженого, выпускают в Московской обл. (п. Красная Пахра). Мотивирующим здесь является скорей вторая часть (ср., в частности, обращения *Кусик* и *Пусик* в фильме “Девушка без адреса”).

Таких “детских” форм обращения могут использоваться и во взрослом языке:

Кролики-маролики - женщина среднего возраста (москвичка, литературовед) употребляет в качестве обращения к молодым людям.

Казя́-базя́ – рус. разг., можно рассматривать как редупликацию (с заменой инициали на [b]) от несуществующего *к<a>зя, которое происходит от *коза*.

Видимо, обращениями являются и такие примеры:

Кось-мось-бры́чка - кумыш. симб. ‘о заносчивом хвостуне’ [СРНГ 15: 96].

Фигурка-мигурка - не совсем ясен контекст: *Фигурка-мигурка моя!* [СРНГ 18:153].

4.9. Немотивированная редупликация в различных жанрах

В заключение скажем несколько слов о взаимосвязи разных фольклорных жанров и микротекстов, рассмотренных выше. Следует учитывать, что одни и те же тексты подчас существуют и как считалки, и как “песенки”, “потешки” и др. Например, “потешка”, начинающаяся со слов *Курило-мурило, Фома, Ярмила...* [Ананичева и др. 2001, №43], записана также как считалка [Морозов и др. 1997: 175]. Трудно сказать, является ли *курило-мурило* в этом тексте мотивированной редупликацией. А такой

зачин “песенки” - *Аки-драки, три татаки!* [Ананичева и др. 2001, №110] - тоже очень похож на зачин считалки, хотя прямого соответствия нам и не удалось отыскать.

Для работ по фольклору довольно характерно строить генетические построения, связанные с отдельными жанрами, на основании наличия в этих жанрах зауми. Например, в специальной литературе существовала дискуссия относительно того, можно ли генетически возводить бессмысленные номинации в загадках к тайным языкам и к табу (такое предположение высказано в [Аникин 1957:56-61], оно оспаривается в многочисленных публикациях В.В. Митрофановой). С другой стороны, в работе [Федорова 1981] разрабатывается гипотеза о том, что заумные сочетания в эротических песнях происходят из песен скоморохов.

Кажется, что необходимость в таком специальном сближении вообще отпадает при рассмотрении всего этих номинаций в загадках в контексте всех фольклорных жанров, использующих заумь. Наверное, то общее, что есть в этих заумных текстах - это некоторая загадочность и асемантичность, то что воспроизводил Велемир Хлебников, используя в пьесе “Ночь в Галиции” немотивированную редупликацию: *Пиц, пац, пацу, // пиц, пац, паца;* хор русалок: *Шагадам, магадам, выкадам.*

Глава II. Парные сочетания полнозначных слов

1. Общие вопросы строения парных сочетаний

1.1. Между редупликацией и сложением

Граница между редупликацией и сложением не может быть вполне четкой, потому что она связана с таким сложным понятием, как мотивированность (членимость), которая обычно допускает разные промежуточные случаи.

Промежуточные случаи можно считать особого рода сложениями, в которых один из элементов так или иначе теряет свою независимость и полнозначность, становится связанным. Описательные грамматики часто только констатируют тот факт, что слово не имеет самостоятельного употребления, не раскрывая причину такой ситуации; это явление в целом очень распространено в парных сочетаниях (например хинди *ka:m-ka:j* ‘дело, работа’, ‘занятие, повседневный труд’ [Бархударов 1963: 39], рутуль. (лезгинск.) *мыкь-мыс* ‘трудности’ и др. [Махмудова 2001: 91]). Связанные и десемантизированные элементы сочетаний можно расклассифицировать на следующие типы:

а) слово, частично или полностью вытесненное из языка, но имеющие диалектные или иноязычные соответствия (например, *юдо* в русском *чудо-юдо*, сопоставимое с болг. *юда* ‘русалка, волшебница’). Подобные случаи хорошо документированы в тюркских языках, ср. например [Тенишев 1976: 116]. В коми-зырянском сочетании *кцмкот* ‘обувь’ (выступает в составе парного слово *кцмкот-платтьё* ‘одежда и обувь’) второй элемент в современном языке употребляется лишь в обрядовых текстах применительно к погребальной обуви (имея при этом хорошие этимологические параллели). [Лыткин, Гуляев 1970, Егорушкина 2000]; диалектное слово *мурава* ‘молодая трава’ знакома носителям современного русского языка в основном по сочетанию *трава-мурава*. После исчезновения слова из языка сочетание часто можно отнести к нерегулярной редупликации. Верно и обратное: нерегулярные редулицированные формы могут этимологически восходить к сложениям. Например, в связи с *солнце-блонце* (/солнце-бронце) в русских считалках следует обратить внимание на македонский фольклорный текст: *Сѣнце, бѣнце// Богороо јајце* [Јашар-Настева 1978: 41]. Замена

согласного на [b-] при редупликации не имеет аналогии в других македонских примерах. Возможно, в обоих фольклорных текстах (рус. *солнце-блонце, солнце-бронце*, макед. *сѣнце, бѣнце*) представлен реликт какого-то праславянского рифмованного сочетания, где второй элемент утратил самостоятельное значение и подвергся фонетическим преобразованиям, ср. также укр. *сонечко-болонечко* (в загадке, [Березовський 1987: 58]);

б) слово, преобразованное в рифму к первому в результате уподобления фонетического (*няньки-мамки > няньки-маньки*) или морфологического (*шалить и баловать > шаловать и баловать*). В довольно распространенном случае слово получает для рифмы не морфему, а морфологически бессмысленный формант, осколок слова (*по совести, по любов.ест.и*).

в) слово, используемое как более или менее грамматикализованная редупликативная копия, но содержащее отдельный корень (рус. *улица-хуюлица*, белор. диал. туровск. *капуста-хондзюста*). Правда, русский “корень” <хуж> является довольно своеобразной морфемой, потому что чаще всего он используется в брани не для выражения “материального значения”, а только как показатель особого речевого регистра. Что касается туровского говора, то у нас нет данных о продуктивности рассмотренного образования, есть лишь один пример (*шо ты варыш, капусту-хондзюсту або крышаны-хондзяны?* [Крывіцкі, Цыхун, Яшкін 5:251]), мотивированный словом *хондзя* ‘малярия’. Вероятно, грамматикализованные модели вроде русской *хуж-редупликации* могут развиваться из случаев вроде *совесть-любовесть, капуста-хондзюста*.

г) слово, употребленное просто в рифму, без ясной семантической нагрузки (прежде всего в аппозитивных сочетаниях, например в прозвищах-дразнилках вроде *Андрей-воробей*).

Ниже будут подробнее рассмотрены случаи б) и г).

Естественно, сочетание может относиться более чем к одному из выделенных типов: например, русские фольклорные сочетания *чижик-пыжик, каша-малаша* с одной стороны включают неупотребительные в современном языке слова (то есть относятся к типу а), с другой стороны, эти неупотребительные слова, по всей видимости, использованы в них просто для рифмы (то есть сочетание можно отнести к типу г), ср. рус. диал. *пыжик* ‘степной кулик’, *Малаша* - уменьшительное имя от *Меланья*.

Видимо, промежуточные случаи возникают по той причине, что разного рода сочетания (в частности, композиты) фонетически соотносятся так же, как две части редупликативной конструкции. Более того, сходство может усугубляться тем, что два элемента сочетания представляют две формы одного корня, подобно основе и копии при редупликации. Именно так обстоит дело в описанных О. Есперсоном английских “редупликативных композитах” (reduplicative compounds). Например, англ. *wiggle-waggle* состоит из двух частей, которые употребляются самостоятельно и имеют одинаковое значение – ‘двигаться туда-сюда’. При этом первая фиксация *wiggle* – 1225, *waggle* – 1594, а *wiggle-waggle* – 1778 [Thun 1963: 10]. Такое же соотношение в сочетании *rumble-jumble* (1887), из *rumble* (1384) и *jumble* (1661). То есть исторически второй компонент является производным от первого, но не является редупликативной копией.

1.1.1. Фонетическое уподобление

Например, в русском фольклоре отмечено рифмованное сочетание *няньки-маньки*, вторая часть которого является словом *мамки*, фонетически модифицированным под влиянием первой части. В частности, это сочетание обнаруживается в исторической песне о князе Михайло: *И со нянькам, и со Манькам, // И со верным служанкам ...* [Соколовы, №8, №9]; форма *няньки-маньки* также несколько раз встречается в сказке про Царевну-лягушку, записанной Афанасьевым в Шадринском уезде [Афанасьев 1957, № 267]:

(1) *Как уснул Иван-царевич, она вышла на улицу, сбросила козых, сделалась красной дэвицей и крикнула: “Няньки-маньки! Сделайте то-то!”. Няньки-маньки тотчас принесли рубашку самой лучшей работы;*

(2) *А лягушка хитрая ... вышла на крыльцо, вывернулась из козыха и крикнула: “Няньки-маньки! Состряпайте сейчас же мне хлебов таких, каки мой батюшка по воскресеньям да по праздникам только ел”. Няньки-маньки точас притащили хлеба.*

Несмотря на лаконичный комментарий А.Н. Афанасьевым к этому сочетанию (“мамки”), в целом ряде работ оно рассматривается как редупликация. В первых статьях, посвященных редупликации (“искусственному образованию парных слов”) в русском языке ([Джафар 1900] и [Кримский 1928]), объяснение *маньки* из *мамки* приравнивалось к народной этимологии; Н. Н. Дурново тоже вслед за М. Джафаром относит *няньки-маньки* к сочетаниям с “искусственно образованным парным словом”,

[Дурново 1902: 267]. Сочетание *няньки-мамки* в этих статьях не упоминается, однако оно как раз и должно было бы демонстрировать результат переосмысления редупликации (например, *гусли-мысли* объясняются Н. Н. Дурново как сочетание, возникшее “путем переосмысления” из отмеченного наряду с ним *гусли-мусли*). Далее, Ю. Плэн даже совершил подмену и привел сомнительную на русский слух форму *няньки-мяньки* [Plähn 1987], которую повторил В.И. Беликов [Беликов 1990].

В сочетании *няньки & мамки* представлено какое-то из устаревших и диалектных значений слова *мамка* - ‘кормилица, женщина, кормящая грудью не свое дитя’, ‘старшая няня, род надзирательницы при малых детях’ [Даль 3: 302]: “*Няньки, мамки воротитесь...*” // *Няньки, мамки воротились* [Соколовы, №9]; в колыбельных - *няньки да мамки* [Мартынова 1997, №123], *нянькам да мамкам* [Мартынова 1997, №123]. Следует отметить, что рефлекс **татъка* в значениях ‘кормилица’, ‘нянька’ так или иначе существовали или существуют также в чешском, польском, украинском и белорусском, что позволяет предположить достаточную древность такого семантического развития (впрочем, судя по единственному числу слова *мамка* в укр. з *няньком і мамков*, т.е. “с няньками и мамкою” [Чебанюк 1987: 327], оно могло сохранять значение ‘мать’ и в этом сочетании). Похожее сочетание *тяньки & маньки* есть в песне о князе Михайло: *либо тяньки, либо мамки; и со тянькам, и со манькам* [Соколовы, №9]. Еще чаще фиксируется сочетание *нянюшки & мамушки*: в песне про Соловья Будимировича *Гой еси, нянюшки и мамушки, красные сенные девушки! Отвечают нянюшки-мамушки и сенная красная девушка* [Кирша Данилов, №1, 45]; в других песнях *нянюшки-мамушки* [Кирша Данилов, №32, 255; №51, 312]; в колыбельных – *нянюшек и мамушек* [Даль 3: 302], *нянюшки, мамушки* [Мартынова 1997, №17, №21, №121, №131], *нянюшек-мамушек* [Мартынова 1997, №81], *своим нянюшкам, своим мамушкам* [Мартынова 1997, №86], *уж вы нянюшки, уж вы мамушки* [Мартынова 1997, №99], *нянюшки и мамушки* [Мартынова 1997, №21]; укр. *ненько-матінко* [Чебанюк 1987: 162]. Иногда это сочетание выступает с другим порядком элементов. Так, в следующем варианте цитированной выше сказки (№ 269, Саратовская губ.) у А.Н. Афанасьева фигурируют *мамки-няньки*; в колыбельных отмечены *мамушки, нянюшки* [Мартынова 1997, №65], *мамушкам, нянюшкам* [Мартынова 1997, №125], *матушкам, нянюшкам* [Мартынова 1997, №25]; *мамочки, нянечки* [Довженок 1986: 25].

В сочетании *няньки-маньки* мягкая фонема [н'] рифмуется с твердой [м]. То же соотношение представлено в сочетаниях из считалок: *дикинъ выкинъ, зикинъ выкинъ* (ср. более распространенные варианты *чикинъ, выкинъ* и *тыкинъ выкинъ*), *титкин,*

мыткин, а также в шуточной присказке *люди-муди*, в детском *тётя-мотя* – во всех этих случаях парные мягкие зубные фонемы рифмуются с твердым губным. Возможно, следует особо выделить случаи, когда за мягкими согласными следуют гласные заднего ряда – видимо, *м*-редупликация от них затруднительна в русском языке: совершенно естественно образуются *зелень-мельень*, *пиво-миво*, *липтон-миптон* (ср. также укр. *хви́ги-ми́ги*, [Джафар 1900]), но довольно сомнительно звучит *?сёмга-мёмга* или придуманные Плэном *няньки-мяньки* (но допустимо *пряники-шманики*, [Земская и др. 1983: 193]).

Итак, *няньки-маньки* относятся к тому типу рифмованных сочетаний, который точно обозначен в статье Н.Н. Дурново как смешение двух основных моделей (редупликации и сложения, согласно современной терминологии): “существующий синоним к известному слову несколько искажается для большего сходства”. Возможно, какую-то роль здесь сыграло и наличие уменьшительной формы распространенного имени *Манька* (ср. использование заглавной буквы в записи братьев Соколовых - *и со нянькам*, *и со Манькам*, [Соколовы, №8]).

Для многих языков характерно изменение именно второго слова под воздействием первого (“в рифму” к нему). Так можно объяснять ударение в *содóм* и *гомóн* ‘шум, гам’ ([ПОС 7:77], в значении ‘шум’ только *гóмон*, но есть *гомóн* ‘прекращение жизни’, ‘довольно’ - сочетание явно отсылает к библейским городам Содом и Гоморра); ср. ассимиляцию в уйгурских парных словах: *Кыл-тегіл* (< *тöгіл*); *ел-сел* (< *сал*).

Парные сочетания двух незнакомых имен собственных, устойчиво употребляющиеся вместе, преобразуются произвольным образом, то есть изменяться могут оба слова. В сочетании Труфан и Руфан изменению подверглось, возможно, только второе слово: первое имя имело не только формы *Труфон* и *Трифан*, как предполагает Юдин, но и *Труфан* (ср. фамилию *Труфанов*), второе имя, *Руфин*, перестроено в рифму к первому [Юдин 1997: 83]. Пара *Каин & Авель*, вообще довольно часто встречающаяся в заговорах [Юдин 1997: 220], превращается в *Кавель* и *Авель* [Майков 1868:79] или даже *два брата Каер* и *Лаер* [Юдин 1997: 153]. Два святых, св. Власий (епископ Севастийский) и св. Модест (архиепископ Иерусалимский), тоже иногда упоминаются вместе, отчего оба могут претерпеть фонетические изменения: *слава Властью* и *Недостию!* [Елеонская 1994: 156], [Юдин 1997: 86]. Еще более сложную историю приходится предполагать для сочетания *святые угодники Федосий* и *Медосий* [Адоньева 1993: 144] - *Медосий* является результатом фонетического

преобразования является *Модеста* в пару к *Власию*, который в свою очередь уступил место *Федосию* как более точно рифмуящемся с Медосием. Этнонимы, будучи близки именам собственным по своим референциальным свойствам, и ведут себя похоже: сочетание *между чáхи и ляхи* объясняется фонетическим уподоблением первого слова второму (*чáхи* < *чéхи* в рифму к *ляхи*) [Фасмер 4: 319]. В том же направлении продействовала и фонетическая ассимиляция в белор. *с кашчéй, с машчéй* (гомель., [Полес. заговоры, №175]); укр. *кóшчи-мóшчи* (житомир., [Полес. заговоры, №3]), где *кошчи* < *кости*, ср. то же сочетание без ассимиляции: белор. *с косцéй, из мошэ́й, з рíжого мóзгу* (гомель., [Полес. заговоры, №187]); укр. *из костéй, из моцú́й* (житомир., [Полес. заговоры, №144]).

Фонетические преобразования происходят часто наряду с семантической трансформацией: объединением двух “парных” имен в одно сложное имя, обозначающее уже одного референта (см. предыдущий раздел). Так, в Вологодской обл. *Власью-Медосью* молятся, чтобы коровы лучше жили [Адоньева 1993: 11], а в другом тексте отмечена соответствующая *матушка*: *матушка Влася, Федося* помогает сделать, чтобы корова отдавала молоко [Юдин 1997: 133]; как предлагает А.В. Юдин, *Власий-Медосий* стал *матушкой* под влиянием предыдущих слов того же заговора - *матушка царица искра*. Святые Флор и Лавр, которые тоже часто встречаются в заговорах вместе, тоже отмечены как одно сложное имя: *батюшка Флор-Лавер, конский пастырь* [Юдин 1997: 89], птица *Фрёл-орел* тоже, вероятно, восходит к этой паре [Юдин 1997: 170]. Сочетание *Михаил* и *Рафаил* преобразовано в одном заговоре в *Михайла-рахайла* (*Свет Михайла-рахайла, судья праведный*, [Орел 1977: 324]).

1.1.2. Морфологическое уподобление

Несколько иной класс случаев можно назвать морфологической ассимиляцией: сходство достигается тем, что второй элемент сочетания выступает с тем же суффиксом (или с чем-то похожим на суффикс), что и первый, причем в свободном употреблении такой дериват не употребляется (например, в русском отдельно не употребляется слово *бытьё* из сочетания *житьё-бытьё*; в псковском диалекте зафиксировано сочетание *и дубíной и грабíной* ‘по всякому’, причем *грабина* известна только из этого выражения [ПОС 7:164]). Таким образом, из тех случаев, когда в композите наблюдается “связанная” форма корня/ основы (см., например,

[Липеровский 1997: 33]), следует выделять такие, когда корень или основа приобретает особый вид под влиянием соседнего слова.

Укр. *яйце-райце* толкуется как ‘сказочное яйцо, заключающее в себе богатство в виде скота’ [Гринченко IV: 4] - второй компонент является дериватом от слова *рай* с суффиксом *-це*: этот суффикс вообще довольно частотен, но в данном случае его появление мотивировано прежде всего требованием рифмы. Возможно сближение и даже путаница с редупликацией. Например, сочетание *блинчики-сминчики* [Беликов 1990: 82] фонетически похоже на *шм*-редупликацию, но не совпадает с ней (было бы *блинчики-шминчики*). Оно мотивировано и словом *блинчики*, и словом *сминать*. Суффикс *чик* гипотетически возможен и сам по себе, но в данном случае мотивирован рифмой. В диалектном сочетании *цыган-лыган* (ворон. ~ *продал душу за лягушку* [СРНГ 17: 218]) слово *лыган*, зафиксированное только в этом контексте, образовано от корня *лог / лыг* не вполне ожидаемым суффиксом *-ан*. В русских разговорных словах *каляка-маляка* и *каракуля-маракуля* второй элемент образован в рифму к первому (от корней, представленных в глаголах *малевать* и *марать*), причем если в одном случае выделяемый формант вроде бы является суффиксом (*-яка*), то в другом случае это явно бессмысленный “обломок” (*-куля*). Такие же бессмысленные обломки выделяются в разговорных сочетаниях *мастер-лома.стер*, *страсти-морд.асти*, в составе слова *любов.есть* (*не по совести, ни по любовести*, [Киреевский, №71]). В фольклорном *коза-дереза* то образование с формантом *-еза* вроде бы возможно и независимо от данного рифмованного сочетания (диал. *дерезá* ‘раст. подмаренник цепкий’), но всё же выглядит довольно необычно.

Интересны примеры влияния второго слова на первое: это приведенные у Н. Дурново сочетания *шаловать* и *баловать* (из песни: *Как повадилса Параня шаловать и баловать...*) и *шатыль-мотыль*. Корень *шал-*, который обычно выступает в составе *и*-глагола (*шалить*), в соседстве с глаголом *баловать* приобретает суффикс *-ова-*; а *шатыль* содержит корень *шат-* (*шататься*) и редкий суффикс *-ыль*, выбранный в рифму к *мотыль*. В этих примерах влияние происходит справа налево, чем они очень напоминают левую редупликацию. Важно подчеркнуть, что напоминают они левую редупликацию и формально – “основа” тут начинается с губного согласного, а “копия” (вторичный элемент) – с шипящего (как и в случаях вроде *ишшел-вышел*, *шуря-буря*, *шень-пень*). Таким образом, в этих случаях необычное направление влияния обусловлено морфонологически.

1.1.3. Слово в рифму

Тот факт, что второе слово является прежде всего рифмой к первому, проявляется не только на формальном, но и на семантическом уровне. Употребление второго слова часто не имеет или почти не имеет семантической мотивации. Ср., например, сочетание *салатики-мулатики*, которое приводится в [Янко -Триницкая 1968]. Что касается сочетания *ябеда-корябеда*, то вторая его часть выглядит довольно странно: “по остатку” в ней выделяется последовательность <кор>, формально совпадающая с корнем (*корить*), однако семантически, кажется, не предполагающая его выделение. Восточнославянское слово *мята* (*м'ята*) имеет десемантизированное употребление в сочетании со словом *рута* (*Ruta graveolens*): зап.-брян. *рута* ‘травянистое растение’, *рута-мята* ‘то же’ [Расторгуев 1973:232]; укр. *не ходи, не топчи рутки-м'ятки* [Чебанюк 1987: 52]; *під нею рута-м'ята зів'яла* [Чебанюк 1987: 82]; *рута-м'ята кохається* [Чебанюк 1987: 140].

В рифмованных прозвищах, а также в зачине “дразнилок” и “издевок” наряду с мотивированными, явно обидными словами (вроде *Лиза-подлиза*, *Аркашка-таракашка*) нередко используются слова довольно неожиданные, для использования которых, как кажется, не так много семантических оснований (материал приводится по [Виноградов 1998]): *Андрей-воробей* (№55, №96), *Андрюшка-индюшка*, *Андрей-индей* (№1), *Федар-бóббар* (№84), *Алеха-лепеха* (№61), *Любка-юбка*, *Мишка-шишка* (№10), *Аркашка-таракашка* (№25), *Лиза-подлиза* (№9), *Иван-болван* (№67), *Архип - старый гриб* (№1), *Кешка-плешка* (№9, здесь *плешка* означает ‘*repis*’, согласно комментарию Г.С. Виноградова), *Филька-шпилька*, *Матрена - жопа ядрена* (стр. 694)

Подобное начало может быть и у корильных песен (по существу, это те же дразнилки), ср. начальную строку хороводной корильной песни: *Сеня-косеня!*.. [Шейн 1898-1900, №342]. Композиты и, возможно, некоторые редуцированные формы могут также употребляться в качестве прозвищ. См. примеры прозвищ с рифмовкой, где используются и более сложные словосочетания: *Юча-дрюча*, *Юмка-с-сумкой*, *Юмок – губы на замок*, *Еня-Пень*, *Муся-меховуся*, *Юмочка-рюмочка*, *мальчишка-баловнишка* [Занадворова 2000: 267]. Иногда подобные прозвища являются номинациями в нарративных текстах: *Два сына было умных, а третий Ваня-дураня* (Старор. новг., [СРНГ 8:264]), *Лиза-Скандализа* (Л. Кассиль, "Швамбрана").

При том, что выбор второй части в обращениях и в прозвищах иногда бывает относительно произвольным с семантической точки зрения, однако формальные закономерности всегда соблюдаются. Во-первых, это рифма, во-вторых, вторая часть в

таким сложением должна быть не короче первой: часто это более длинное слово (*Андрей-воробей, Аркашка-таракашка, Лиза-подлиза, Колька-миколка, Сеня-косеня, Муся-меховуся, мальчишка-баловнишка, коза-стрекоза*) или даже словосочетание (*Архип - старый гриб, Матрена - жона ядрена, Юмок – губы на замок*). В приведенном выше материале есть лишь два исключения (*ябеда-беда* и *Еня-Пень*), причем одно из них является исключением сразу из обеих закономерностей.

Можно констатировать, что структурная схема обращения в дразнилке инварианта относительно таких оппозиций, как повтор ~ сочетание двух полнозначных лексем, словоформа ~ словосочетание. В функции обращения в дразнилке могут выступать и синтаксически удвоенные имена (*Ваня, Ваня*), и аппозитивные сложения имени и рифмующегося слова (*Лиза-подлиза, Любка-юбка, Мишка-мишка, Филька-шпилька*) или двух рифмующихся слов (*жадина-говядина*), и редуцированные формы (*Федя-медя, Коля-моля*). Видимо, такая же ситуация существует и в некоторых других малых жанрах.

Нильс Тан предлагает рассматривать наравне с редупликацией сочетания, один из элементов которых (обычно второй) употребляется просто “в рифму” (как в *even Stephan* ‘совершенно равный’). Другие слова, где оба элемента семантически мотивированы, в которых рифма является чистой случайностью (*night-light* ‘ночник’), Тан предлагает называть “ложными редупликативами” (*false reduplicatives*). Очевидно, что в любом языке (а особенно в таком языке как английский, где большинство слов довольно короткие) разного рода сочетания могут содержать рифму по чистой случайности. Как случайность воспринимается рифма в заимствованиях (*tactic*), суффиксальных образованиях (*kingling*) и в ряде композитов, прежде всего принадлежащие к известным подчинительным типам композитов (вроде *cookbook* ‘поваренная книга’) [Thun 1963: 12-19]. Нам, однако, кажется более естественным называть ложными повторами (ложными редупликативами) сочетания, действительно промежуточные между редупликацией и словосложением, как это делается в отечественном востоковедении (см., например, статьи сборника [Алиева 1980]).

1.4. Рифмованные парные сочетания

В этом разделе рассматриваются парные сочетания, содержащие рифму и подчиненные известной фонетической особенности, а именно: второе слово этих сочетаний начинается с губного согласного. Мы рассмотрим и известные примеры, и некоторые не отмеченные ранее случаи.

Роман Якобсон в обширном примечании к статье об авангардной поэзии подытожил материал по рифмованным сочетаниям, который уже отчасти был собран в статье Н.Н. Дурново ([Дурново 1902]); повторим основные его примеры: *жил-был, целует-милует, шатается-мотается, сею-вею, шила-мыла* (а также *шильце-мыльце*), *не трошь-не ворошь, калина-малина, Дарья-Марья, сусло-масло* [Якобсон 1979].

Пожалуй, традиционный сказочный зачин *жили-были* (которому посвящена целая монография [Ткаченко 1979]) является самым хрестоматийным примером не только рифмованного сочетания, но и вообще парного глагола в русском языке. Отметим, что существуют некоторые случаи использования этого сочетания в других контекстах, например в любовных севернорусских заговорах: *как рыба не может жить без воды, мертвец без земли, так бы и раб Божий Михаил без Анны не мог ни жить, ни быть* [Адоньева 1993, №566, сходные тексты - №560 и №563] или в полесских заговорах: *тут тебе ня жыть, тут тебе ня быть* (брян. [Полес. заговоры, №225]).

В идиомах обыденного языка довольно необычно используются фольклорные устойчивые сочетания. Например, фольклорное сочетание *шильце-мыльце* (например белоз., из детской игры, *за шильце, за мыльце* [Морозов и др. 1997: 102]) имеет аналогию в рус. разг. *шило-на-мыло* и в диал. карель. *ши ло-мы ло* ‘ничего’ [Герд 3: 278].

Для парных сочетаний в русском фольклоре характерно наличие двух-трех, а иногда и больше сочетаний, первый элемент которых имеет одну и ту же основу (или корень): *спать-дремать ~ спать-почивать, биться-ратиться ~ биться-драться, бить-лупить ~ бить-ломить ~ бить-колотить ~ бить-ранить ~ бить-казнить, бежать-скакать ~ выбегать-выгребать, кричать-реветь ~ кричать-гикать ~ крик-вопливо; стукнуть-брякнуть ~ стучать-греметь ~ стук-звон*. Это связано с семантической структурой сочетания: первое слово имеет обычно более общую семантику, а второе “уточняет” ее. В частности, среди рифмованных сочетаний можно отметить целую серию сочетаний с *шататься* в качестве первого элемента: *шататься-мотаться, шататься-болтаться, шататься-пытаться* и *шататься-валяться*. Довольно часто эти пары используются с отрицанием, например *не увидел старец он, Игренище, во всех четырех во сторонушках никаких людей: не шатаются-не мотаются* [Кирша Данилов, №46, 288-289]. Сочетание *шататься-болтаться* в севернорусском заговоре связывает устойчивость столба с привязанностью коровы к дому: *Вот поставлен столб, крепко-накрепко, не шатаецы, не болтаецы, так и раба Божья ... должна этого хозяина или двора держаться, не шатающи, не болтающи, этого двора держацы* [Адоньева 1993, №247]. Пара *шатать & валять* тоже

встречается с отрицанием: разг. *ни шатко, ни валко, не шатайся-ка, сказал, не валяйсы, во полюшке, трава* [Соколовы, лирич., №455], *ни кавыл ли трава, травушка шатайтца, што шатался, валялся задуша мой* [Киреевский, №32].

Тут нельзя не упомянуть проблему вариативности в порядке следования элементов сочетания. В основном рифмованные сочетания, как и парные слова вообще, обладают характерным свойством “непереставимости” (ср. термин *irreversible binomials*, предложенный в статье [Malkiel 1959]). Однако, конечно, ситуация не такая стерильная, как хотелось бы, часто парные слова существуют в двух равноправных вариантах, различающихся последовательностью. Для рифмованных слов свободная вариативность менее характерна, так что встречая “неправильную” последовательность *валять & шатать* (*ни валяй, ни шатай, мороз, сосну* [Киреевский, №27]) мы имеем смелость просто назвать ее отклонением. Еще одним отклонением, видимо, следует признать *пышет & дышит* (тамб., в загадке *ни пышет, не дышит* [СРНГ 30: 271]), существующее наряду с более правильным фонетически *дыхнуть & пыхнуть* (*ни дыхнуть, ни пыхнуть* [ПОС 10:87]).

Возвращаясь к сочетанием с глаголом *шататься*, упомянем пару *шататься-пытаться*, известную из смоленских “волочebных” песен (вид колядок, исполняется в канун Пасхи). Это записи В.Н. Добровольского: *ишли-брели волочebнички шаталися пыталися* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №105]; *ишли-брели волочebники, Христос воскрес сын Божий, шаталися-пыталася, к своему двору припыталася* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №109]; в СРНГ с атрибуцией “смол., 1890” приводится почти тождественный текст ([СРНГ 31: 362]) и несколько иной его вариант: *яны идут, шатаются, шатаются, пытаются, того села великого, того села богатого* [СРНГ 33:202].

Сочетание существительных *калинка-малинка* известно прежде всего из песенных припевов вроде *калинка моя, малинка моя* [Соколовы, хоров., №368], *раскалинушка, размалинушка* [песня, Нолин. Вят., СРНГ 34:107]. Это сочетание не образует парного слова *калина-малина*, т.к. *калина* и *малина* не являются ни близкими синонимами, ни характерными представителями какого-либо множества; они скорее не сливаются, а противопоставлены в тексте: *ты, большой-ет сын, ссеки калинушку, а середний сын, ссеки малинушку, а меньшей-ет сын, ссеки рибинушку* [Соколовы, рекрут., №602], *на этом-то на кáмёшке кáлина растёт, на этой-то на кáлине мáлина растёт* [Соколовы, обряд., №138], *по мосточкам по калиновым, переводочки малиновы* [Соколовы, обряд., №264]. Для интерпретации калины-малины существенно отметить, что калина в

традиционной славянской культуре символически связана с девственностью и, соответственно, была важным элементом брачной символики [Усачева 1999].

В диалектной фразеологии и в этом случае находим устойчивое сочетание сильно переосмысленным - карель. *в калину да в малину* ‘очень сильно, до алого цвета (о раскаленном железе)’ [Герд 3: 192].

Самое частотное рифмованное сочетание прилагательных в русском фольклоре – это *хитрый & мудрый* с разными вариациями: *она хитрая была и мудрая* [Кирша Данилов, №49, 303], *а и нет меня хитрея-мудрея* [Кирша Данилов, №9, 90]; *хитра-мудра* [Болонев и др. 1997, №9], в волог. загадке *хитру, мудру, недогадливу* [Шейн, СРНГ 21: 18], в заговоре *хитрый да мудрый* [Адоньева 1993:150]; другие морфологические варианты: *я-де тебе хитрея и мудреня* [Кирша Данилов, №9, 91], *загадаю им загадку ни хитрую, мудрину, ниогадливую* [Киреевский, №19: 22-23], *много хитрости, много мудрости* [Соколовы, обряд., №78] (некоторые наблюдения над употреблением пары *хитрость-мудрость* содержатся в [Никитина 1999: 303-304]). Рифма здесь неточная, но чередование [и] ~ [у] встречается в русских рифмованных сочетаниях, например в считалочных сочетаниях *квинтер-кунтар* и *титики, мутики*, в имени сказочного персонажа *Сивка-Бурка* или в рус. разг. *зигзуг* (вариант литературного *зигзаг*).

Сочетание *кутить-мутить* рассмотрено в заметке В.В. Виноградова о глаголе *кутить*, [Виноградов 1968], а в круг примеров на рифмованные сочетания с губным во втором слове включено в статье Вяч. Вс. Иванова [Иванов 2000а]. Это сочетание документировано еще в “Словаре Академии Российской” XVIII века в значении ‘производить смутками (т.е. сплетнями, интригами) между другими ссору’ (*Он, она всеми кутит и мутит*). С тем же управлением, но с другим значением, это сочетание зафиксировано в современном диалекте: иркут. *кути́ть-мутить белым светом* ‘метаться в поисках возможностей нечестных предприятий’ [СРНГ 16: 169]. В “Великорусских народных песнях”, собранных А.И. Соболевским, зафиксировано управление на + винительный падеж: *Все на нас кутит да мутит, все на нас наказыывает*; видимо, то же управление реализовано и в следующем примере сериального глагольного комплекса: *Ой, и плохо вам, собаки, на мою жену рычать, на мою жену рычать, и кутить и мутить, и кутить и мутить, наговаривать* [Виноградов 1968: 113].

Сочетание *кутить-мутить*, а также производные с корнем *мут*, характеризуют, естественно, прежде всего женское поведение: *мутка* ‘сплетня’ (*Где утка* (т.е. баба),

там и мутка (т.е. сплетни) [Даль, пословицы]). Интересна устойчивая ассоциация с поведением золовок: *Свекор-бацко у тебя бранливый, свекровушка ворчлива, деверьицы твои драчливы, золовушки твои мутливы* (Шенк. Арх., записи Киреевского, [СРНГ 19: 28]); *А свекровья на печи – слово сука на цепи, деверья, что кобеля, [...] по-собачью рычат, а золовки-колотовки и кутят, и мутят* [Киреевский, №92];.

В тех же значениях употребляется и сочетание *крутить-мутить* (в СРНГ снабжено толкованием ‘хитрить, интриговать, мошенничать’): *Теца и крутит и мутит*, смол.; *Я ему [завмагу] сказал: не будешь тут крутить-мутить*, себеш. великолук., [СРНГ 15: 327]. И по форме, и по семантике сильно отклоняется от рассматриваемого материала псковская *мутня-крутня* ‘бестолковщина, беспорядок’ (*В его мутне-крутне не разберешь* [СРНГ 19: 29]); семантика ‘беспорядок’ довольно характерна для рифмованных образований: карель. *кучки-вячки* ‘в беспорядке’, [Герд 3: 80], *грóхом-рjáхом* ‘в беспорядке’ [Герд 1: 399], шадр. перм. *ку́ли-мули* ‘неразбериха; что-либо, плохо сделанное’ [СРНГ 16:68].

У слова *кутить* еще в вышупомянутом “Словаре Академии Российской” XVIII века отмечено второе значение ‘вертеть, крутить (о ветренной погоде)’. Это значение фиксируется и у сочетания *кутить и мутить*, в частности в современных диалектах: саран. вятск., новг., арх. *кути́т и мутíт* ‘о выюге’ [СРНГ 16: 169].

Можно привести еще несколько рифмованных пар: *жарить & парить* (известно по крайней мере из строчки *цыплёнок жареный, цыпленок пареный*); карель. *ты́каться да мы́каться* ‘препираться’ [Герд 3: 277]; *шырчать, пырчать* (в загадке: *шырчит, пырчит, в штанах торчит, сверху-то залутилось, красным девкам полюбилось* (незрелый орех, Спасск. Казан., [СРНГ 33:198]); рус. диал. колым. *скуки-муки* (лесоватые прилуки (обрывы) навели нам скуки-муки, 1901, [СРНГ 17: 9], s.v. *лесова́тый*), арх. *горье-море* (*Из-за горья-морья тихой ветерок подувает да корабль выбегает*, [Этерлей 1972: 113]), фольк. *шатается-мотается* (например, *не шатаются-не мотаются* [Кирша Данилов, №46, 289]), *сею-вею* (ср. также более сложный пример *сею, вею, посеваю* [Болонев и др. 1997, №59, 61-65]), моск. *не трошь-не ворошь* (Дурново), ср. *не тронь, не вороши* в сев.-рус. заговоре [Адоньева 1993, №224]; укр. *колю́чы, болю́чы* (житомир., [Полес. заговоры, №200]); белор. *калю́чая, балю́чая* (гомель., [Полес. заговоры, №172]); укр. *там йим гуляньё, буяньё* (житомир., [Полес. заговоры, №526]); укр. *ко́шчи-мо́шчи* и под. (см. материал выше, в разделе

1.3.1.). Конечно, приведенный здесь материал является лишь довольно случайной выборкой, однако едва ли более систематическое изучение тех или иных текстов сможет принципиально изменить общую картину.

1.5. Морфосинтаксический локус

Как отмечено во Введении, Эмиль Бенвенист считал два элемента в двандва-композициях совершенно равноправными [Бенвенист 1974: 242]. Никак не желая оспорить это утверждение в общем случае и не касаясь сочетаний глаголов (попытка выявить синтаксического хозяина в глагольных конструкциях предпринята в статье [Вайс 2000]), мы рассмотрим некоторые частные особенности поведения парных сочетаний существительных и прилагательных в русском фольклоре, релевантные для установления морфосинтаксического ядра этих конструкций.

Для нашего анализа существенным является понятие *морфосинтаксического локуса*. По определению Я.Г. Тестельца, морфосинтаксический локус – это тот элемент конструкции, который “либо морфологически изменяется под влиянием внешнего контекста, либо сам определяет морфологическое изменение некоторых элементов внешнего контекста” [Тестелец 2001: 84]. При таком подходе морфосинтаксический локус определяется по крайней мере по двум критериям, и использование этих критериев теоретически может давать противоречивые результаты. Изначально данное понятие было введено в статье Арнольда Звицкого [Zwicky 1985], где морфосинтаксический локус синтаксической группы определялся как составляющая, в которой выражается грамматическое значение всей группы: например, грамматическое значение глагольной группы выражается скорее во вспомогательном, чем в смысловом глаголе (прош. вр. *был принесен*, наст. вр. - *принесен*, буд. вр. *будет принесен*). Составляющая, которая определяет согласовательный класс всей группы, называлась у Звицкого (*морфологическим*) *детерминантом*. Таким образом, понятия детерминанта и морфосинтаксического локуса изначально были определены как различные, хотя и нередко совпадающие. Мы будем называть детерминант морфосинтаксическим, потому что он определяет не морфологические, а именно морфосинтаксические свойства конструкции.

Применительно к парным существительным в восточнославянских языках нас в основном интересует, какое из двух существительных является морфосинтаксическим детерминантом, т.е. какое из двух слов, имеющих разное значение категории рода, определяет значение этой категории у согласованных слов (прилагательных и

глаголов). В современном русском языке, возможно, род задается вторым элементом парного слова: *В путь-дорогу дальнюю (*дальний) я тебя отправлю* [Тестелец 2001: 85] (здесь и далее выделяется морфосинтаксический доминант сочетания). Однако в фольклорных текстах ситуация несколько иная. Собранный нами материал не позволяет с уверенностью описать закономерность выбора морфосинтаксического детерминанта; надеемся, что дальнейшие исследования прояснят картину. Нам показалось, что в большинстве случаев конструкция, состоящая из слов женского и неженского рода, имеет женский род. Несколько более последовательно это проявляется в примерах, где слово женского рода стоит на первом месте: *заря-белый день в окошечка взошла* [Киреевский, №28]; *я са той таски-препону* [Киреевский, №253], *началась у них драка-бой великая* [Кирша Данилов, №10, 98]; *на ту-то на драку-великой бой* [Кирша Данилов, №27, 231]. Всегда женский род у сочетания *пора-время/ времячко*: *сы каторой пары-время, Ваня, в полюбовь пришел?* [Киреевский, №22:21]; *пришла пора-времячко* [Киреевский, №53]; *на ту пору-времячко матери сына родила* [Киреевский, №178]; *да такой пары-время* [Киреевский, №239]; *во ту пору-времячко* [Соколовы, лирич., №433]; *на ту пору-времячко* [Соколовы, лирич., №434]; *на ту пору-времячко* [Соколовы, лирич., №435]; *когда было молодцу пора-время великая* [Кирша Данилов]. Исключение есть только одно - в примере *на один минути-цяс* [Соколовы, хоров., №365] мужской синтаксический род определяется вторым элементом. Можно предположить, что это связано с более каноническим порядком *час-минута* (ср. *час-минуту* [Соколовы, эпич., №24], *один час, одна минута* [Соколовы, солдат., №627], *ни часу часовать, ни минуты миновать* [Соколовы, заговоры, №4, №5]), который благоприятнее с просодической точки зрения, так как первое слово в сочетании обычно бывает короче второго (впрочем, ср. отступление от этой закономерности в сочетании *на минуту, на цясок* [Соколовы, хоров., №384]). Сочетания, в которых слово женского рода стоит на втором месте, тоже обычно имеют женский род: *учинилася бой-драка тут великая* [Кирша Данилов, №35, 264]; *учинилася бой-драка великая* [Кирша Данилов, №50, 307]; *счастливая да путь-дороженька* [Киреевский, №58], *единая путь-дорожка* [Киреевский, №436]; *пошла-та у них пир-радость великая* [Кирша Данилов]; *сударь ты мой батюшка, не прогневайся, на мою такую гнев и злобу* [Сборник Василия Степанова, №20]. Есть, однако, два исключения: *сударь ты мой батюшка, не прогневайся на мой такой сон да дрему* [Сборник Василия Степанова, №20] (примечательно наличие различного согласования в параллельно устроенных строчках одного и того же текста Сборника Василия Степанова, ср. предыдущий пример); *счастливый путь-дороженька* [Киреевский, №380].

Сочетания прилагательных (как и причастий) интересны тем, что нередко объединяют словоформы в краткой и полной форме. Данное явление теоретически можно связать с понятием морфосинтаксического локуса в узком, первоначальном смысле, если считать краткую форму ущербной с точки зрения выражения морфосинтаксических отношений. Однако это было бы вполне оправдано в том случае, если бы такие рассогласованные сочетания выступали только в атрибутивной позиции, которая при этом требовала бы полную форму прилагательного. Однако, во-первых, в языке фольклора атрибутивная, приименная позиция допускает и краткую форму прилагательного, во-вторых, рассматриваемые случаи встречаются и в предикативной позиции. Тем не менее некоторая “ущербность” кратких форм в этих конструкциях ощущается, и для ее осмысления нужно обратить внимание на сходство этой модели со словосложением. Дело в том, что в сочетаниях краткой и полной форм на первом месте стоит краткая форма, то есть сочетание вроде *стара-прежня* более частотно, чем *старая-прежня*, и кажется естественным связать сочетание *стара-прежня* с композитом *старо-прежня* (тем более, что часто они и не могут различаться на слух). В самом деле, композиты являются вариантами сложений, ср. композит *старо-прежний* (*старо-прежня милáя* [Соколовы, лирич., №578]; *не идёт ли моя да старо-прежня* [Соколовы, солдат., №628]) ~ сочетание *стар & прежний*: *по стару́ да и по-прежнему* [Соколовы, обряд., №251]; *стару, прежнюю любоф* [Соколовы, лирич., №568]; *стару, прежнюю любовь* [Соколовы, лирич., №569]. Если прилагательное имеет средний род, то граница между словосложением и неравноправным сочетанием становится совсем неуловимой, и мы не знаем, как классифицировать примеры вроде *красно зеленое* [Болонев и др.1997, №22, 24], *красно-зеленое* [Болонев и др. 1997, №23], *красно-зеленое* [Болонев и др. 1997, №28, 29, 30, 31, 38], *крашно-зеленоё* [Болонев и др. 1997, №35]. У цветообозначений представлена еще одна модель сложения, где первое прилагательное оканчивается не на -о, а на ноль, то есть совпадает с формой мужского рода. Именно как сложения кажется естественным объяснять формы вроде *бел-горюцим камешком* [Соколовы, лирич., №510], где первый элемент не изменяется; тогда как в примере *што не сиз, не сизенькой голубицк* [Соколовы, лирич., №543] явно представлено сочинительное сочетание. Более многочисленные формы именительного-винительного падежа неоднозначны (*синь-горючий да камешёк* [Соколовы, лирич., №511], *на закуску – бел, крупитчатый пирог* [Киреевский, №62], *на закуску бел-круписчатый пирог* [Соколовы, лирич., №477], *вынимала из кармана бел батистовый платок* [Киреевский, №188]).

Вот другие примеры сочетаний с кратким прилагательным на первом месте: *они злы да лукавые* [Кирша Данилов, №31, 251]; *могучи-сильныя* [Кирша Данилов, №60, 339]; *не могу я горька, бенная* [Соколовы, похоронные причеты, №332]; *горька, бенная* [Соколовы, похоронные причеты, №340]; *горька-бенная* [Соколовы, похоронные причеты, №343]; *сладки, рассыпчатые* [Соколовы, хоров., №401]; *сладки, разсыпчатые* [Соколовы, хоров., №402]; *широкá улка, распаханая* [Соколовы, хоров., №411]; *неженаты, холостые* [Соколовы, хоров., №420]; *прежня, прежняя* [Соколовы, эпич., №42]; *студена зима, морозная* [Соколовы, обряд., №293]; *ласково, приветливое* [Соколовы, обряд., №111]; *в чужу, дальнюю сторонку* [Соколовы, лирич., №488]; *буйна голова гладко **прицёсана**, руса косынька цясто **заплетёная*** [Соколовы, лирич., №492]; *местечко удобно, хлебородное* [Киреевский, №56]; *моя руса-русяя коса* [Киреевский, №163]; *бела, тонкая, высокая, листом широкая* [Киреевский, №183]; *расцветали там твечочки алы-лазоровые* [Киреевский, №242].

Обратные случаи, т.е. сочетания, в которых краткая форма стоит на втором месте, фиксируются значительно реже: *на цюжую, да дальню сторону* [Соколовы, обряд., №248], *на чужую дальню сторону* [Соколовы, обряд., №254]; *дорогие, цестны гости* [Соколовы, обряд., №234]; *бенную, несчастну* [Соколовы, лирич., №428]; *сильной-могуч богатырь* [Кирша Данилов, №27, 231]; *какой сильной-могуч богатырь?* [Кирша Данилов, №50, 307]. *Таня белая-румяна* [Киреевский, №247].

Кроме того, есть несколько разноплановых примеров сочетаний существительных, где один из элементов имеет ту или иную морфосинтаксическую ущербность: либо первый элемент стоит в “нейтральном” падеже, явно не подчиняясь управлению глагола (*со своими няньки-мамками* [Кирша Данилов, №51, 313] - если здесь не представлен старый творительный падеж множественного числа) или не принимая семантический партитив, представленный у второго элемента (*я и суп-каши не варивала* [Киреевский, №235]), либо ко второму присоединяется лишь одинарный предлог, а к первому - двойной (*для-ради пути, для дороженьки* [Кирша Данилов, №26, 223]).

1.1. Модель “2+1” в фольклорных текстах

Важность парных сочетаний для фольклорных текстов очевидна. Однако картина будет несколько искажена, если мы будем рассматривать парные сочетания вне контекста тройных сочетаний, в которых они нередко выступают. Важным

текстообразующим принципом в разных жанрах фольклора является объединение различных элементов в такие тройки, где первые два элемента связаны особенно тесно, а третий отличается от них.

Например, известно, что существует устойчивая пара *гуси & лебеди*. Часто эта пара выступает вместе с утками, при этом утки могут упоминаться первыми: *за утями, за гусями, за лебедями* [Киреевский, №57], однако обычно они замыкают список: *и стреляет гусей, белых лебедей, перелетных серых малых уточек; настрелял он, Дюк, гусей, белых лебедей, перелетных серых малых уточек* [Кирша Данилов, №3, 57]; *настреляй гусей, белых лебедей, перелетных серых малых уточек* [Кирша Данилов, №22, 189]. За калиной и малиной может идти черная смородина: *калина моя, молина, // черная смородина* [Киреевский, №81]; *всю и калину, и малину, и черную смородину* [Соколовы, обряд., №315]; *в калину-малину, в черную смородину* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №49]; за ельничком и березничком – осинничек или, реже, орешничек: *частым ельничком, березничком, // и еще горьким осинничком* [Киреевский, №98]; *мимо ельничка, березничка, мимо горького осинничка* [Соколовы, эпич., №49]; *возле ельничка, березничка, возле горькаво осинничка* [Соколовы, эпич., №50]; *под ельничком, под цястым березничком, под цястым, мелким орешничком* [Соколовы, эпич., №46].

Такие примеры можно было бы умножить. В работе [Архипова, Минлос 2003] на материале сочетаний имен подробно рассматривается, как третий элемент может быть формально противопоставлен первым двум.

Некоторые наблюдения над трехчленными сочетаниями есть в статье [Попова 1985], посвященной нижегородскому материалу. Конечно, высказанная там гипотеза о трехчленных парах как о какой-то локальной особенности совершенно курьезна, но основные закономерности в статье отмечены: 1) трехчленные образования часто состоят из устойчивой пары, к которой присоединен третий элемент, 2) в таких образованиях отмечается “трехчленное нарастание”: каждый следующий элемент уточняет или усиливает значение предыдущего.

1.2. Особенности сочетаний двух имен собственных

Референциальные особенности имен собственных обуславливают существование очень оригинального явления: имена двух парных, то есть часто упоминаемых вместе, персонажей, могут настолько сблизиться, что воспринимаются уже как двухчастное имя одного персонажа, что можно формально опознать по единственному числу относящихся к ним глаголов и приложений. Например, Петр и Павел могут

превратиться в одного верховного апостола [Зебницкий 1907: 1-6]¹⁹ - ср. белор. *пришоў* *Петр́о́ Па́вел* (гомель., [Полес. заговоры, №1069]); *пришоў до их Пэтрó и Паўло́* (гомел., [Полес. заговоры, №138]); в русских сказках библейская пара имен Гог и Магог превращаются в одно имя *Гога-Магога* [Афанасьев 1957, № 318].

Самым ярким русским примером такого “склеивания” является *Кузьма-Демьян*, фигура довольно значительная в русском фольклоре (см. посвященную ему статью [Макашина 1994]). К Кузьме-Демьяну обращались в свадебных обрадах (*Ты, святой Кузьма-Демьян, // Скуй нам свадебку // Крепкую, лепкую* [Добровольский 1893: 197], туль. *Козьма Демьян, скуй нам свадебку* [СРНГ 20: 113]), “если что не ладится” (*Кузьма-Демьян, бессеребряный человек, // Хитрый да мудрый посол пошел, // Сам ко грешному ко мне загляни* [Адоньева 1993:150]), при зубной боли (*Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, [.....] по пути по дороге встретила Кузьму-Демьяна четыре серебрянника. На заре, грешная, спрашивала: ты, Кузьма-Демьян, четыре серебрянника, не болят ли у тебя зубы?..* [Адоньева 1993:109]) и в других случаях (*Кузьма-Демьян, батюшка ремесленный.....* [Зернова 1932: 70], *Кузьма-Демьян сидит в стуле* [Соколовы, заговоры, №29], *Ай взойдет Михайла Архангел Кузма-Димьян сы апостолы* [Киреевский, № 23]).

Если в случае Кузьмы-Демьяна и некоторых подобных мы знаем, что единый персонаж вторичен по отношению к святым бессеребрянникам Косьме и Дамиану, то состав древнерусского пантеона не может быть установлен с достаточной надежностью, и ученые спорят, существовало ли одно божество *Семаргл* или два - *Сем* и *Регл* [Васильев 1999: 97 и далее]. Неясность существует и с более современной демонологией. Известные по заговорам демоны детской бессонницы называются *криксы-плаксы, криксы-вараксы* и под. Так как эти демоны упоминаются лишь в очень ограниченных контекстах, неясно, идет ли речь о разных денотатах (например, *криксах* и *плаксах*) или о множестве однородных денотатов, каждый из которых называется парным словом *криксы-плаксы*. Большинство примеров, с парным словом во множественном числе, никак не может прояснить ситуацию: *крыксы-плаксы, // перестаньтэ ходиты, ей кости ломиты...* [Виноградова 1993: 156]; *Ночницы-зночницы, плаксы-криксы, нате вам крósна бердами ткати, а моей дитынки дайте сон стати*

¹⁹ Неясно, можно ли считать, что Петр и Павел слились в одного персонажа у украинцев Покутья, которые обращаются к улитке *Петре, Павле, выстав роги, на чотыре пороги*. Следует учесть, что улитка называется в украинских диалектах *петрик* или *павлик* [Гура 1997: 397].

[Виноградова 1993: 158]; *Лисовик-дед, лисова баба! Возьмите свои крыксы-зыксы...*, [Виноградова 1993: 157]; курск. *крыксы-вараксы*, смол. *крыксы-вириксы* [СРНГ 15: 255], [Виноградова 1993: 155], белор. *придзите, возьмице крiксы, плáксы, вярáксы* (гомель., [Полес. заговоры, №74], с комментариями к слову *вярáксы*). Однако есть и примеры, релевантные с точки зрения интересующего нас вопроса: с одной стороны, сочинительные сочетания (вроде рус. *Плакса и Крикса* [Юдин 1997: 232], *заря Вонска, заря Крикса* [Юдин 1997: 158], белор. гомель. *плáксы и крiксы* [Полес. заговоры, №92]) предполагают наличие двух разных денотатов с двумя разными именами, с другой стороны, двойные наименования в единственном числе (например, *Плакса-Варакса* [Юдин 1997: 232], орл. *крикса-плакса* [СРНГ 15: 255]) указывают на то, что двойное наименование может применяться к единичному демону. Ср. семантическую неоднозначность сочетания *сон & дрема / дремота* в колыбельных - иногда это парное слово (*Еще сон-дремота навались на тебя*, [Мартынова 1997, №45]), и иногда - два разных персонажа (*Сон ходит по лавочке, а дремота - по куте* [Мартынова 1997, №24]).

Другой исторически и типологически очень интересный путь грамматического развития именных пар - возникновение у них множественного числа: *святые власье и клименты великомученики*.. [Адоньева 1993:148], *Кузьмы-Демьяны* [СРНГ 16: 27]. Повтор показателя множественного числа в конструкции с двумя именами собственными (вроде *бориса и глеба*) хорошо известен древнерусскому языку (см. [Жолобов, Крысько 2001: 35-37, 104-110, 162-164]). Данная русская особенность возводится к индоевропейскому наследию из-за наличия сходных форм в древнеиндийском [Жолобов, Крысько 2001: 35], однако можно сопоставить эти формы с уральскими формами избыточного множественного числа в парных сочетаниях. Например, по-мансийски смысл “Мы читаем книги, написанные Марксом и Энгельсом” можно высказать следующим образом:

<i>Man</i>	<i>Marks.yg</i>	<i>Engel's.yg</i>	<i>xans.um</i>
мы	Маркс.ДУАЛ	Энгельс.ДУАЛ	писать.ПРИЧ.ПАСС.
<i>kn'iga.t</i>	<i>lovin't.ev</i>		
книга.МНОЖ	читать.НАСТ1МНОЖ.		

В мордовском оба элемента парного слова присоединяют окончания, в частности, окончание множественного числа в сочетании “отец-мать”, означая ‘родители’; сходные примеры известны и из других уральских языков [Wälhli 2003: 2, 43-45].

Сходство (древне)русских и индо-иранских (ведийских и авестийских) конструкций с уральскими позволяет предложить ареальное объяснение взамен генетического, гипотетически связав их наличие с влиянием уральских языков.

2. Устойчивые сочетания глаголов в традиционном восточнославянском фольклоре

Ниже мы рассматриваем как сочиненные группы (например, *бежал и торопилсе*), так и более слитные сочетания глаголов вроде тех, что называются “парными словами” или, более специально, “парными глаголами” (например, *кричать-реветь*). Наша цель состоит в том, чтобы указать на некоторые закономерности строения таких сочетаний в традиционном восточнославянском фольклоре (в материал также включены некоторые идиоматические сочетания из современных деревенских диалектов). В основном мы проанализируем глагольные сочетания, а также производные других частей речи с теми же корнями. В первую очередь мы рассматриваем относительно устойчивые сочетания, обладающие свойством “непереставимости” (ср. термин *irreversible binomials*, предложенный в статье [Malkiel 1959]), причем интересуется нас не столько то, почему данные слова (чаще всего это пары) объединены в сочетание, сколько то, почему они стоят именно в таком порядке. Судя по всему, некоторые из рассматриваемых закономерностей довольно универсальны, другие – специфичны для рассматриваемых текстов, однако мы не ставим перед собой цель последовательно отделить универсальные черты от специфичных.

Существенным недостатком предпринимаемого нами анализа является то, что мы неизбежно экстраполируем на этот язык те представления о значении и употреблении слов, которые имеются у нас как у носителей современного русского языка. Однако представляется, что такая экстраполяция должна скорее давать некоторую погрешность, чем полностью затемнять картину.

Во Введении мы уже обсуждали проблему классификации парных слов, поэтому в этом разделе мы лишь внесем некоторые уточнения.

Сочетание двух глаголов может называть либо два разных факта, либо единственный факт. Например, в сочетании *плакать-рыдать* или *журить-бранить* два квазисинонима по-разному называют один и тот же факт. Оказывается, что чаще всего в таких сочетаниях второй глагол имеет более частную семантику, а первый является более общим синонимом – такие пары мы называем “действие-уточнение” (например, *убил застрелил*). В парах *плакать-тужить* или *ходили-хлопотали* два предиката

называют два разных, хоть и синхронных, факта. В частности, выделяются случаи, когда второй предикат называет параллельное действие, совершаемое на фоне первого (как в случае *ходили-хлопотали*, например). Нам особенно интересен тип сочетаний, который мы назвали “действие-интерпретация”: первый предикат описывает физический факт, доступный непосредственному наблюдению (*идти, скакать, плакать*), а второй предикат дает этому факту концептуальную интерпретацию или оценку, указывает на причину (*ходить-гулять, скакать-плясать, плакать-грустить*). Кроме того, есть особый тип сочетаний - “суммирующие” пары. Их элементы не являются (квази)синонимами, однако можно предполагать, что пара предикатов обозначает один факт как некоторую сумму двух фактов. Ясных примеров суммирующих сочетаний среди глаголов не так уж много. Это *пить & есть / поить & кормить* (и другие производные), *обувать & одевать* (а также *разувать & раздевать*) и *ходить & ездить*.

2.1. Тип ‘действие-уточнение’

Как уже упомянуто выше, в квазисинонимических парах наблюдается следующая закономерность: первое слово имеет более общую семантику, является более нейтральным и употребительным, чем второе:

Знать & ведать: *не знаешь-не ведаешь* [Кирша Данилов, №6, 75; №8, 83]; *знаю-ведаю* [Кирша Данилов, №22, 191]; *не знаю и не ведаю* [Соколовы, эпич., №42]; *знаю, ведаю* [Соколовы, обряд., №73, 211], *да ты сама знаешь ведаешь* (Соколовы, обряд., №172); *не знаю да и не ведаю* [Соколовы, обряд., №277]; *знаю, ведаю* [Соколовы, похоронные причеты, №329], *и не знаю, и не ведаю* [Соколовы, похоронные причеты, №343]; но ср. белорус. *не ведаць і не знаць* [Крывіцкі, Цыхун, Яшкін 1:108].

Плакать & рыдать: *заплакали, зарыдали* [Соколовы, эпич., №10], *плакала, рыдала* [Соколовы, эпич., №48; лирич., №455]; *от меня пошла – заплакала, по сеням пошла – зарыдала* [Соколовы, обряд., №218]; *наплакалась, нарыдалась* [Соколовы, хоров., №408]; *плакучи, рыдаючи* [Соколовы, лирич., №428]; *заплакал-то слезно, зарыдал* [Соколовы, лирич., №470]; *они плакали-рыдали, платком слезы утирали* [Киреевский, №34]; *расплакались, разрыдались* [Киреевский, №36:31]; *ни плачь, мати божия Маря, ни рыдай, мати божия присвятая!* [Киреевский, №39: 36-37]; *плакала, рыдала, заливалась слезами* [Киреевский, №124]; *она плакала, рыдала, со слез речка протекла* [Киреевский, №188]; *плакала, рыдала* [Киреевский, №386]; *окроме плачу-*

рыдания [Сборник Василия Степанова, №2]; *ты не плач, не плач, свет Сын Божий, не рыдай, мой возлюбленный* [Сборник Василия Степанова, №9]; *я учну ли горко плакать и я слезно возрыдати* [Сборник Василия Степанова, №23]; *плакать-рыгáть* = плакать-рыдать (песня, смол., [СРНГ 35:302]); ср. белор. *плакала, рыдала* [Барташэвіч 1972, №665].

Шуметь & греметь: рус. *не шум шумит, не гром гремит* [Киреевский, №35]; *ни шум шумит, ни гром гремит* [Киреевский, №254]; *пошел стук, пошел гром* [Киреевский, №305]; *бежит речка, не шумит, по камушку не гремит* [Киреевский, №469]; *не шумят, не гремят* [Болонев и др. 1997, №29]; пск. *голова моя шумит и гремит, шумит и звонит* [СРНГ 7: 132]; ср. также укр. *шумить-гуде, дощик іде* [Чебанюк 1987: 179].

Одним из следствий указанной закономерности является наличие ряда пар с одним и тем же первым компонентом достаточно общей семантики (ведь в синонимическом ряду самых общих, нейтральных слов обычно меньше, чем более специальных)²⁰:

Биться & ратиться: *биться-ратиться* [Былины Печоры, №19:168]; *не биться, не ратиться* [Былины Печоры, №19:172]; *они бились ночью, ратились* [Былины Печоры, №19:282]; *биться-ратиться* (печорские былины, [СРНГ 34: 338]).

Биться & драться: *биться-драться* [Кирша Данилов, №10, 98]; *бились-дралися* [Кирша Данилов, №14, 131]; *биться-драться один на один* [Кирша Данилов, №20, 179]; *он бьется-дерется целой день* [Кирша Данилов, №26, 224]; *билася-дралася* [Кирша Данилов, №27, 231]; с другим порядком: *дерутся-бьются* [Кирша Данилов, №10, 99]; *дерется-бьется* [Кирша Данилов, №10, 100]; ср. белорус. *і б'юцца, і дзяруцца* [Барташэвіч 1972, №588]; *б'юцца-дзяруцца* [Барташэвіч 1972, №429].

Биться & драться & рататься: *побиться-подрасться и порататься* [Кирша Данилов, №26, 225]; *побиться-подрасться-порататься* [Кирша Данилов, №58, 328]. Отметим, что в сочетании с глаголом *драться* выступает морфологический вариант *рататься*, а после *биться* – вариант *ратиться*. Это обусловлено рифмой.

Бить: рус. *бить-лупить* [Былины Печоры, №12:153]; *розбил-розломал* [Былины Печоры, №25:18]; *и бьет их, ломит, вконец губит* [Кирша Данилов, №25, 218]; *бить ломить (а он ведь бил-ломил коня до по крутым ребрам, мезен. арх., [СРНГ 17: 120]); стали его бити, стали колотити* [Кирша Данилов, №59, 331]; *бити, колотити*

²⁰ Ниже в некоторых случаях в качестве заголовка для группы примеров взята не пара, а первый элемент из ряда пар.

[Соколовы, эпич., №51]; укр. *стали піну бити, стали колотити* [Довженок 1986: 255]; *стала бить, колотить* [Довженок 1986: 255]; рус. *всех прибили-переранили* [Кирша Данилов, №10, 99]; *избиты-изранены* [Кирша Данилов, №18, 154, 155, 156]; *избили-изранили* [Кирша Данилов, №18, 155, 156]; *прибито, приранено, а и как приранено да привалено* (былина, Пудож. Олон., [СРНГ 31: 128]); *не бьют-не казнят* [Кирша Данилов, №6, 77; №16, 146; №24, 219].

Идти / ходить: *идте-бредте через огненну реку; идите-бредите с Богом* (духовные стихи, [ПОС 2: 166]); *шли-брели волочебники* (Смол., [СРНГ 31: 362]; [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №109]); *шли брели волочебнички* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №105]; карель. *идті и бресті* ‘происходить’ [Герд 1: 113]; *они и дут, маршируют* [Киреевский, №236]; *то-то было Лукерье потише ходити, то-то было Петровне не бодро ступати* [Киреевский, №108]. Во всех этих примерах второй глагол уточняет способ ходьбы. Есть и другие примеры, где можно говорить о десемантизации этого глагола, так как последующее “уточнение” не является подвидом ходьбы: *пришло-прикатилося* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №1]; *подите, побежите* [Круглова 1997, №1391]; *пройти-проскакать* фольк. ‘преодолеть ходьбой, бегом какое-л. расстояние’ (пудож. олон., [СРНГ 32: 149]); *сошлись-съехались* [Былины Печоры, №3:92]; *разошлись да все разъехались* [Соколовы, эпич., №12]; *подошла-подъехала* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №75]; *прошла-протекла Камышевка-река* [Кирша Данилов, №43, 276]. Глагол *идти / ходить*, как кажется, приближается по своему значению к глаголам, обозначающим передвижение в самом общем виде, как *собраться, выступить, отправляться* и т.п.: *собирались-съезжались* [Кирша Данилов, №31, 250]; *собиралися-соездалися* [Кирша Данилов, №60, 338]; *собиралися-соходилися* [Кирша Данилов, №10, 96]; *собиралися, соходилися* [Сборник Василия Степанова, №4]; *из-за лесу, лесу темнава выступала, выходила сила войская* [Киреевский, №213]; *ётправилса-поехал* [Былины Печоры, №10:103]. Именно в этом контексте понятно, почему к типу “действие-уточнение” относится сочетание **бегать & скакать:** *бегал, скакал* [Кирша Данилов, №6, 74]; *бегати-скакать (/ скакати) на добрых на конях* (Кирша Данилов, №8, 83, 84); *бегаёт-скачет* (Кирша Данилов, №26, 225, №58, 327); в обратном порядке приставочные дериваты: *заскакал-забежал* [Кирша Данилов, №57, 325]; *выскакал тут, выбегал* [Кирша Данилов, №58, 327]. В этой паре глагол *бежать* десемантизирован. В самом деле, большинство контекстов описывает движение всадника, так что *бежать* в этих случаях означает что-то вроде ‘быстро передвигаться’, а *скакать* уточняет способ передвижения. Вот еще один пример, где

бежать предположительно означает просто ‘быстро передвигаться’: *выбежали-выгрестили тридцать кораблей* [Кирша Данилов, №1, 41]. Таким образом, *бежать* & *скакать* относится к типу “действие-уточнение”.

Кричать: *кричит-ревет* [Кирша Данилов, №10, 95; №12, 115; №26, 221, №54, 320]; *кричат-ревут* [Кирша Данилов, №10, 97, №60, 338]; *закричал-заревел* [Кирша Данилов, №16, 145]; *закричали, загикали* [Соколовы, эпич., №11]; *закричали-загайкали* [Кирша Данилов, №31, 253]; *крик-вопливо* ‘рыдания, вопли, громкий плач’ (макар. костром., [СРНГ 15: 254]).

Стукнуть: рус. *стучит, гремит конь* [Киреевский, №221]; *простуцало, прогремело* [Соколовы, хоров., №393]; олон. *в том терему стук да гром*; онеж. *а третий день бьются и третью ночь, от их пошел то тут еще стук да грем* [СРНГ 7:132]; арх. *четыре стучихи, четыре гремихи, два бойка, одна маковка*; астрах. *четыре стучихи, четыре гремихи, два колка, одна маковка* (загадки о корове, [СРНГ 7:132]); укр. *чы ты стуковий, чы ты громовий* (ровнен., [Полес. заговоры, №152]); рус. *стукнуло, брякнуло* [Соколовы, эпич., №50]; *у ворот они постукали, за колечушко побрякали* [Соколовы, обряд., №247]; *ты не стукайси, ты не брякайси* [Соколовы, хоров., №406]; *прошел стук, прошел бряк* [Соколовы, лирич., №487]; *пошёл стук, пошёл бряк* [Соколовы, лирич., №488]; *и стучит, и гручит, и кропочется* [Киреевский, №93]; *стук, гром* [Барташэвіч 1972, №549]; *стук-звон* [Барташэвіч 1972, считалка, №780].

Спать & дремать: *спится мне, младой, дремится* [Киреевский, №93]; *не спать, не дремать* [Соколовы, эпич., №63]; *не спала и не дрёмала* [Соколовы, обряд., №138]; укр. *засни, засни, задрімай* [Довженок 1986: 23], *засні, засні, задрімай* [Довженок 1986: 92], укр. *не спітэ, не дрэмлітэ* (волын., [Полес. заговоры, №94]). Производные других частей речи: *сонливая, дремливая, неурядливая* [Киреевский, №93]; *не прогневайся на мой такой сон да дрему* [Сборник Василия Степанова, №20]; *ты вставай, сноха сонливая, ты вставай, сноха дремливая* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №229]; *ты ставай, сноха сонливая, ты ставай, сноха дремливая* [Соколовы, обряд., №248]; укр. *що первую сонливу, а другую дрімливу, а третью щасливу* [Довженок 1986: 29]; *сонливая, дрімливая невістка моя* [Чебанюк 1987: 148]; в колыбельных *сон да дрема, сон-дрема* [Мартынова 1997, №15 - 65]; *сон ходит по сеням, дрема по новім* [Мартынова 1997, №17, 21], *сон идет по лавке, дрема по избе* [Мартынова 1997, №23], *уж как сон идет по лавочке, дрема-то по другой* [Мартынова 1997, №16] и т.п., белор. *сон-драмата* [Барташэвіч 1972, №28, 287], *сон-дрымота* [Барташэвіч 1972, №34, 122,

128], *сонкі, дрэмкі* [Барташэвіч 1972, №95]; укр. *сон-дрімота* [Довженок 1986: 48], *спі сном-дрімотою, добром-охотою* [Довженок 1986: 25], *соньки-дрімки* [Довженок 1986: 29, 41], *чи соньками, чи дрімками* [Довженок 1986: 41], *ой ходить сон коло вікон, а дрімота коло плота* [Довженок 1986: 20], в заговоре *хóдыть сон колá вкóн, а дрэмóта колá плóта* (волын., [Полес. заговори, №102]), белор. *дрёму и сон* (гомел., [Полес. заговори, №61]), укр. *сонúхи, дремúхи, моўчúхи* (ровнен., [Полес. заговори, №38]), *сонлівыцы и дрэмлівыцы* (житомир., [Полес. заговори, №40]); *а дай мне сонліво, дремліво* (житомир., [Полес. заговори, №41]).

Впрочем, встречается и обратная последовательность: рус. *не дремала, не спала* [Соколовы, лирич., №450]; белор. *дрэмлюць-спяць; дремаў-спаў* (гомел., [Полес. заговори, №59]); укр. *одна буде дрімливая, друга буде сонливая, третя щаслива* [Довженок 1986: 29], *ходить дрімота коло плота, а сон коло вікон* [Довженок 1986: 21].

Спать & почивать: рус. *спит, почивает добрый молодец* [Киреевский, №91]; *спала-начивала* [Киреевский, №11]; белор. *спáла и отпочывáла* (брест., [Полес. заговори, №35]).

Убить: рус. *своево мужа, мужа, мужа убить застрелить* [Соколовы, лирич., №457]; *убей, задави мацёху лихую* [Соколовы, лирич., №441]; *убил, застрелил* [Киреевский, №467]; *убил, сгубил серу птицу* [Киреевский, №127]; *он убил, ушиб лебедь белую маю* [Киреевский, №237]; .В таких парах, как *знать & ведать, спать & почивать* и *биться-ратиться* с точки зрения современного языка прежде всего бросается в глаза стилистическая маркированность второго глагола; может быть, в языке фольклора отличие в большей степени семантическое. В парах *плакать & рыдать, кричать & реветь, *кричать & вопить* (крик-вопливо), *спать & дремать, идти & брести* второе слово указывают на сильную, или, в случае *дремать* и *брести*, слабую интенсивность действия, названного уже первым словом. Во многих случаях второе слово уточняет событие: конкретный вид звука (*шуметь & греметь, стукнуть & брякнуть, закричали-загайкали*), характер передвижения (*идут, маршируют, собирались-соходились, бегают-скачет* и др.), способ действия (*убить застрелить*).

Примечательно, что одно и то же слово может в одном сочетании выступать в начальной позиции, а в другом – в конечной:

Журить & бранить: *журишь-бранишь* [Кирша Данилов, №10, 95; №26, 222]; *начали ее журишь, бранить* [Киреевский, №111]; *журишь, бранит бабушка*

[Киреевский, №115]; *чужой отец с матерью без вины журят, бранят* [Киреевский, №124]; *я вечер с Николаем пожурилась, побранилась* [Киреевский, №161]; *журит, бранит мужа всегда* [Киреевский, №231]; *журит-бранит* [Киреевский, №371, №431]; *свекор батюшко миня журит, бранит* [Соколовы, лирич., №442]; *не журит ли свёкор батюшка, не бранит ли свёкровь матушка* [Соколовы, лирич., №443]; *журию, браню мужа* [Соколовы, юмор., №637]; *журят-бранят девушку* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №152]; в обратной последовательности: *свёкор и свекровушка всё бранят, журят* [Соколовы, лирич., №438]; *побранила-то меня, пожурила* [Соколовы, лирич., №450]; ср. также другие пары, где *бранить* выступает на втором месте: *матюгалсе и бранилсе* [Соколовы, эпич., №36]; *хаять и бранить* [Соколовы, обряд., №263]; *и ругает, и бранит* [Киреевский, №298]; *я на тестя рассержусь, с богатым разбранюсь* [Киреевский, №342].

Бранить & пенять: *а стала ево Марина в окошко бранить, ему больно пенять* [Кирша Данилов, №9, 88]; *а и сам тут Змей почал бранити ево, больно пеняти* [Кирша Данилов, №9, 89]; *а мать - бранити, жена - пеняти* [Кирша Данилов, №59, 330].

Следует признать, что никакого объяснения для пар *журить & бранить* ~ *бранить & пенять* у нас нет. Возможно, у нас недостаточно данных по их семантике и прагматике в языке фольклора.

2.2. Тип ‘действие-интерпретация’

Во всех таких парах первый глагол обозначает непосредственно наблюдаемый факт. Второй может обозначать внутреннее состояние, которое является причиной наблюдаемого действия: *не плачь, не тужи* [Киреевский, №113]; *плакать, тужить* [Киреевский, №355]; *ты не плачь, Дуня, не грусти, дура!* [Киреевский, №173]; *плачет и грустит* [Соколовы, эпич., №57]; *плакать, горевать* [Соколовы, хоров., №398]; *буду плакать, тужить и сама себя крушить* [Киреевский, №73]; *плачет-убивается над ево белым телом* [Кирша Данилов, №53]; *сидит она, плачит и грустит* [Соколовы, эпич., №56]; *не плачь, не печалься* [Киреевский, №372]; укр. *не плач, не журишь* [Чебанюк 1987: 222]; в другом порядке: *молодушки тужат, плачут, все они крушатся* [Киреевский, №136]; *тужить, плакать не велят* [Киреевский, №184]; *угоревалась да уплакалась* [Соколовы, обряд., №247]; *тужила я, плакала, заливалась слезами* [Киреевский, №469]; *что не тужит ли по мне батюшка, что не плачет ли по мне матушка* [Киреевский, №470]; *потужат и поплачут* [Сборник Василия Степанова, №17].

Паре *целовать & миловать* уже давно дано фонетическое объяснение (она выступает в ряду многочисленных рифмованных сочетаний слов с губным в начале второго элемента); можно отметить, что эта пара может быть отнесена к типу “действие-интерпретация”: рус. *целовались они, миловались* [Кирша Данилов, №1, 46]; *целуются они, милуются, желты носами обнимаются* [Кирша Данилов, №9, 86]; *начали его, Васильюшку, целовати, начали Васильевича миловати* [Киреевский, №90]; *расцелую, размилюю* [Киреевский, №411]; *целовались, миловались* [Соколовы, эпич., №44]; *цёловать, миловать, уговаривать* [Соколовы, эпич., №63]; *целовать, миловать, уговаривать* [Соколовы, лирич., №482]; *нацял целовати, миловати* [Соколовы, лирич., №487]; *поцял, нацял красну девку целовать, миловать* [Соколовы, лирич., №597]; *целует, милует* [Соколовы, хоров., №401]; *цёловались да миловались* [Соколовы, солдат., №610]; *целовала, миловала* [Соколовы, юмор., №638]; *они целуются и милуются* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №47]; укр. *цілуються, милуються* [Чебанюк 1987: 202]; *цілує, милує* [Чебанюк 1987: 217]; *цілується, милується* [Чебанюк 1987: 239].

В качестве непосредственно воспринимаемого действия в парах “действие-интерпретация” нередко выступают глаголы движения, например *ходишь-шатаешься* (Чердын. Перм., [СРНГ 32: 66]), *ездили-гуляли по чисту полю* [Кирша Данилов, №20, 171]. Довольно показательное сочетание *ходить & гуляти*, особенно частотное в фольклоре: *ходила-гуляла* [Кирша Данилов, №6, 72, №36]; *там и ходит, и гуляет разудалый молодец* [Киреевский, №126]; *ходил, гулял молодец* [Киреевский, №№150, 186]; *как на той Москвы никто ходил, ни гулял* [Киреевский, №231]; *я по бережку пахаживала, я по крутому пагуливала* [Киреевский, №235]; *ходил, гулял* [Киреевский, №341, №456, №478]; *ходила-гуляла* [Киреевский, №395]; *хожу, гуляю* [Киреевский, №342]; *Анюшенька по сеничкам ходила, Васильевна по новым гуляла* [Киреевский, №428]; *никто ходил, не гулял* [Киреевский, №431]; *ходит, гуляет* [Киреевский, №444]; *ходити да и гуляти* [Соколовы, обряд., №188]; *ходити да и гуляти* [Соколовы, обряд., №199], *стану ходить, стану гуляти* [Соколовы, обряд., №255], *ходили да гуляли* [Соколовы, обряд., №268], *ходила и гуляла* [Соколовы, обряд., №317], *ходила разгуливала, будила возбуживала* [Соколовы, обряд., №315]; *ходи́ла, гуля́ла* [Соколовы, хоров., №408]; *ходи́ла, гуля́ла* [Соколовы, хоров., №425]; *ходит, гуляет* [Соколовы, лирич., №458]; *ходит и гуляет* [Соколовы, лирич., №459]; *не ходил ли, не гулял* [Соколовы, лирич., №514]; *где не хожу, где не гуляю* [Соколовы, лирич., №585]; *ходила*

я, гуляла в садочке зеленом [Соколовы, лирич., №591]; ходила, гуляла́ [Соколовы, юмор., №660]; тут ходит-гуляет государь наш надежда [Сборник Василия Степанова, №10]; ходит-гуляет, сам погуливает [Сборник Александра Шилова, №4] ходили да гуляли [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №13], ходил-гулял [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №14]; я ходила, млада, гуляла [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №234]; мы ходили, мы гуляли [Болонев и др. 1997, №46, 48, 53]; редкий пример с обратной последовательностью: погуляю, похожу [Соколовы, хоров., №396], конструкция другого типа, где гулять можно считать зависимым инфинитивом при ходить – стала (...) во полно́ць гулять ходить [Соколовы, лирич., №473].

В сочетании с плясать глагол скакать описывает внешнюю, физическую картину, а глагол плясать интерпретирует эту картину (модель “действие-интерпретация”):

Скакать & плясать: начали скакати-плисати, скакали-плисали, все пропали [Киреевский, №15: 48-49]; зачал скакать, зачал плясать; перестал (...) скакать и плясать [Кирша Данилов, №47, 295]; скакать-плясать (смол., [СРНГ 15: 174]); поскака́ ти-поплясати (тотем. волог., песня, [СРНГ 30: 163]); поскакати было, поплясати было (перм., [СРНГ 30: 163]); где скачут, тут и пляшут [Даль, 4: 195]; в обратном порядке: девки пляшут, девки скачут, всегда веселятся [Киреевский, №136]. Словари фиксируют у глагола скакать значение ‘плясать’ (Соберется корогод, как пойдут скакать, только юбки раздымаются; А старухи-то скачут, выгибаются и другие примеры, [СРНГ 37: 368]; Я хотела поскакать, да мужа боюся; Так никто не поскачет, как она танцует, [СРНГ 30: 163]).

Примечательно, что этот же глагол скакать стоит на втором месте в другом сочетании, бегать & скакать (в котором представлена другая модель, см. выше).

2.3. Суммирующие сочетания

Пить & есть: рус. пьют-едят; один не пьет, не ест [Кирша Данилов, №5, 67]; пить и есть; пей и ешь [Кирша Данилов, №10, 95]; не упито, не уедено [Кирша Данилов, №10, 102]; пьют, едят; не пьет, не ест [Кирша Данилов, №15, 132]; пити, ясти, прохложатися [Кирша Данилов, №17, 153]; пьет он, ест, прохлажается [Кирша Данилов, №18, 155]; пьет-ест, прохложается [Кирша Данилов, №18, 156]; стали пити-ясти, прохложатися [Кирша Данилов, №18, 160]; пьют они, едят, потешаются [Кирша Данилов, №18, 158]; ни пиваючи, ни едаючи [Кирша Данилов, №26, 224]; пьют-

едят, прохложаются [Кирша Данилов, №32, 256]; пьешь с ними, ешь с еднова блюда [Кирша Данилов, №45, 282]; я не пил бы, я не ел бы [Киреевский, №83]; *пить*<я>, *кушани*<я> довольно [Киреевский, №211]; *питья-кушанья* довольнона [Киреевский, №255]; *что напита была и наедина* [Киреевский, №276]; *ни ела, ни пила* [Киреевский, №468]; *напиласе и наеласе* [Соколовы, обряд., №168], *напи́лся да наелися* [Соколовы, обряд., №245]; *пить и ись* [Соколовы, лирич., №460]; *не пила, хлеба не ела* [Соколовы, лирич., №572]; *они пили сами и ели, прохлаждались* [Сборник Василия Степанова, №7]; карель. *ладно бы ёлось да пилось* ‘было бы только здоровье в порядке’ [Герд 4: 523]; *ни ёденья, ни питежня* ‘ни есть, ни пить не хочется’ [Герд 4: 521]; пск. *пить-есть, пить да есть* (деньги; [ПОС 10:137]); *напи́тки-наедки* ‘яства, угощения’ (фольк., Смол., Том., Иркут., [СРНГ 20: 76]); с другим, синонимичным глаголом: *не пью я, не кушаю; пила бы я и скушала* [Киреевский, № 488], *уж ты што, жена пила, што и кушала?* [Соколовы, юмор., №638]; белор. *пи́ці-есці* [Барташэвіч 1972, №441 и др.], *пиць и есць* (гомель., [Полес. заговоры, №256]), *каб он пиў и еў и спаў и цёлу прыбуваў* (гомел., [Полес. заговоры, №48]), *там вам пиценне, там вам едзенне* (гомель., [Полес. заговоры, №№262, 325]), *питыньнё, идяньё и гулянье* (брян., [Полес. заговоры, №225]), *там вам напи́тки, там вам наёдки* (гомел., [Полес. заговоры, №180]), *скула́ и напита́ная, скула и наедна́я* (гомель., [Полес. заговоры, №334]), *нэ пыто́мы, нэ ядо́мы* (брест., [Полес. заговоры, №267]). Видимо неслучайно, что пример с обратным порядком в русском материале попался нам только в таком своеобразном тексте, как юмористическая песня – *мы наелись, напились* [Соколовы, №635].

Если ситуация в русском и белорусском кажется понятной, то украинский материал требует дополнительного изучения. С одной стороны, полевые записи заговоров из Полесского архива устойчиво демонстрируют ту же самую общевосточнославянскую последовательность: *пы́ты-естьы́* (ровнен., [Полес. заговоры, №152]), *пить-естьы* (житомир., [Полес. заговоры, №340]), *пы́ты, е́сты* (житомир., [Полес. заговоры, №201]), *пить, е́сти* (житомир., [Полес. заговоры, №146]), *питенне, еденне* (киев., [Полес. заговоры, №140]), *ляк из пэти́ння, ляк из еди́ння, ляк из спання́* (житомир., [Полес. заговоры, №144]). С другой стороны, более традиционные фольклорные издания столь же последовательно воспроизводят последовательность *їсти & пити*: *їсти, пити* [Довженок 1986: 264]; *сама їсть, сама п’є* [Довженок 1986:

173]; *маєм їсти, маєм пити* [Чебанюк 1987: 261]; *гуля наїється, гуля нап'ється* [Довженок 1986: 46]; *бодай пан їв-не наївся, бодай пан пив-не напився* [Чебанюк 1987: 217]; - *А що їли? - Кашку. - А що пили? - Бражку.* [Довженок 1986: 112].

Ества & питья: *носили ества сахарныя и питья медвяныя* [Кирша Данилов, №3, 59], *носили ества сахарныя, питья медвяныя* [Кирша Данилов, №3, 60]; *через ества сахарныя, чрез питья медвяныя* [Кирша Данилов, №5, 69]; *за ества сахарныя и за питья медвяныя* [Кирша Данилов, №11, 112]; *ества сахарныя и питья медвяныя* [Кирша Данилов, №18, 158; №20, 176].

Пойть & кормить: *поил-кормил* [Кирша Данилов, №6, 74], *поила-кормила* [Кирша Данилов, №19, 170]; *напоит-накормит вас, добрых молодцов* [Кирша Данилов, №24, 204]; *вспой-вскорми* [Кирша Данилов, №26, 220]; *пойть-кормить* [Кирша Данилов, №40, 271]; *паить-кормить* [Киреевский, №11]; *иль я тебе, батюшка, не поилец, не кормилец был?* [Киреевский, №207]; *я поила, я кормила своо недруга* [Киреевский, №131]; *напой, накорми* [Киреевский, №203]; *поил, кормил* [Киреевский, №304, №377]; *упоим, укормим* [Киреевский, №480]; *и стану сама поить, кормити* [Соколовы, лирич., №487]; *воспоил-воскормил* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №7]; *не споены они, ни скормлены, у тебя они не зроцены* [Соколовы, похоронные причеты, №340]; *Язык поит и кормит, и спину порет* [Даль, Пословицы русского народа, Язык-речь]; единичные примеры с обратным порядком: *кормить-поить* (север. причитания, [СРНГ 31: 212]); *и накормил и напоил* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №188].

Ту же семантическую структуру имеет сочетание **пированье & столованье:** *пированье-столованье* [Былины Печоры, №16:2, №17:4, №18:251, №19:1, №20:3,4], *пированье, столованье* [Былины Печоры, №21:3]; *Было пированье-почестной пир, было столованье-почестной пир* [Кирша Данилов, №17, 149 и др.]).

Обувать & одевать: *обувал-одевал* [Кирша Данилов, №6, 74]; *обувала и одевала* [Кирша Данилов, №19, 170]; *обуватися и одеватися* [Кирша Данилов, №60, 338]; *разувають, раздевають* [Киреевский, №280]; *разувать и раздевать* [Киреевский, №286]; *розувать, раздевать* [Соколовы, лирич., №448].

Ходить & ездить: *ни протти, ни проехати* [Кирша Данилов, №29, 241, №33, 259]; *и день и ночь ходють-ездють* [Киреевский, №24]; *как по этой по дорожке много ходят, ездят* [Киреевский, №55]; *кто ни йдѣт, кто ни едет* [Киреевский, №131]; *їдут, едут* [Киреевский, №443]; *зашла к нему, заехала* [Киреевский, №476]; ср. белор. *хто і дзе, хто едзе* [Барташэвіч 1972, №437]; в другой последовательности, возможно, из-за требования рифмы: *не едет, ни идет* [Киреевский, №169].

Интересно, что сочетание имен *ества* & *питья* демонстрирует порядок, противоположный порядку тех же корней в глагольном сочетании *пить* & *есть*. Т.к. настоящий раздел посвящен прежде всего глагольным сочетаниям, мы только отмечаем эту проблему, но не предлагаем никакого анализа.

Последовательности *обувать* & *одевать* и особенно *пить* & *есть*, *поить* & *кормить* достаточно устойчивы в фольклорных текстах. Тут кажется допустимым несколько отклониться от основной темы и отметить, что фольклорные тексты демонстрируют порядок противоположный тому, который является более частотным в современном русском языке. В том, что для современного языка привычней последовательности *есть* & *пить*, *кормить* & *поить*, можно убедиться, например, воспользовавшись в Интернете какой-нибудь поисковой системой. Приводим данные поисковой системы Яндекс (03.11.2003, запрос вида *x /+1 y*, т.е. поиск всех словоформ двух лексем с расстоянием в один пробел, приводится количество найденных страниц): *кормить* & *поить* – 83223, *поить* & *кормить* – 2588; *есть* & *пить* – 15739, *пить* & *есть* – 5301; *одеть* & *обуть* – 6358, *обуть* & *одеть* – 3372. В чем причина этого разительного отличия? В современном языке первым должно быть названо основное действие, а вторым – дополнительное (кроме того, современный порядок *накормить* & *напоить* может быть мотивирован временной последовательностью действий). Сложнее объяснить порядок в фольклорных текстах, мы попытаемся это сделать в заключительном разделе.

Последовательность *есть* & *пить* нормальна не только для русского языка, но и, например, для церковнославянских текстов (*или объядося, или опихся* – Молитва ко Пресвятому Духу из вечернего правила), для Библии (*едите ли, пьете ли*, Кор 10: 31) и, например, для хеттского (*adanna akiuanna* [Bednarczuk 1971: 98]), ср. также др.-новг. *тамо вам что есть и пити* (№1723-2), др.-рус. *ядый и пия* (Киево-печерский Патерик), но *напоите, накормите* (“Поученье” Владимира Мономаха), *пити и ясти* (Притча о старом муже, XVIII в.). Интересно, что такая же, как в русском, последовательность предикатов обнаруживается в мордовском (*s'items-jarsams* ‘пить-есть’ [Wähli 2003: 115], мокш. морд. *синдемс-яндомс* ‘напоить-накормить’, ср. *симомс-ярхцамс* ‘попить-поесть’ [Егорушкина 2000]), но не в других финно-угорских языках (мар. *кочкаш-й?даш* ‘есть-пить’, коми-зыр., коми-перм. *удны-вердны* ‘поить-кормить’ [Егорушкина 2000], коми *сейны-юны* ‘есть-пить’ [Безносикова 1982], ханты *тэснын-янсьнынын* ‘поели-попили вдвоем’ [Ткаченко 1979: 159], эст. *sääta-joota* ‘есть-пить’ [Ткаченко 1979: 91]). Близость русских парных конструкций мордовским можно связать с мерянским субстратом русского языка.

2.4. Отдельные замечания

Высказывалось наблюдение, что глаголы положения в пространстве (*сидеть, стоять*) в сочинительных конструкциях занимают первую позицию (*сидел и считал свои деньги, *считал свои деньги и сидел; стоял (...) и вдаль глядел, *вдаль глядел и стоял* – [Булыгина, Шмелев 1997: 56]). Однако на наш взгляд дело тут совсем не в статичности этих предикатов, как предположила Т.В. Булыгина, ведь точно так же ведут себя и глаголы движения. Видимо, точнее другое замечание, правда, сделанное о “парных глаголах” (мы сейчас рассматриваем, как уже заявлено выше, сочинительные конструкции наравне с более слитными конструкциями): первую позицию в парных глаголах занимают глаголы движения и глаголы, обозначающие положение в пространстве [Вайс 2000: 359]. Глаголы вроде *ходить*, действительно, очень характерны для первой позиции в разных глагольных парах, причем семантические отношения со вторым элементом конструкции могут быть достаточно разными. Разными могут быть и причины их десемантизации (ср. о таком явлении в совершенно ином, чем у нас, контексте, [Вайс 2000: 369-370]). Выше мы уже отмечали тип “действие-уточнение” и “действие-интерпретация”. Можно привести множество примеров с глаголами движения и положения в пространстве, аналогичных упомянутым сочинительным конструкциям (*стоял и вдаль глядел*), которые нужно отнести к некоему третьему типу “действие-побочное действие”: *ходит-лукавится* [Кирша Данилов, №66, 356]; *ходят-дивуются* [Кирша Данилов, №66, 357]; *ходят-дивуются* [Кирша Данилов, №66, 357]; *я по цветикам ходила, цвета алава искала* [Киреевский, №234]; *ходит, поглядывают* [Былины Печоры, №19:325]; *хожу, красуюся* [Соколовы, обряд., №232]; *стану ходить, стану придумывать* [Соколовы, обряд., №239]; *ходит да постукиват* [Соколовы, обряд., №248]; *ходит да воркуёт* [Соколовы, лирич., №487]; *и еще похожу, и еще постелю* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №46]; *мы ходили, мы искали* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №13]; *ходили, хлопотали* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №94]; *ходили-блудили* [Болонев и др. 1997, №13]; укр. *ходити-блудити* [Чебанюк 1987: 127]; *ходила коза, блудила коза* [Чебанюк 1987: 341]; рус. *ходили, славили* [Болонев и др. 1997, №15]; *гуляю, веселюсе* [Соколовы, духовные стихи, №65]; *сидит да усмехаецси* [Соколовы, обряд., №268]; *стоят, колядуют* [Болонев и др. 1997, №1]. Сочетания, где эта последовательность нарушается, выглядят, пожалуй, отклоняющимися от привычной грамматики

фольклорного текста: *заплакала пошла* [Соколовы, лирич., №431, ср. *пошла, завыла* в других вариантах этой песни - №428-430).

Рассмотрим один сложный случай, где временная последовательность вроде бы обратна иконической – это сочетание типа ‘встать’ & ‘проснуться’: рус. *встаньте-обудитесь, добры молодцы* [Кирша Данилов, №49, 303]; *устань, девка, устань, красна, радость, пробудися!* [Киреевский, №143]; *встань, обудися* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №95]; *встань, хозяин, пробудись* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, №96]; *встань, проснися* [Киреевский, №473, №474]; *встань, проснись* [Соколовы, похоронные причеты, №330, 332], *стань, проснись* [Соколовы, похоронные причеты, №340]; *ты встань-ко-се, проснись, матушка милая* [Соколовы, лирич., №440]; *ставать да пробуждатися* [Соколовы, обряд., №248]; *пора вставать да пробуждатися* [Соколовы, рекрут., №345]; укр. *устань, устань, Іваньку, пробудися* [Чебанюк 1987: 85]. Если понимать эти глаголы так, как понимаем их мы, человек сначала просыпается, потом встает (т.е. последовательность глаголов в фольклорных текстах не отражает последовательность событий). Можно предложить два основных направления для объяснения такой последовательности: формальную (существует просодическая закономерность, по которой в парных сочетаниях более короткое слово предшествует более длинному) и семантическую (“встать” и “проснуться” понимаются более широко и являются относительно синхронными действиями, при этом наблюдаемая последовательность связана с тем, что в таких случаях обозначение положения тела и движения, т.е. видимых фактов, предшествует обозначению менее наблюдаемых действий и состояний). Для таких случаев, как *жить & родиться*, более правдоподобным кажется ритмическое объяснение (*Жил-родился младенец, жил-родился нарождéнец*, смол, [СРНГ 20: 127]). С другой стороны, в литературе выделялись конструкции, где последовательность, иконически отражающая временную, инвертируется, чтобы подчеркнуть бóльшую психологическую значимость последующего события [Bednarczuk 1971: 42].

2.5. Некоторые выводы

Проведенный анализ парных глаголов в восточнославянских фольклорных текстах еще не дает возможности делать сколько-нибудь уверенные обобщения кроме первичной классификации основного материала. Тем не менее, возникает одно предположение: парные глаголы в языке фольклора предполагают логическое и

просодическое выделение второго элемента. С этим может быть связана некоторая десемантизация первого глагола в конструкции, большая смысловая нагруженность второго элемента как в конструкциях типа “действие-уточнение”, так и в суммирующих конструкциях (вроде *пить-есть*). Более того, можно предположить, что неслучайно в конструкциях типа “действие-уточнение” второй глагол часто является интенсификатором к первому (как в *плакала-рыдала, кричит-ревет* и др.), ср. еще *журишь-бранить*, где второе действие более интенсивное, чем первое (при том, что моделью “действие-уточнение” эта пара не описывается); в некотором смысле и в суммирующих парах второе действие если не более интенсивное, то более “значительное”, чем первое. И последнее: не исключено, что такое строение имеют именно глагольные сочетания (ср. обратный порядок в именном сочетании *ества & питья*).

Глава III. Фонетические модели

1. Модели с чередованием согласных

Основной моделью образования рифмованных сочетаний в рассматриваемых языках является сочетание с [м] в начале второго сегмента, как в рус. *хухры-мухры*, *калина-малина*, *кутить-мутить*, белор. *чукэр-макэр*, полес. *кошчи-мошчи*, укр. *цілує*, *милує*. Согласный [м] можно представить как пучок дифференциальных признаков: <+сонант, +назальность, губной>. В обсуждаемых языках сонанты всегда звонкие, но для того, чтобы представить другие модели как более или менее сильные отклонения от этого прототипа, нужно иметь в виду и этот признак. Признак назальности наиболее слабый среди этих признаков: [н] не выступает, насколько нам известно, в функции [м]. Часто используется [в] (тоже губной звонкий, причем часто сонант, но неназализованный), ср. примеры из считалок: рус. *солома-волома*, укр. *шіндір*, *віндір*. Далее, вторая часть рифмованных сочетаний может начинаться как с глухого губного [п], так и со звонкого губного [б], однако [б] используется чаще (ср. рус. *жил-был*, ураль. *принджи-брынджи* ‘болтать’, белор. *сахар-бахар* в считалках, *колючи*, *болючи* в заговорах, укр. *гейло*, *бейло* в считалках; ср. с [п] пару *шататься-пытаться*, известную из смоленских “волошебных” песен). Иногда представлены также сонанты другого места образования - [дж] и [р] (например, рус. *шубки-юбки* [Хроленко 1985:124], белор. *саломіна*, *яломіна* в считалках, укр. обращение к улитке *павле-равле / павлику-равлику*)²¹.

Существуют также определенные предпочтения, связанные с выбором инициали первого элемента: чаще всего это заднеязычный глухой или спирант. Наиболее обширный и показательный материал для изучения фонетических моделей дает немотивированная редупликация в считалках. В результате обследования значительного корпуса восточнославянских считалок была выведена следующая иерархия встречаемости согласных в начале первого элемента: [ч] (белор. *чукэр макэр*)

²¹ Вот количественные данные о встречаемости согласных в начале второго сегмента в немотивированной редупликации по материалу [Виноградов 1999] (см. Приложение 1; многократные случаи употребления одного рифмованного сочетания считаются наравне с разными сочетаниями): м (68) > б (50) > в (20, точнее, 12 и много раз *тинтиль-винзиль*, где различается, правда, не только начальный согласный) > br (много) > j (14) > л (12) > р (8) > н (5) > н, з (3) > др (2) > т, д, ф, сн (1).

> [ш] (укр. *шэнец, мэнец*) > [к] (рус. *колдыш, молдыш*) > [т] (рус. *туни, муни*)²². В левосторонней редупликации лучше всего представлен [ш]: рус. *шерба верба, шарин барин*, укр. *шуря-буря*, белор. *шень-пень*, ср. также левую редупликацию, универсально представленную в считалках из всех восточнославянских регионов: ср. рус. *шишел, вышел*, белор. *шышал, вышал*, укр. *шийшов, вийшов / шишов, вийшов* (sic!).

Главное комбинаторное требование – максимальный контраст двух инициалей. Из этого есть совершенно очевидные следствия (избегаются одинаковые и близкие согласные); можно предположить, что с обеспечением большего контраста связана и закономерность, в соответствии с которой гласная инициаль первого сегмента хуже сочетается с [м] в начале второго, в этом случае вероятней [б] (как в рус. *аты-баты*, белор. *окон бокон*, укр. *ата, бата*).

Вообще, если сопоставить вероятность появления фонем в начале первой и второй части, то, несколько огрубляя, можно сказать, что вероятность появления некоторой фонемы в начале первой части обратно пропорциональна вероятности ее появления в начале второй. Во-первых, чем более передним является место образования согласного (т.е. чем более он диффузный), тем более предпочтителен он во второй части рифмованного сочетания. Соответственно, чаще всего там представлены губные, реже зубные и небные и почти никогда - заднеязычные. В первой части, напротив, предпочтительны задние согласные. Во-вторых, имеет значение степень вокальности второй фонемы - предпочтительней всего для второй позиции звонкие вокальные консонантные фонемы (т.е. сонанты), далее звонкие невокальные консонантные (т.е. звонкие шумные), и наименее вероятны глухие невокальные консонантные (т.е. глухие шумные). Кроме того, прерванные звуки в целом предпочтительнее непрерывных (прерванными являются шумные взрывные и аффрикаты, а среди сонорных - носовые и вибранты).

При интерпретации описанной фонетической модели обычно исходили из того, что в начале второго сегмента стоит губной, однако никакого разумного объяснения этому предложено не было (см. обзор в [Bednarczuk 1971: 37-40]). С нашей точки зрения, конституирующим является признак звонкости (сонантности) у этой фонемы, обусловленный тем, что она чаще всего находится в интервокальном положении. Наоборот, начало первого сегмента уподобляется предшествующей паузе и чаще всего

²² Материал немотивированной редупликации по [Виноградов 1999] дает следующее количественное соотношение встречаемости согласных в начале первого сегмента: ч (35 и много раз *чинжи-бринжи*) > ш (36) > к (25) > т (21 и много раз

является глухим согласным. Именно сонантические характеристики чередующихся фонем в сочетании с требованием к максимальному контрасту приводят к столь распространенному чередованию $[k] \sim [m]$. Из синхронной типологии известно, что наиболее удобное место образования звонких согласных - передние ряды, а глухих - задние (см. [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 9] + библиография и [Кодзасов, Кривнова 2001: 442], где приводится аэродинамическое объяснение).

Требование контраста между соотносительными согласными подтверждается подсчетами, который сделал Бизе на английском материале: наиболее распространенной является модель, когда первый элемент начинается не с взрывного, второй – с взрывного, однако если первый элемент всё-таки начинается с взрывного, то коррелят этого взрывного с очень большой вероятностью взрывным не является [Biese 1939: 151], [Thun 1963:218]. То есть для английской редупликации характерен контраст между инициалами по способу образования. С другой стороны, данные того же английского указывают на то, что требуется некоторое сходство чередующихся инициалей. По данным Нильса Тана, вторая часть рифмованного сочетания чаще всего начинается с $[w]$, $[m]$, однако для начального $[t]$ частым коррелятом является $[l]$, а начальному $[r]$ часто соответствует $[d]$. Корреляты начального $[h]$: $[p] > [d] > [b] > [g] > [m] > [t] > [k]$ [Thun 1963: 214-219].

Преимущественно вокальные и сонантические финали (особенно в немотивированной редупликации: рус. *принджи-брынджи*, *аты-баты*, белор. *чукэр макэр*, *окон бокон*, укр. *шіндір*, *віндір*. *гейло*, *бейло*) обусловлены универсальной немаркированностью открытых слогов.

Чаще всего чередующиеся согласные совпадают по признаку твердости-мягкости²³. Но в нескольких примерах встретилось соотношение мягкий зубной ~ твердый губной: левая редупликация рус. *дикинъ выкинъ* (2х), *зикинъ выкинъ*, немотивированная редупликация рус. *титкин*, *мыткин*. Видимо, такое соотношение связано с тем, что для губных характерна утрата фонологического противопоставления по твердости-мягкости при закреплении фонетической твердости (в разных языках

тинти-бринти) > *с* (13 и много раз *синти-бринти*) > *ж* (8) > *ц* (5 и много раз *цынца-брынца*) > *тр*, *д* (4) > *р*, *щ*, *п*, *кв*, *в* (2) > *ср*, *т*, *л*, *н*, *м*, *ф* (1).

²³ в частности, при соотношении зубной ~ губной: *дыкинъ*, *выкинъ* (2х); *зыкинъ*, *выкинъ*; *тыкинъ* *выкинъ* (4х); *дышла*, *вышла*; *тикиляки-митилика*; *сита-мита*; *синчик* (*зинчик*)-*минчик*; *тинтиль-винзиль* (много); *синчин-винчин*; *сисин*, *визин*; *трынды-вынды* (2х); *пигу*, *сигу*; заднеязычный ~ губной: *кыны мыны*; *кинчики-минчики*; *кинтор* *бинтор* (2х; *контэр-бинтэр*); *кэны-бэны*.

губные часто не могут быть мягкими, отвердевают в определенных позициях и под.), то есть твердый губной является немаркированным. Однако, возможно, дело еще и в том, что для первого элемента рифмованного сочетания более характерна мягкость, а для второго - твердость. Подобным образом можно было бы обобщить следующие факты: 1) рассмотренное выше чередование типа *зикинь выкинь*; 2) два примера альтернации [л'] ~ [т] в рус. *лямба тамба* (но в других случаях всё регулярно: *таты, латы; тая да лая*), брест. *люки, таки* [Топорков 1998, 2в]; 3) одиночный случай чередования [р'] ~ [р] в рус. диал. ураль. *принджи-брынджи* 'болтовня'; 4) наиболее распространенные модели редупликации с чередованием гласных: [i]-[a] (рус. *мисли масли*, укр. *житом. квинтер, квантор*), [i]-[o] (рус. *сикер бокрыр*, белор. брест. *лики, фоки*).

Шипящие и аффрикаты, непарные по твердости-мягкости (*ш, ж, ч*), могут "рифмоваться" и с мягкими, и с твердыми согласными:

[чи]: с твердым - *чкинь, выкинь* (3х); *чичен вышен*; с мягким - *чириджин-мириджин* (3х); *чикирики-бикирики; чикирики-микирики* (4х; также *чикерики-микерики* (2х)); *чинчики-минчики* (2х); *чички вички* (*чичики-вичики*); *чички-рички; чинчи-бринчи; чинжи-бринжи* (много); *чики-брики* (3х); *чикунчики - брикунчики*;

[чу]: с мягким - *чух-рюх* (3х); *чуха-рюха* (2х); *чухо рюхо*; с твердым - *чухо лухо; чужик-вужик; чуха муха*.

[ши]: с твердым - *шишел, вышел* (очень много, также из десемантизации этого сочетания возникает, по более частой модели с *м-*, *шышли-мышли* и под.); *шышли-мышли; шиндар-мындар; шитым брытым*; с мягким - *шикин-микин*;

[ша]: с твердым - *шарин, барин; шальчик-мальчик; шахер-махер* (2х); *шахтер махтер; шантор-мантор; шахта, бахта; шарда-барда; шандер-бандер; шаранды-баранды; шатар-батар* (*шатыр, батыр*); *шалан-балан; шараги-вараги; шапам-напам* (*шапаш-напаш*); *шата, лата*.

[шу]: с твердым - *шуня, муни* (2х); *шундры-мундры; шуругу-муруга; шухтер, бухтер шулды-булды* (2х); *шуты-буты; шуер, буер*.

[ж]: *жилезь, вылезь; жараби-бараби*;

[ц]: *цынца-брынца* (много; тж. *цынцы-брынцы, цынцин-брынцин*); *цынцы мизинцы; цирл, пирл; цец-бец, цер-берец*.

[j] *турбань-юрбань; стурбы-юрбы*;

Признак твердости/мягкости является для этих согласных "интегральным" (ср. "дифференциальные" признаки). Известно, что интегральные признаки могут быть менее актуальны для поведения фонемы, чем дифференциальные (в теории полной спецификации, выдвинутой в американской генеративной фонологии, это объясняется

следующим образом: на фонологическом уровне у непарных согласных соответствующий признак просто не определен и появляется лишь на фонетическом уровне).

Рассмотрим некоторые фонологические особенности левой редупликации. Левая редупликация происходит при начальном губном (реже при начальном сонанте, как в *шуги-луги*) из-за нежелательности правой редупликации с губным, которая создавала бы недостаточно неточную редупликацию (начальные фонемы редупликанта и копии были бы очень похожими или совпадали). При этом левая редупликация удовлетворяет той же фонетической модели, что и остальные рифмованные сочетания. То есть направление редупликации варьируется, чтобы удовлетворять требованиям общей фонетической модели. Выбор согласного в копии при левой редупликации достаточно ограничен. Чаще всего это [ш]: *шаляй-валяй*, *Шалтай-Болтай*, *ишшел-вышел*, *шуря-буря*, *шень-пень*, *шейна-война*, *шертъ-вертъ*, *шерстень-перстень*, *шерба верба*, *шалчик-мальчик*, *шарин*, *барин*. Реже встречается [ч], [т], [д]: *черемья-беремья*; *чуха муха*; *чкинь*, *выкинь*; *тыкинь выкинь*; *тарин-барин*; *тончик-звончик*; *дышла*, *вышла*; *дыкинь*, *выкинь*; *дикинь выкинь*; еще реже [з], [ж]: *зикинь выкинь*; *зыкинь*, *выкинь*; *жилезь*, *вылезь*.

Так же как и в русском, в тюркских языках затруднено образование *т*-редупликации при начальном губном. В турецком при начальном [т] редупликация невозможна, а при других губных образуется по общему правилу: *partiler*, *martiler* [Lewis 1967: 237-238]. В некоторых языках при начальном губном в копии используется [ч]: узб. *мева* 'фрукт' ~ *мева-чевэ* 'разные фрукты' (также *майда* 'мелкий (некрупный)' ~ *майда-чуйда* 'всякая мелочь'), уйгур. *мевэ-чевэ* 'разные фрукты', карач.-балк. *мюййуз-чюййуз* 'рога', *бутаць-чутаць* 'сучки-ветки', *бал-чал* 'скот', башк. *тjјs seјs* 'разные печи', *bewulu* 'колебаться' ~ *bewulu-sewulu* 'колебаться и раскачиваться' (башкирское [s] происходит из тюрк. *ч, тогда как тюркское *s развилось в башкирское [h]). В некоторых тюркских языках (в уйгурском, башкирском) есть и другие редуплицированные формы - с [с], [т], но они не обнаруживают специфической связи со словами на губной (данные о тюркской редупликации в основном из работ [Кайдаров 1958], [Дмитриев 1962]).

Таким образом, русские [ш], [ч] в левой редупликации можно сопоставить с тюркским [ч] в правой редупликации. Кроме того, напрашивается аналогия с [ш] в редупликации типа *танцы-шманцы* и более далекая параллель с арготическим *ш(и)-*, ср. также нерегулярную редупликацию (?) с нагнетением *шм* в *бархаты немецкие*, *нашмушмецкие* [Соколовы, №321]. Рискую оказаться на зыбкой почве догадок про

фоносемантику, предположим, что в русском языке фонема [ш] может участвовать в формировании экспрессивного значения некоторых морфологических элементов (в частности из-за своей относительно редкой встречаемости). И.И. Ревзин в своей статье, посвященной воровскому аргю, отмечал наличие там большого количества слов, начинающихся на ш-: *шмотки*, *шмальнуть* ('убить'), *шмон*, *штефкать* ('есть'), *шнифты* (*Я тебе шнифты на лоб поставлю*), *шкода*, *шкаренки* ('брюки'), *шмара*. Что касается линейной позиции, то предпосылки к возникновению модели *шляй-валяй* существовали в самих тюркских языках - одной из закономерностей строения рифмованных сочетаний, сформулированных тюркологом Карлом Фоем, была постановка слов, начинающихся со спирантов, в начале.

В восточнославянских языках слова, которые начинаются с гласных, предпочтительны в качестве первого элемента парного сочетания. В детских считалках много заумных сочетаний построено именно по такой модели, при этом чаще всего в качестве начального согласного во втором сегменте выступают губные (например, *энэ бэнэ*; *эксы бэксы*; *экэтэ пэкэтэ*; *ани-пани*; *эус меус*; *аболь фаболь*), изредка другие согласные (например, *анга-танга*; *икото никото*; *эуш кэуш*). Совсем уж редко встречается обратная модель (типа *шураги-ураги*; *пири-ири*). Данная фонетическая закономерность обнаруживается в самых разных языках Евразии (закон "альфа-бета", [Bednarczuk 1971: 38]), ср. уйг. *аз-маз* 'чуть-чуть', узб. *ивир-чивир* 'шёпот', анализ английского материала в [Thun 1963: 213-214] (среди английских слов с чередованием "ноль-согласный" почему-то больше всего слов с [i], вроде *ish-wish*); эта закономерность грамматикализована в новоиндийской левой редупликации с удалением первого согласного слова вроде хинди *paros* 'соседство' ~ *aros-paros* 'соседство', урду *badlā* 'обмен' ~ *adlā-badla* 'обмен'.

Частая встречаемость губных согласных, особенно [м], в начале второго сегмента, можно связать с их принадлежностью к "базовой" части фонетической системы. В инвентаре тех фонетико-фонологических средств, которые употребляет человек, есть базовая, основная часть, и есть периферия. Разумеется, эта оппозиция градуальна. Чем более "основной" является тот или иной элемент фонетической системы, тем чаще он встречается в языках. Дети, обучаясь языку, сначала осваивают более базовые элементы, потом более периферийные. Афатики, разучаясь использовать язык, дольше всего сохраняют более базовые элементы системы.

2. Модели с чередованием гласных

Материал немотивированной редупликации с чередованием гласных из восточнославянских считалок имеет смысл привести полностью (примеры без атрибуции взяты из [Виноградов 1999]):

[*u/ы*] ~ [*a*]: рус. *квинтер-квантер* (тж. житом. *квинтер, квантор* [Топорков 1998, 4г], ив.-франк. *квінтик, квантик* [Топорков 1998, 4ж])²⁴, *биткин баткин, дипе дапе, пиф-паф (пих-пах), ик мак, мисли масли, фики-факи, ширага-барага, чичер-бачер, тринзы-воланзы*; чернигов. *рика, бака*, брян. *рика бака* [Топорков 1998, 1л, 1м], ленингр. *чічи, пачи* [Топорков 1998, 23], чернигов. *рики, паки*, сум. *рики-паки*, закарп. *рики-пак* [Топорков 1998, 2д, 2з, 2л], житом. *лики паки* [Топорков 1998, 2к], чернигов., гомель. *рики факи*, ленингр. *рики, факи* [Топорков 1998, 1а, 1в, 1е, 1ж, 2а], белорус. *лікі-факі* [Барташэвіч 1972, №871], гомель., чернигов. *рики таки*, гомель., брест., курск. *рики-таки*, витеб. *рыки-таки* [Топорков 1998, 1б, 1г, 1д, 1з, 1и, 1п, 2ж, 2и, 2м], житом. *рики хваки* [Топорков 1998, 1б, 1к, 1л, 3з], белорус. *дыкі-пакі* [Барташэвіч 1972, №873], житом. *нистэр, паздэр* [Топорков 1998, 19а, б].

[*u*] ~ [*o*]: рус. *винтэр-вонтер, имби комби, пик, пок; фик-фок; трики, трики, трикитон; сикер бокрыр; тринзы-бронзы*; брест. *лики, фоки* [Топорков 1998, 1н].

[*y*] ~ [*a*]: рус. *кук-квак; кулик-малик; куки, баки; кук, квак; шуфим, хафим; сукер макер; пукер макер*; белоз. *куку-мак* [Морозов и др. 1997: 175] (ср. укр. *ку-ку-мак* [Довженок 1986: 261]), брест. *чукэр макэр* [Топорков 1998, 5г], брест. *люки, таки* [Топорков 1998, 2в], белорус. *гутар-гатар* [Барташэвіч 1972, №866].

[*u*] ~ [*y*]: в считалках *квинтер-кунтар*²⁵; *титики, мутики*; закарп. *биль-булька* [Топорков 1998, 2л].

[*y*] ~ [*u*]: волын. *куку-рику* [Топорков 1998, 16].

[*a*] ~ [*o*]: *как-мок; радок бодык; аболь доболь; трам, тром*.

[*a*] ~ [*y*]: *драх-друх*, гомель. *фаль буль* [Топорков 1998, 6а], брест. *анэ дунэ* [Топорков 1998, 4з], витеб. *ак-цук* [Топорков 1998, 3и].

[*e*] ~ [*a*]: белоз. *пэра, мэра* [Морозов и др. 1997: 176], гомель., курск. *реки-факи* [Топорков 1998, 2б, 2г].

[*o*] ~ [*y*]: гомель. *шорба-урба* [Топорков 1998, 1и].

[*o*] ~ [*ы*]: гомель. *обо лыбо* [Топорков 1998, 12].

²⁴ Показательно, что ради соответствия фонетической модели переставляются слова: *квинтер, квантер* происходит из лат. *quattuor, quinque* 'четыре, пять'.

²⁵ NB: гармония гласных в примерах *сикер бокрыр; квинтер-кунтар*, житом. *квинтер, квантор* [Топорков 1998].

Самые распространенные чередования таковы: $[u] \sim [a] > [u] \sim [o] > [y] \sim [a]$, $[a] \sim [o]$, $[a] \sim [y]$; при этом если первое соотношение распространено везде, более редкие чередования, видимо, в разной степени характерны для разных регионов: $[a] \sim [o]$ зафиксировано только в России, а $[a] \sim [y]$ в большей степени характерно для Белоруссии.

Чередование типа $[i] \sim [a]$ отнюдь не является восточнославянской особенностью. Сходные чередования известны из многих восточных языков - бенгальского (чередования $[a] \sim [a:]$, $[i] \sim [a:]$, $[u] \sim [a:]$, [Чевкина 1964]), чаоянь (Chaoyang, в первом слоге ономастопозитических редупликаций всегда содержится гласный $[i]$: *tik tok*, *tsi tsia*, *hi? hop* и т.д. [Yip 2001]). Однако особенно характерно такого рода чередования для европейских языков: венгерского (*gizgaz* ‘дрянь, бурьян’, *ringy-rongy* ‘тряпки, лохмотья’ ~ *rongy* ‘тряпка’), датского (*misk-mask* ‘беспорядок’), шведского (*sliddersladder* ‘чепуха, пустая болтовня’), немецкого (*Wirrwarr* ‘путаница, неразбериха’) и английского (*slipslop* ‘бурда, пойло’).

В первых исследованиях для объяснения описанных закономерностей предлагались психологические объяснения: гласные верхнего подъема лучше всего подходят для того, чтобы привлечь внимание слушателя. Чаще всего предполагалось, что существует определенная иконическая связь между семантикой и формой редулицированных слов. В частности, обнаружился регулярная связь с дейксисом: во многих языках ближний дейксис (“me-here-now”) маркируется более передними и высокими гласными, чем дальний, при этом в устойчивых сочетаниях дейктические местоимения стоят в порядке “ближний-дальний” (например, англ. *this and that*), см. обзор мнений в [Minkova: 7].

Несколько иной подход, поддержанный впоследствии многими, предложил Бизе [Biese 1939]. Согласно Бизе, существен контраст между двумя половинами редулицированного слова: в английском языке краткие $[ɪ]$ и $[ʒ]$ различаются более значительно, чем $[ʒ]$ и долгий $[a:]$; Тан также считает, что именно максимальный контраст между двумя гласными является порождает особый семантический эффект, экспрессивность обсуждаемых слов [Thun 1963: 244].

Донна Минкова [Minkova] предлагает следующее объяснение внешней формы английских слов типа *riff-raff*: такая форма возникает в результате желания удовлетворить несколько противоречащих требований. С одной стороны, общие фонологические законы английского языка требуют начальное ударение в слове (и, соответственно, удлинения начальной гласной); с другой стороны, фонетические законы требуют удлинения конечного гласного в просодической группе. Кроме того,

существует общая типологическая закономерность, состоящая в том, что в просодических группах, где существует контраст по длительности, предпочтительно конечное ударение; в просодических группах, где существует контраст по напряженности, предпочтительней начальное ударение: следовательно, если ударение начальное, вероятен контраст по напряженности и не очень вероятен контраст по длительности. Требование тождественной долготы действует дважды: на фонологическом уровне (в английской редупликации не бывает фонологического контраста по длительности) и на фонетическом уровне (попытка сделать длительность двух слогов тождественной, в качестве заполнителя первого слога выбирается фонетически очень короткий гласный, [i], а в качестве заполнителя второго слова – фонетически долгий гласный, [a]).

Заключение

В своей основе два рассмотренных явления - парные слова и неточная редупликация - имеют совершенно различную природу. Парные слова являются специфической реализацией “естественного сочинения”. Их специфика заключена в синтаксической слитности, в промежуточном статусе между словосложением и словосочетанием, и мотивирована тесной семантической слитностью. Неточная редупликация, напротив, является довольно странным явлением, не поддающимся однозначной интерпретации (в отличие от парных слов) и довольно нерегулярно представленным в языках мира (в отличие от точной редупликации). Несмотря на такую несхожесть, рассматриваемые явления тесно связаны в восточнославянских языках, и их совместное изучение позволяет лучше понять явление неточной редупликации.

Неточная редупликация осмысляется в работе двумя путями - с одной стороны, через выделение операции неточного копирования, позволяющей рассматривать редуплицированные формы как своего рода парные слова, с другой стороны, как фонетическая игра, как идеальное выражение фонетических закономерностей, которые менее последовательно проявляются и в парных сочетаниях.

Модель правосторонней редупликации вовлекает, подстраивает под себя слова, которые изначально имели иное строение. Например, русское слово *фокус-покус* (старое *гокус-покус* из нем. *hocus rocus*) было немотивированной редупликацией, пока по аналогии с общей моделью из его состава не выделилось слово *фокус*; теперь соотношение *фокус* ~ *фокус-покус* можно расценивать как соотношение простой и редуплицированной форм (эта трактовка поддерживается наличием таких мотивированных редупликаций, как *мультик-пульттик*, *супер-пупер*, а также множества подобных редупликаций в считалках). Кроме того, тенденция парных слов к фонетической ассимиляции приводит к возникновению рифмованных сочетаний (*шалить и баловать* > *шаловать и баловать*); так как эти рифмованные сочетания подчиняются тем же фонетическим закономерностям, что и редупликация, в результате возникают сочетания, очень похожие на редупликативные (*няньки-мамки* > *няньки-маньки*, *кости-мошчи* > *кошчи-мошчи*). Есть пара совсем экзотических случаев, когда неясные восточные слова и имена, начинающиеся на *м-*, осознаются как

редупликативная копия и “достаиваются” первым элементом: *Мамстряк* > *Кострюк-Мастрюк*, *мурзы* > *турзы-мурзы* / *курзы-мурзы*.

Дальнейшая работа над материалом, рассмотренным в диссертационном сочинении, может пойти по двум направлениям: во-первых, к созданию словаря парных слов в традиционном восточнославянском фольклоре (разумеется, с включением туда всех пограничных случаев), а во-вторых, к созданию словаря рифмованных сочетаний в восточнославянских языках.

Приложение

Немотивированная редупликация в считалках

Ниже материал считалок по умолчанию приводится по сборнику [Виноградов 1999]. В скобках приводится количество вхождений.

Чередования инициальных согласных

м

к-: *колдыш, молдыш; хабель мабель; кыны мыны; курило-мурило* (2); *костюк-мостюк* (2); *колин-молин* (6, *колен-молен; колом-молот; ср. коля-моля*); *кондор-мондор* (*кондар-мондар*); *кинчики-минчики*; белорус. *куку-мак* [Морозов и др. 1997:175], белорус. *Касцюк, Масцюк* [Барташэвіч 1972, №796], *кэнта́р, мэнта́р* [Барташэвіч 1972, №867].

ч-: *чикирики-микирики* (4; также *чикерики-микерики* (2)); *чинчики-минчики* (2, также *тинчики-минчики*; ср. *кинчики-минчики*); *чиридэжин-миридэжин* (3); *чохман, мохман*; белорус. *чикилики, микилики* [Морозов и др. 1997: 175], белорус. брест. *чукэр макэр* [Топорков 1998, №5Г].

ш-: *шуни, муни* (2); *шахер-махер* (2); *шахтер махтер; шикин-микин; шышли-мышли; шундры-мундры; шуругу-муруга; шиндар-мындар; шантор-мантор*; белорус. *шэндэр, мэндэр* [Барташэвіч 1972, №818], *шэндэ́ль-мэндэ́ль* [Барташэвіч 1972, №837]; гомель. *шагер магер* [Топорков 1998, №17], гомель. *шахі-махі* [Топорков 1998, №5а], укр. житом. *шэнец, мэнец* [Топорков 1998, №19].

ц-: казач. *цокоты, мокоты* [Топорков 1998, №8].

ј-: *егель мегель* (*егин мегин*).

т-: *туни, муни; тулик-мулик* (тж. *тулин-мулин*); *титкин, мыткин; тикиляки-митилика; тетельки-метельки; тольчик-мольчик; турашка-мурашка*.

с-: *сохрун мохрун; сантик-мантик; сукарь мукарь; сита-мита; синчик-минчик*.

з-: *зинчик-минчик*.

п-: белорус. *пэ́ра, ма́ра* [Морозов и др. 1997:176].

ф-: *фигус, мигус*.

кластеры-: *квэ́нтер, мэ́нтер* (2); *срокол, мокол; трэ́нтер, мэ́нтер*, белорус. гомель. *шпаки, маки* [Топорков 1998, №1о].

гласные-: *эни мэни* (2, тж. *эна мэна*); *энтэр мэнтэр*; *ензы-мензы*; *эус меус*; *акер, макер*, в считалке из сборника пословиц В. Даля *асик-масик*, белор. гомель. *эны мены* [Топорков 1998, №4д].

б

к-: *кондырь-бондырь* (3); *кинтор бинтор* (2; *контэр-бинтэр*); *казан-базан* (*казын-базын*); *кэны-бэны*, белор. гомель. *куль-буль-буль* [Топорков 1998, №2м].

г-: белор. *гарцу-барцу* [Барташэвіч 1972, №872].

ч-: *чокон бокон* (2; *чёкам бокам*); *чикирики-бикирики*.

ш-: *шухтер, бухтер* (*шахта, бахта*); *шулды-булды* (2); *шарда-барда*; *шандер-бандер*; *шаранды-баранды*; *шатар-батар* (*шатыр, батыр*); *шуты-буты*; *шалан-балан*; *шуер, буер*; белор. *шалды-балды* [Барташэвіч 1972, №802], *шындаль-біндаль* [Барташэвіч 1972, №872].

ж-: *жараби-бараби*.

т-: *тары бары* (2, тж. *тара-бара*); *таты баты* (*татар-батар*); *тахар-бахар*; *туни-буни* (*тунчик-бунчик*); белор. гомель. *тюль, буль-буль*, укр. житом. *туль буль-буль*, чернигов. *туль, буль буль*, чернигов. *тюль буль* [Топорков 1998, №№2д, 2е, 2ж, 2к].

д-: *долин-болин*.

с-: *сентер-бентер*; *суты-буты*, белор. брест. *сэндер-мэндер* [Топорков 1998, №20].

р-: *рада ба́да*, брян. *рика бака*, укр. чернигов. *рика, бака*, [Топорков 1998, №1л, №1м].

ј-: *ёхарь-бохарь* (2); *юкси-букси* (*юксэ-бухсэ*); *ятер, бятер*.

ц-: *цец-бец, цер-берец*, брест. *цуль, буль-буль*, укр. сум. *цуль бульбуль* [Топороков 1998, №2з, №2н].

п-: *пыхтум, быхтум* (*пухтан-бухтан*).

в-: *вер-бер*. Ср. также *Вер-бер, бер-веры* // *вер-бер, бер-верья*.

ф-: белор. гомель. *фаль буль* [Топорков 1998 №6а].

кластеры-: белор. *клёнци, бонци* [Барташэвіч 1972, №869].

гласные-: *энэ бэнэ* (~ *эна бэна* ~ *эни-бэни* ~ *эны-бэны* ~ *ени бени*, много; *эно-бено*; *энь-бень*; *энде бэнде* (3); *эйне бэйнэ*; *эники-бэники* (3); *еники беники* (2); *еники бэники*; *энек-бенек*; *энега бенегга*; *эньки бэньки* (2); *ани бани* (3); *анка-банка*); *эле́м-беле́м* (*эли-бели*); *аты-баты* (тж. *атом батом* (2), *атам-батам*; *атан-батан*); *эта-бета* (*эти-бети*); *эки бэки* (2, тж. *ики быки, аки баки*); *ас-бас* (4); *эксен бэксен* (2, тж. *эксам бэксам*; *экцем бэкцем*; *эксы бэксы*; *иксын-биксын*; *исен бисен*; *екс-бекс*); *окин, бокин* (*оки, боки*); *оно боно*; *анды-банды* (тж. *андырь бандырь*); *эбид бэбид* (2); *ахцы-бахцы*; *аболь баболь*;

арцы барцы; уля буля; анта банта; анзы-банзы; энтыль-бэнтыль; эндер-бендер; уни-буни; энзы-бензы; эсь-бесь,

курск. *а-кете, ба-кете* [Топорков 1998, №6б],

курск. *эус-беуц* [Топорков 1998, №6б],

белор. *эні-бэні* [Барташэвіч 1972, №№ 829, 871, 874], *эна, бэна* [Барташэвіч 1972, №№ 867, 880], *эны-бэны* [Барташэвіч 1972, №№ 873, 878], *энікі-бэнікі* [Барташэвіч 1972, №№ 875, 876, 877]; *ані-бані* [Барташэвіч 1972, №798, №799]; *аты-баты* [Барташэвіч 1972, №№ 835, 836], *анты-банты* [Барташэвіч 1972, №834]; *экта-бэкта* [Барташэвіч 1972, №865]; *ас, бас* [Барташэвіч 1972, №874]; *унчык-бунчык* [Барташэвіч 1972, №798]; *алды-балды* [Барташэвіч 1972, №816], *анды, банды* [Барташэвіч 1972, №828]

курск., сум. *эус-бэус*, чернигов., гомель. *эус, бэус*, житом. *эус бэус*, брест. *эос-бэос*, чернигов. *уни-бини*, гомель. *анчу-банчу* [Топорков 1998, №1ж, 1п, 2д, 2е, 2ж, 2з, 2к, 2м], гомель. *аль буль* [Топорков 1998, №ба], гомел. *окон бокон* [Топорков 1998, №12], брест. *элих-бэлих* [Топорков 1998, №10], брест. *аз бас* [Топорков 1998, №5г],

укр. чернов. *аз, баз* [Топорков 1998, №5б], чернов. *айрум-байрум* [Топорков 1998, №26],.

п

сч-: *счето, пото.*

ш-: белорус. *шытыль-пытыль* [Барташэвіч 1972, №837].

ч-: ленингр. *чічи, пачи* [Топорков 1998, №23], белорус. *чыкенчыкі, пікенчыкі* [Барташэвіч 1972, №879], *чыкін, пікін* [Барташэвіч 1972, №879].

т-: *туя пуя; тики пики.*

д-: белорус. *дыкі-пакі* [Барташэвіч 1972, №873].

ц-: *цирл, пирл.*

н-: укр. житом. *нистэр, паздэр* [Топорков 1998, №19а, б].

р-: ленингр. *рики пики* [Топорков 1998, №7а], укр. чернигов. *рики, паки*, сум. *рики-паки*, закарп. *рики-пак* [Топорков 1998, №№2д, 2з, 2л].

л-: укр. житом. *лики паки* [Топорков 1998, №2к].

в-: *вывкин, пывкин.*

ф-: укр. брест. *фики, пики* [Топорков 1998, №3б].

гласные-: *экэтэ пэкэтэ* (2, тж. *экиты пекиты, эгэдэ пэгэдэ, этоки пэтоки, эдики пэдики*); *ики пики* (5, тж. *ика пика* (2); *икэ пикэ; эки пэки*); *ани-пани* (2); *эгана пегана; эгдэ пэгдэ; энэ пэнэ* (тж. *ена пена*); *энклички-пенклички; атки патки; ацу-пацу; эндель-*

пэндель. белор. *э-ката, пэ-ката* [Барташэвіч 1972, №869], *ікі, пікі* [Барташэвіч 1972, №869], житом. *ики, пики*, казач. *ики, пики* [Топорков 1998, №8], гомель. *экс-пэкс* [Топорков 1998, №3л], гомель. *экс, пэкс* [Топорков 1998, №6а].

Несомненно, из считалок рефрен в стихотворении Б. Заходера: *Энтличек-пентличек // Коробочка спичек, // На дубе сидела стая синичек...*

в

к-: белор. *кіндэр, віндэр* [Барташэвіч 1972, №868], брест. *контэр-винтэр* [Топорков 1998, №4а], *киндэр виндэр* [Топорков 1998, №4е].

ч-: *чокон вокон; чички вички (чичики-вичики); чичен вышен; чужик-вужик.*

ш-: *шараги-вараги; шарда-варда.*; житом. *шындэр, виндэр* [Топорков 1998, №4к].

т-: *тинтиль-винзиль* (много).

с-: *сеги-веги (седи-веди), синчин-ви нчин; сисин, визин.*

тр-: *трынды-вынды* (2).

м-: *мохвен, вóхвен.*

б-: *вер-бер, бер-веры // вер-бер, бер-верья.*

ф

р-: чернигов., гомель. *рики факи*, ленингр. *рики, факи*, гомель., курск. *реки-факи* [Топорков 1998, №№1а, 1в, 1е, 1ж, 2а, 2б, 2г].

л-: белор. *лікі-факі* [Барташэвіч 1972, №871], брест. *лики, фоки* [Топорков 1998, №1н].

д-: *дунко функо.*

кластеры: житом. *квинтер-финтер* [Топорков 1998, №4б], брест. *квинцир, финцир* [Топорков 1998, №4л], ленингр. *квинтер, финтер* [Топорков 1998, №4в].

гласные-: *аболь фаболь* (2, тж. *абаль фабаль; абэль фабэль; абль фабль* (2); *абера фабера; абэн фабэн*); белор. *адель-фабель* [Барташэвіч 1972, №865], житом. *абэль, фабэль, амбуль, фамбуль, ин, фин*, гомель. *абуль-фабуль, амбуль-фамбуль*, брян. *абэн-фабэн*, чернигов. *абэль фабэль*, брест. *абы, фабы, андэр, фандэр, инки, финки*, витеб. *абель-фабель* [Топорков 1998, №3а, 3в, 3г, 3д, 3ж, 3и, 3л, 3м, 3н], казач. *абэр, фабер* [Топорков 1998, №8], курск. *абыль фабыль* [Топорков 1998, №9], курск. *а-буль, фа-буль* [Топорков 1998, №6б], брест. *антэр фантэр* [Топорков 1998, №4з].

ј

ч-: чѣхман, ёхман (2, тж. чехман, ехман; чѣхмон, ёхмон; чохман, ехман; чоха ёха; чохар, ёхар).

ш-: шохман, ёхман; шохнум ёхнум; шохом ёхом; шурма, юрма.

т-: тени-ени; турбань-юрбань, белоз. тјоли-юли [Морозов и др. 1997: 175], чернигов. турда, юрда, турби-юрби [Топорков 1998, №1в, №1е].

с-: соромина-еромина, чернигов. сюрбэ юрбэ / сюрба-юрба [Топорков 1998, №1а, №1г].

ст-: стурбы-юрбы.

п-: белоз. пере, ере [Морозов и др. 1997: 175].

р

к-: волын. куку-рику [Топорков 1998, №16].

ч-: чички-рички; чух-рюх (3); чуха-рюха (2); чухо рюхо. (также белозер. чухо, рюхо [Морозов и др. 1997: 175].

ш-: житом. шыди-риди [Топорков 1998, №11].

т-: тохман, рохман.

кластеры-: белор. трычы, рычы [Барташевiч 1972, №864].

л

к-: катун ладун (чередование глухого и звонкого как в пятом ладом).

ш-: шохман, лохман; шата, лата; шушма-лушма; шучка лучка.; белоз. шига, лыга [Морозов и др. 1997:176]; шенк. арх. шўго-луго (в [СРНГ 17:175] считалка скорей всего ошибочно атрибутирована как “прибаутка”: Шуго-луго, пято-сото, сиво-иво).

ч-: чухо лухо.

щ-: щото-лото.

т-: таты, латы; тяп да ляп; туз-луз.

с-: сопинь-лопинь; ситом литом.

гласные: гомель. обо лыбо [Топорков 1998, №12].

н

ш-: шапам-напам (шапаш-напаш).

с-: сукты нукты.

икото никото.

д

с-: *сукум, дукум*.

т-: калуж. *тар-дар* [Топорков 1998, №76]

гласные-: *ан дан* (2х; *ан дран; ант тан*); *эндзы-дэнзды*; белор. *она, дуна* [Барташэвіч 1972, №868]; *эвус, дэвус* [Барташэвіч 1972, №873], гомель. *эос дэос*, брест. *эус-дэус*, брест. *абэ, дабэ* [Топорков 1998, №№16, 2в, 3к], закарп. *оно доно* [Топорков 1998, №4и], гомель. *оне одне* [Топорков 1998, №17], житом. *ана, дуна* [Топорков 1998, №4к], брест. *анэ дунэ* [Топорков 1998, №4з].

т

р-: гомель., чернигов. *рики таки*, гомель., брест., курск. *рики-таки*, витеб. *рыки-таки* [Топорков 1998, №№16, 1г, 1д, 1з, 1и, 1п, 2ж, 2и, 2м].

л-: *лямба тамба*, брест. *люки, таки* [Топорков 1998, №2в].

п-: брест. *пики, тики* [Топорков 1998, №3в].

гласные-: *альма тальма; анга-танга*; белор. *экс, тэкс* [Барташэвіч 1972, №865].

з

д-: *донэ, зонэ (дон зон)*.

т-: *тулю, зулю*.

ц

гласные-: брест. *эн-цэн* [Топорков 1998, №10], витеб. *ак-цук* [Топорков 1998, №3и].

ч

эти чети, брян. *рин-чин* [Топорков 1998, №3д].

х

Гомель. *унтер хунтер* [Топорков 1998, №4м].

к

эуш кэуш; эус гэус., белор. *туров. бóуцель-кóуцель* (Туров 1:77).

гласные

гуран-уран (2); *шураги-ураги*; *чокан окан*; *пири-ири* (2); *пери ери* (2); *перем, ерем, тэус эус*; белор. *місі-асі* [Барташэвіч 1972, №870], гомель. *тюрьба ульба*, витеб., курск. *турба-урба*, чернигов. *шурба, урба*, курск. *шорба-урба* [Топорков 1998, №№1б, 1д, 1ж, 1з, 1и, 1л].

бр

чинчи-бринчи; *чинжи-бринжи* (много); *чики-брики* (3); *чикунчики - брикунчики*; *шитым брытым*.

тинти-бринти (много).

синти-бринти (много); *сито-брито*; *сенька-бренька*.

цынца-брынца (много; тж. *цынцы-брынцы, цынцин-брынцин*); белоз. *цынцы-брынцы* [Морозов и др. 1997: 176].

тринди-бринди (*трынды-брынды*); *стрень-брень*; *крыки брыки*

инзы-брынзы; *анца бранца*.

белор. *цынцы-брынцы* [Барташэвіч 1972, №№ 838, 839], житом. *цыкы-брыкы* [Топорков 1998, №3е].

другие кластеры

ян дран чичеган; *найчик-драйчик*; *шитым, глистым*; *эйне клейне*;

абе снабе; *эву штэву*; белор. *анцы, цванцы* [Барташэвіч 1972, №864], гомель. *ляки шмаки*, чернигов. *яка, шмака*, житом. *рики хваки*, волын. *чики-чрики* [Топорков 1998, №№1б, 1к, 1л, 3з], брест. *антэр хвантэр* [Топорков 1998, №4з].

Библиография

Абраменко 2000 — *Абраменко О.А.* Новые данные по рефлексации индоевропейских окончаний gen., dat. и loc. sg. а-склонения (на материале западных и северо-западных русских говоров). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.

Адоньева 1993 — Традиционная русская магия в записях конца XX века / Сост. С.Б.Адоньева, О.А. Овчинникова. СПб., 1993.

Алиева 1980 — Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы повторов / *Алиева Н.Ф.* (ред.) М., 1980.

Ананичева и др. 2001 — Детский фольклор. Частушки. Серия “Фольклорные сокровища московской земли” / Вступительные статьи, составление, комментарии Т.М. Ананичевой, Е.Г. Борониной и др. Т.4. М., 2001

Андронов 1965 — *Андронов М.С.* Дравидийские языки. М., 1965.

Андронов 1978 — *Андронов М.С.* Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1978.

Аникин 1957 — *Аникин В.П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957.

Аникин 2000 — *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М. — Новосибирск, 2000.

Апресян 1974 — *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., 1974.

Архипова, Минлос 2003 — *Архипова А.С., Минлос Ф.Р.* Формальные закономерности в сочетаниях имен. // *Успенский Ф.Б. (сост.)* Именослов. Заметки по исторической семантике имени. М., 2003. с. 258-266

Афанасьев 1957 — Русские народные сказки А.Н.Афанасьева. Т. 1-3. М., 1957.

Балдаев, Белко, Исупов 1992 — Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / Сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М., 1992.

Барташэвіч 1972 — Дзіцячы фальклор / Сост. Г.А. Барташэвіч. Мінск, 1972.

Баскаков 1952 — *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. Т. 2, ч. 1. М., 1952.

Бекіш 1960 — Бекіш В. 3 лексікі вёскі Кліманты // *Янкоўскі Ф. (ред.)* Матэрыялы для слоўнініка народна-дзяляктнай мовы. Мінск, 1960.

Беликов 1980 — *Беликов В.И.* К вопросу об основаниях генеалогической классификации (на материале восточнополинезийских языков) // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980.

- Беликов 1990 — *Беликов В.И.* Продуктивная модель повтора в русском языке. Материал для обсуждения // *Russian Linguistics*. 1990. Vol 14.
- Беликов, Крысин 2001 — *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. М., 2001.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Березовский 1987 — Загадки / Сост. *И.П. Березовский*. Київ, 1987.
- Бессонов 1868 — *Бессонов П.* Детские песни. М., 1868.
- Блумфилд 1968 — *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Богатырев 1971 — *Богатырев П.Г.* Народный театр чехов и словаков // Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Болонев и др. 1997 — Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Песни. Заговоры / Издание подготовили *Ф.Ф. Болонев* и др. Новосибирск, 1997.
- Болонев, Мельников 1981 — Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / Сост., вступ. статья и примеч. *Ф.Ф. Болоньева* и *М.Н. Мельникова*. Новосибирск, 1981.
- Буков 1971 — Матеріали до словника буковинських говірок. Чернівці, 1971.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Булыгина, Шмелев 2000 — *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* “Стихийная лингвистика” (folk linguistics) // Крысин Л.П. (ред.) Русский язык сегодня. 1. М., 2000.
- Бурлак, Старостин 2001 — *Бурлак С.А., Старостин С.А.* Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001.
- Былины Печоры — Былины Печоры. [Серия “Свод русского фольклора. Былины в 25 томах.”] Корпус текстов подготовили *В.И. Еремина* и др. С-Пб., Москва, 2001.
- Вайнрайх 1979 — *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Киев, 1979.
- Вайс 2000 — *Вайс Д.* Русские двойные глаголы: кто хозяин, а кто слуга? // Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию академика *Ю.Д. Апресяна*. М., 2000.
- Варбот 1986 — *Варбот Ж.Ж.* О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // *Этимология* 1984. М., 1986.
- Васильев 1999 — *Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М., 1999.
- Вежбицкая 1996 — *Вежбицкая А.* Личные имена и экспрессивное словообразование // *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вейнрейх 1970 — *Вейнрейх У.* О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. V (языковые универсалии). М., 1970.

Виноградов 1927 — *Виноградов Н.* Словарь соловецкого условного языка. Соловки, 1927 // Козловский З.

Виноградов 1968 — *Виноградов В.В.* Историко-этимологические заметки. IV. I: Кутить // *Этимология* 1966. М., 1968/

Виноградов 1998 — *Виноградов Г.С.* Детская сатирическая лирика // *Русский школьный фольклор.* М., 1998.

Виноградов 1999 — *Виноградов Г.С.* Детские игровые прелюдии // *Виноградов Г.С. Страна детей. Избранные труды по этнографии детства.* СПб., 1999.

Виноградов 2000 — *Виноградов В.А.* Введение: проблемы морфемики в языках Африки // *Виноградов В.А. (ред.) Основы африканского языкознания. Морфемика. Морфонология.* М., 2000.

Виноградова 1993 — *Виноградова Л.Н.* Заговорные формулы от детской бессонницы как тексты коммуникативного типа // *Заговор.*

Гамкрелидзе, Иванов 1984- *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Георгиева-Стойкова 1961 — *Георгиева-Стойкова С.* Български народни гатанки. София, 1961.

Герд — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Глав. ред. А.С. Герд.* 1994-.

Горгониев 1966 — *Горгониев Ю.А.* Грамматика кхмерского языка. М., 1966.

Грайс 1985 — *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XVI. М., 1985.

Григорьев 2000 — *Григорьев В.П.* Будетлянин. М., 2000.

Гринченко — *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка. Т. I-IV. Киев, 1909-1911.

Гура 1997 — *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Даль - Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, В 4 т.т. – СПб., М., 1880.

Джафар 1900 — *Джафар М.* Об искусственном образовании парных слов (Reimwörter) // *Янзук Н.Я. (ред.) Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера, изданный его друзьями и почитателями.* М., 1900.

Дмитриев 1940 — *Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940.

Дмитриев 1948 — *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948.

Дмитриев 1962 — *Дмитриев Н.К.* О парных словосочетаниях в башкирском языке

// *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. М., 1962.

Добровольский 1893 — *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 2. СПб., 1893.

Довженок 1986 — Дитячий фольклор / Сост. Г.В. Довженок. Київ, 1986.

Дурново 1902 — *Дурново Н.Н.* Мелкие заметки по русской диалектологии // Журнал министерства народного просвещения. 1902. VI.

Евгеньева 1963 — *Евгеньева А.П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XX в.в. М.-Л., 1963.

Егорушкина 2000 — Егорушкина Н.Л. Парные слова в волжских и пермских языках. Дипломная работа. МГУ, ОТиПЛ. М., 2000.

Егорушкина 2002 — *Егорушкина Н.Л.* Выражение значения "и тому подобное" в сфере парных слов (на материале волжско-пермских языков в сопоставлении с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими) // Третья Зимняя Типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии, материалы лекций и семинаров. М., 2002.

Елеонская 1994 — *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. М., 1994.

Елистратов 2000 — *Елистратов В.С.* Словарь московского арга. М., 2000.

Жолобов, Крысько 2001 — *Жолобов О.Ф., Крысько В.Б.* Двойственное число. М., 2001.

Журавлев 1982 — *Журавлев А.Ф.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // *Шмелев Д.Н. (ред.)* Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.

Заговор — Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.

Занадворова 2000 — *Занадворова А.В.* Прозвища и обращения в семейном речевом общении // *Л.П. Крысин (ред.)* Русский язык сегодня. М., 2000.

Зебницкий 1907 — *Зебницкий П.* Заговоры (конца 18 века) // Живая старина. 1907. Вып.1 Отд.2.

Земская и др. 1983 — *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.

Зернова 1932 — *Зернова А.Б.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // Советская этнография. 1932.

ЗиЗП — Заговоры и заклинания Пинежья. Карпогоры, 1994.

Золотова 1998 — *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.

Зубрицкая 2002 — *Зубрицкая Е.* Фонология. // *Кибрик А.А., Кобозева И.М., Секерина И.А. (ред.)* Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М., 2002.

Иванов 1969 — *Иванов Вяч. Вс.* Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. // *Этимология.* 1967. М., 1969.

Иванов 1981 — *Иванов Вяч. Вс.* Морфонологические чередования в индоевропейском глаголе // *Попова Т.В., Толстая С.М. (ред.)* Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981.

Иванов 1982 — *Иванов Е.* Меткое московское слово. М., 1982.

Иванов 1996 — *Иванов Вяч. Вс.* Инварианты и вариации в подходе Якобсона к звуку и значению // *Материалы международного конгресса “100 лет Р.О. Якобсону”.* М., 1996.

Иванов 2000 — *Иванов Вяч. Вс.* Заумь и театр абсурда у Хлебникова и обэриутов в свете современной лингвистической теории // *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. М., 2000.

Иванов, Топоров 1975 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // *Типологические исследования по фольклору.* М., 1975.

Исторические песни — *Исторические песни XIII-XIV в.в.* М.-Л., 1960.

Јашар-Настева 1978 — *Јашар-Настева О.* За формалните и функционалните особености на редупликацијата во македонскиот јазик // *Македонски јазик.* 29. Скопје, 1978.

Кайдаров 1958 — *Кайдаров А.* Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.

Каравасилева 1968 — *Каравасилева С.* Дълга гласна *и* в говора на с. Върбица, Преславско // *Българска диалектология.* Проучвания и материали. Книга IV. София, 1968.

Касевич 1986 — *Касевич В.Б.* Морфонология. Л., 1986.

Катенина 1963 — *Катенина Т.Е.* Язык маратхи. М., 1963.

Киреевский – Записи П.И. Якушкина. Том 2 // *Собрание народных песен П.В. Киреевского.* Ленинград, 1986. [После номера текста, если текст достаточно большой, указан номер строки.]

Кирша Данилов – Древние российские стихотворения, изданные Киршею Даниловым. СПб., 2000. [Т.к. в имеющемся у нас издании строки не пронумерованы, после номера текста указан номер страницы.]

Кобозева 2000 — *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.

Кодзасов, Кривнова 2001 — *Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф.* Общая фонетика. М., 2001.

Козловский — *Козловский В.* Собрание русских воровских словарей. Т. 1-4. New York, 1983.

Коляденков 1959 — *Коляденков М.Н.* Структура простого предложения в мордовских языках. Предложение и его главные члены. Саранск, 1959.

Кононов 1956 — *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956.

Кримський 1928 — *Кримський А.Е.* Калач-малач, кішміш-мішміш // *Кримський А.Е.* Розвідки, статті та замітки. Київ, 1928.

Кронгауз 1998 — Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.

Круглов 1989 — *Круглов Ю.Г.* Русские обрядовые песни. М., 1989.

Круглова 1997 – Обрядовая поэзия. Книга 1. Календарный фольклор / Сост. Ю.Г.Круглова. М., 1997.

Кривіцкі, Цыхун, Яшкін — Тураўскі слоўнік. Сост. А.А. Кривіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін. Т. 1-5. Мінск, 1982 -1987.

Крылов 2002 — *Крылов С.А.* Морфемика современного монгольского языка. Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. М., 2002.

Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е.Е.* Заумь // *Толстой Н.И. (ред.)* Славянские древности. Т. 2. М., 1999.

Лекомцева 1980 — *Лекомцева М.И.* Семантика некоторых риторических фигур, основанных на тавтологии (на материале “Похвального слова Кириллу-философу” Климента Охридского) // *Цивьян Т.В. (ред)* Структура текста. М., 1980.

Липеровский 1997 — *Липеровский В.П.* Очерк грамматики современного авадхи. М., 1997.

Лихачев и др. 1984 — *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984.

Лыткин, Гуляев 1970 — *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Майков 1868 — *Майков Л.Н.* Великорусские заговоры // Записки императорского

русского географического общества. Кн. 2. 1868.

Майтинская 1959 — *Майтинская К.Е.* Венгерский язык. Часть II. Грамматическое словообразование. М., 1959.

Макашина 1994 — *Макашина Т.С.* Святые Косьма и Дамиан в русском фольклоре // *Живая старина*. 1994, №3.

Мартынова 1997 — Детский поэтический фольклор. Антология / Сост. А.Н. Мартынова. СПб., 1997.

Мартынова, Митрофанова 1986 — Пословицы. Поговорки. Загадки / Сост. А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанова. М., 1986.

Маслов 1997 — *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. Изд. 3-е. М., 1997.

Махмудова 2001 — *Махмудова С.М.* Морфология рутульского языка. М., 2001.

Мельниченко 1961 — *Мельниченко Г.П.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

Мельчук 1974 — *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей “Смысл \leftrightarrow Текст”. М., 1974.

Мельчук 1998 — *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Т. II. М.-Вена, 1998.

Мельчук 2000 — *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Т. III. М.-Вена, 2000.

Младенов 1975 — *Младенов М.С.* Об одном типе повторений в болгарском языке, имеющем параллель в румынском языке // *Revue roumaine de linguistique*. 1975 (XX), 4.

Мокиенко, Никитина 2001 — Словарь псковских пословиц и поговорок / Составители В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. С.-Петербург, 2001.

Молошная 1975 — *Молошная Т.Н.* Субстантивные словосочетания в славянских языках. М., 1975.

Морозов и др. 1997 — *Морозов И.А. и др.* Духовная культура северного Белозерья. М., 1997.

Морохин 1986 — Малые жанры русского фольклора. Хрестоматия / Сост. В.Н. Морохин. М., 1986.

Невская 1983 — *Невская Л.Г.* Тавтология как один из способов организации фольклорного текста // *Цивьян Т.В. (ред)* Текст: семантика и структура. М., 1983.

Никитина 1999 — *Никитина С.Е.* Об уме и разуме (на материале русских народно-поэтических текстов) // *Е.Е. Левкиевская и др. (ред.)* Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999.

Николаев 1985 — *Николаев С.Г.* Что такое хухры-мухры? // *Русская речь*, 1985, 4.

Обрядовая поэзия — Обрядовая поэзия. Книга I. Календарный фольклор. М., 1997.

Оглоблин 1996 — *Оглоблин А.К.* Очерк диахронической типологии малайско-яванских языков. М., 1996.

Орел 1977 — *Орел В.Э.* К объяснению некоторых “вырожденных” славянских текстов // *Судник Т.М., Цивьян Т.В. (ред.)* Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977.

Плунгян 2000 — *Плунгян В.А.* Общая морфология. М., 2000.

Плунгян, Рахилина 1996 — *Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* “Тушат-тушат — не потушат”: грамматика одной глагольной конструкции // *Исследования по глаголу в славянских языках.* Загрзер В., Петрухина Е.В.. М., 1996.

Полес. заговоры — Полесские заговоры (в записях 1970-1990-х г.г.) / Сост. Т.А. Агапкина, Е.Е. Левкиевская и А.Л. Топорков. М., 2003.

Померанцева 1973 — Традиционный фольклор Владимирской деревни. Под ред. Э.В. Померанцевой. М., 1973.

Попов 1912 — *Попов В.М.* Словарь воровского и арестантского языка. М., 1912 // *Козловский 2.*

Попова 1985 — *Попова Н.В.* Трехчленность как ритмико-синтаксическая особенность нижегородского диалекта и фольклора // *Диалектная лексика 1982.* Л., 1985.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1 –. Л., 1967 –.

Потапов 1927 — *Потапов С.М.* Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М., 1927 // *Козловский 3.*

Рабинович 2000 — *Рабинович Е.* Риторика повседневности. Спб., 2000.

Рамстед 1957 — *Рамстед Г.И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957.

Расторгуев 1973 — *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.

Рачева 2003 — *Рачева М.* Еще раз “о зеленом коне” // *Этимология 2002-2003.* М., 2003.

Реформатский 1967 — *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. 4-е изд., исправленное и дополненное. М., 1967

Рожанский 2000 — *Рожанский Ф.И.* Редупликация в языках Западной Африки // *Виноградов В. А. (ред.)* Основы африканского языкознания. М., 2000.

Рубинчик 2001 — *Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.

Санников 2002 — *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.

Сборник Александра Шилова — сектантские духовные стихи // Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2003.

Сборник Василия Степанова — духовные стихи, секта христовщины (“хлысты”) // Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2003.

Севортыан 1974 — *Севортыан Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

Сирк 1980 — *Сирк Ю. Х.* О структуре повторов в западных индонезийских языках // Алиева 1980.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края / Сборник Б. и Ю. Соколовых. Т.2. СПб, 1999.

Солнцев 1995 — *Солнцев В.М.* Введение в теорию изолирующих языков. М., 1997.

СПГ — Словарь пермских говоров. Т. 1-. Пермь, 2000-.

СРГНО — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

СРГСУ-Д — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнение. Екатеринбург, 1996.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1965 и сл.

Тенишев 1976 — *Тенишев Э.Р.* Строй саларского языка. М., 1976.

Тестелец 2001 — *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Тихонравов 1858 — *Тихонравов Н.С.* Владимирский сборник: Материалы для статистики, этнографии и археологии Владимирской губернии. М., 1858.

Ткаченко 1979 — *Ткаченко О.Б.* Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979.

Тонков 1930 — *Тонков В.* Опыт исследования воровского языка. Казань, 1930 // *Козловский З.*

Топорков 1998 — *Топорков Л.Н.* Заумь в детской поэзии // *Белоусов А.Ф. (сост.)* Русский школьный фольклор. М., 1998.

Усачева 1999 — *Усачева В.В.* Калина // *Толстой Н.И. (ред.)* Славянские древности. Т. 2. М., 1999.

Фасмер - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х т.т. М., 1986-1987.

Федорова 1981 — *Федорова В.П.* Особый тип припева в необрядовых лирических песнях // Русский фольклор. XXI. Поэтика русского фольклора. Л., 1981.

Фергюсон 1975 — *Фергюсон Ч.* Автономная детская речь в шести языках // Новое

в лингвистике. Вып. VII (социолингвистика). М., 1975.

Флегон 1973 — *Флегон*. За пределами русских словарей. London, 1973.

Хроленко 1985 — *Хроленко А.Т.* Репрезентативные пары слов в диалектном и устно-поэтическом аспектах // *Диалектная лексика* 1982. Л., 1985.

Цонев 1985 — *Цонев Б.* История на българския език. Т. II. София, 1985

Чебанюк 1987 — *Календарно-обрядові пісні* / Сост. О.Ю. Чебанюк. Київ, 1987.

Чевкина 1964 — *Чевкина Л.М.* Парные конструкции в современном бенгальском языке // *Быкова Е.М. (ред.)* Вопросы грамматики бенгальского языка. М., 1964.

Чуковский 1991 — *Чуковский К.И.* Дневник 1901-1929. М., 1991.

Шанский 1968 — *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.

Шаповалова, Лаврентьева 1985 — Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева. Л., 1985.

Шаповалова, Лаврентьева 1998 — Жили-были... Русская обрядовая поэзия / Сост. Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева. СПб., 1998.

Шаталава 1975 — *Шаталава Л.Ф.* Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.

Шахматов 1949 — *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. 2-ое изд. Л., 1949.

Шведова 1960 — *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Шейн 1900 — *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, легендах и т.п. Т. I. СПб., 1900.

Шеянова 1996 — *Шеянова Т.М.* Формирование лексики мордовских литературных языков. ДД. Саранск, 1996.

Шляхова 1998 — *Шляхова С.С.* Аномальные языковые формы в разных фольклорных жанрах // *Фольклорный текст-98. Сборник докладов.* Пермь, 1998.

Шмелев 2002 — *Шмелев Д.Н.* О “связанных” синтаксических конструкциях в русском языке // *Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку.* М., 2002.

Эйсман 1994 — *Эйсман В.* Типы бессоюзных составных существительных в русском и их соответствия в южнославянских языках // *Нещименко Г. и др. (ред.)* Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М., 1994

Эрвин-Трипп 1975 — *Эрвин-Трипп С.М.* Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия. // *Новое в лингвистике. Выпуск VII (социолингвистика).* М., 1975.

Этерлей 1972 — *Этерлей Е.Н.* К вопросу о видовой дифференциации русского глагола // *Филин Ф.П., Сороколетов Ф.П. (ред.)* Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика 1971. М., 1972

Юдин 1997 — *Юдин А.В.* Ономастикон русских заговоров. М., 1997.

Юшманов 1998 — *Юшманов Н.В.* Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической филологии. М., 1998.

Якобсон 1979 — *Якобсон Р.* Новейшая русская поэзия // *Jakobson R. Selected writings. V. The Hague; Paris; New York. 1979.* [ср. также издание, где был изъят фольклорный текст с нецензурным словом: *Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987*].

Янко-Триницкая 1968 — *Янко-Триницкая Н.А.* “Штучки-дрючки” устной речи // *Русская речь. 1968. № 4.*

Янко-Триницкая 2001 — *Янко-Триницкая Н.А.* Словообразование в современном русском языке. М., 2001.

Яуневіч 1960 — *Яуневіч М.* 3 лексікі вёскі Кліны // *Янкоўскі Ф. (ред.)* Матэрыялы для слоўнініка. Мінск, 1960.

Alderete et al. 1997 — *Alderete J., Beckman J., Benua L., Gnanadesikan A., McCarthy J., Urbanczyk S.* Reduplication and Segmental Unmarkedness.

Bednarczuk 1971 — *Bednarczuk L.* Indo-european parataxis. Kraków, 1971.

Biese 1939 — *Biese Y.M.* Neuenglish tick-tack und Verwandtes // *Neuphilologische Mitteilungen, vol. 40. Helsinki, 1939.*

Burkhart 1985 — *Burkhart D.* Zu den Doppelwörtern in Balkansprachen. Semantische und pragmatische Aspekte der Reduplication // *Zeitschrift für Balkanologie. XXI. 1985.*

Chomsky, Halle 1968 — *Chomsky N, Halle M.* The Sound Pattern of English. New York, 1968.

Davis 1988 — *Davis S.* On the nature of internal reduplication // *Hammond M., Noonan M. (eds.)* Theoretical morphology. Approaches in modern linguistics. San Diego, 1988.

Fox 1974 — *Fox J.* To speaks in pairs: essays on the ritual languages of eastern Indonesia. Cambridge, 1974.

Fox 1988 — *Fox James J.* To speak in pairs: essays on the ritual languages of eastern Indonesia. Cambridge, 1988.

Frampton 2002 — *Frampton J.* Distributed Reduplication. <http://www.math.neu.edu/ling/>

Gil 2002 — *Gil D.* From Repetition to Reduplication in Riau Indonesian: Graz

Reduplication Conference, Institut für Sprachwissenschaft, Universität Graz.

Golston & Thurgood 1999 – *Goldston Ch., E. Thurgood*. Reduplication as Echo: Evidence from Bontok and Chumash. // [ROA # 456].

Grannes 1978 — *Grannes A*. Le redoublement turk a *m*-initial en bulgare // Балканско езикознание. XXI. 2. София, 1978.

Graur 1963 — *Graur A*. Un tip de formule rimate // Graur A. Etimologii Romaffnesi. 1963

Güntert 1914 — *Güntert H*. Über Reimwortbildung im Arischen und Altgriechischen. Heidelberg, 1914.

Hasan 1974 — *Hasan A*. The morphology of Malay. Kuala Lumpur, 1974.

Ito et al. — *Ito J., Kitagawa Y., Mester R.A.*. Prosodic Faithfulness and Correspondence: Evidence from a Japanese Argot.

Jakobson 1962 — *Jakobson R*. Why “mama” and “papa”? // *Jakobson R*. Selected writings. Vol. I. The Hague, 1962.

Jespersen 1946 — *Jespersen O*. Mankind, Nation and Individual from Linguistic Point of View. London, 1946.

Knappová 1999 — *Knappová M*. Přezdívki v promnách staletí // Acta Onomastica. XL. Praha, 1999.

Kuraszkiewicz 1969 — *Kuraszkiewicz W*. Od wyrazow szata, płat do szmata, szmat // Jezyk polski. XLIX. Krakow, 1969.

Lambrecht 1984 — *Lambrecht K*. Formulaicity, frame semantics and pragmatics in German binomial expressions // Language. 1984.Vol 60. № 4.

Lewis 1967 — *Lewis G. L*. Turkish grammar. Oxford, 1967.

Lidz 2000 — *Lidz J*. Echo reduplication in Kannada: Implications for a Theory of Word-formation. University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. Vol. 6 (3). 2000.

Müller 1909 — *Müller M*. Die Reim- und Ablautkomposita des Englischen. Diss. Strassburg, 1909.

Mahadeo 1968 — *Mahadeo L.A*. Reduplication, Echo Formation and Onomatopoeia in Marathi. Poona, 1968.

Malkiel 1959 – *Malkiel Y*. Studies in irreversible binominals. Lingua. VIII-2.1959.

Marantz 1982 — *Marantz A*. Re Reduplication // Linguistic Inquiry. 1982. Vol. 13. № 3.

Marchand 1960 — *Marchand H*. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. A Synchronic-Diachronic Approach. Wiesbaden, 1960.

McCarthy & Prince 1986 — *McCarthy J., Prince Alan S*. Prosodic Morphology. Ms.,

University of Massachusetts, Amherst and Brandeis University.

McCarthy & Prince 1995 — *McCarthy J., Prince Alan S.* Faithfulness and reduplicative identity // Jill Beckman et al. (eds.) University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics 18.:GLSA, University of Massachusetts; Amherst, 1995. 249-384.

Minkova — *Minkova D.* Ablaut reduplication and prosodic well-formedness in English: the criss-crossing of phonetics and phonology. http://englishwww.humnet.ucla.edu/faculty/minkova/EnglishAblaut_Reduplication.pdf

Moravczik 1978 — *Moravczik E.* Reduplicative constructions // *Greenberg J.H.* (ed.) Universals of Human Language. Vol. 3: Word Structure. Stanford, California, 1978.

Morin 1972 — *Morin Y.* Ch. The Phonology of Echo-Words in French // *Language*. Vol. 48 . 97-108

Niepokuj 1997 — *Niepokuj M.* The development of Verbal Reduplication in Indo-European. Washington, 1997.

Obrátil — *Obrátil K.J.* Kryptadia. T. 1-3. Praha, 2000.

Plähn 1987 — *Plähn J.* Хуйня-муйня и тому подобное // *Russian linguistics*.1987. Vol.11.

Prince & Smolensky 1993 — *Prince A.C., Smolensky P.* Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar. Rutgers University, New Brunswick; University of Colorado, Boulder, ms. To appear in MIT Press.

Raimy 2000 — *Raimy E.* The Phonology and Morphology of Reduplication. Berlin, 2000.

Restle — *Restle D.* Reduplication as pure Constituent Copying // Eighth International Phonology Meeting. Abstracts. (<http://www.univie.ac.at/linguistics/conferences/phon96/abstract>).

Rieger 1998 — *Rieger T.* Reduplication and the Arbitrariness of Sign. // *Gernsbacher, M. and Darry S. (Eds.)* Proceedings of the Twentieth Annual Conference of the Cognitive Science Society. Lawrence Erlbaum Associates, Mahwah, NJ. 1998.

ROA – Rutgers Optimality Archive. <http://roa.rutgers.ru>

Simonides 1985 — *Simonides D.* Ele mele dudki. Rymowanki dzieci sul laskich (Studium folkloristyczne). Katowice, 1985.

Steriade 1988 — *Steriade D.* Reduplication and syllable transfer in Sanskrit and elsewhere // *Phonology*. Vol 5. 1988

Thun 1963 – *Thun N.* Reduplicative words in English. Uppsala, 1963.

Wheatly 1866 — *Wheatly H. B.* Dictionary of Reduplicated Words in the English language. London, 1866.

Wilbur 1973 — *Wilbur R.* The phonology of reduplication. Indiana University Linguistic Club, 1973.

Yip 1999 — *Yip M.* Reduplication as Alliteration and Rhyme. // [ROA #377].

Yip 2000 — *Yip M.* Segmental unmarkedness versus input preservation in reduplication // *Lombardi L. (ed.)* Segmental phonology in Optimality Theory. Cambridge University Press. 2000.